

***XII международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2020***

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ПРАКТИКА

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции
19–21 ноября 2020 г.
Санкт-Петербург, Россия

***XII International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2020***

PHILOSOPHY. ETHICS. PRACTICE.

*Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics*

***Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 19–21, 2020***

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов, к.филос.н., доц. Е.А.Овчинникова

П26 **ХII международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2020. Философия. Этика. Практика».** Санкт-петербургский Государственный Университет, 19-21 ноября 2020 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2020. – 180 с.

Очередной юбилей встречает Институт философии СПбГУ, один из важнейших центров философской науки России. В рамках факультета сложилось несколько научных школ; среди них – санкт-петербургская школа этики.

Традиция проведения международных этических конференций в СПбГУ восходит к 2007 г. География конференции только за последние 5 лет: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск, Мурманск, Кострома, Калининград, Воронеж, Саратов, Махачкала, Якутск, Омск, Екатеринбург, Волгоград, Тюмень, Рязань, Тамбов, Пермь, Омск и т.д. Широк круг зарубежных участников: Литва, Финляндия, США, Аргентина, Бразилия, Германия, Италия, Франция, Испания, Белоруссия, Польша, Словакия, Япония, Иран, Кувейт. Ряд мероприятий проводится совместно с общественной организацией «Голоса за животных» (Санкт-Петербург).

Конференция посвящена исследованию истории отечественной и зарубежной этической мысли, важнейших этических феноменов современного общества, категорий морали и практической философии.

Адресовано специалистам в области философии, теоретической и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-85263-226-5

9 785852 632265

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2020
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) – председатель
 Апресян Р.Г. (Институт философии РАН), Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский государственный университет), Барташевич Т.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Васильев И.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Гефенас Е. (Вильнюсский университет), Громова Л.А. (Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена), Держивичский Е.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Зимбули А.Е. (Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена), Ковалева Т.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Кулакова Т.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Лаптенко А.С. (Белорусский государственный экономический университет), Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский государственный университет), Лисанюк Е.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Маджима Ш. (Университет Хиросимы), Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Плашиенкова З. (Университет им.А.Я.Коменского), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский государственный университет), Разин А.В. (Московский государственный университет), Сергеев А.С. (Санкт-Петербургский государственный университет), Синютин М.В. (Санкт-Петербургский государственный университет), Скворцов А.А. (Московский государственный университет), Стребков А.И. (Санкт-Петербургский государственный университет), Сунами А.Н. (Санкт-Петербургский государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук), Яскевич Я.С. (Белорусский государственный университет).

Рабочая группа:

Перова Н.В. – секретарь, Гарвардт М.А., Глебова С.В., Глобина А.К.

ассистенты модераторов:

Виноградова А.В., Головков В.В., Стрешнева К.О., Шеваренкова А.В.

PROGRAM COMMITTEE

Perov Vadim (St. Petersburg State University) – Chairman
 Apressyan Ruben (The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), Artemov Georgiy (St.Petersburg State University), Bartashevich Tatiana (St.Petersburg State University), Brodsky Alexander (St.Petersburg State University), Vasilyev Iliia (St.Petersburg State University), Gefenas Evgenius (Vilnius University), Gromova Ludmila (Herzen University), Derzhivitsky Evgeniy (St.Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Kovaleva Tatiana (St.Petersburg State University), Laptenok Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Larionov Igor (St.Petersburg State University), Lisanyuk Elena (St.Petersburg State University), Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania), Majima Shunzo (Hiroshima University, Sapporo, Japan), Ovchinnikova Elena (St.Petersburg State University), Plasienskova Z. (Comenius University in Bratislava, Slovakia), Polozhentsev Andrey (St.Petersburg State University), Razin Alexander (Moscow State University), Sergeev Alexander (St.Petersburg State University), Sinyutin Mikhail (St.Petersburg State University), Skvortsov Alexey (Moscow State University), Strebkov Alexander (St.Petersburg State University), Sunami Artem (St.Petersburg State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus).

Executive committee:

Perova Nina – Secretary, Garvardt Maria, Glebova Sofia, Globina Anna

assistant moderators:

Vinogradova Anastasija, Golovkov Vladislav, Strezhneva Kristina, Shevarenkova Anastasija

Agostino Cera
Adjunct Professor

Accademia di belle arti di Napoli (Italy)

BEYOND THE IMPERATIVE RESPONSIBILITY.

ETHICS IN THE ANTHROPOCENE

My paper aims to sketch an ethical paradox emerging within the Anthropocene: the Paradox of Omni-responsibility. The main outcome of this paradox is the overcoming of Jonas' imperative responsibility as an ethical standard over recent decades.

The first step of my argument is a critical dissection of the Anthropocene, namely the acknowledgement that in its essence it emerges less as a scientific concept than as «the ideational underpinning for a particular worldview». This worldview equates to the acritical acceptance of the definitive (con)fusion between techné and physis, whose final result is a «de-natured image of nature», i.e. a «Technature». Within this new framework, human being leaves its traditional role of the lord of a nature conceived as an object and takes on that of the «Planetary Manager» of a nature conceived as living being. More precisely, nature becomes a kind of pet: something living, but entirely dependent on our capability to take care of it and therefore something for which we feel totally responsible. I define this phenomenon Pet-tification of Nature, a new form of reification for it.

The combination between the Pet-tification of Nature» and the absolutization of the responsibility of the Planetary Manager generates the Ethical Paradox of Omni-Responsibility. On the basis of its ecological duty of total caretaking of its environment, human being gives birth to a Neo-Prometheanism, i.e. a new form of anthropocentrism not less problematic than the traditional one. This Anthropocenic or Neo- Prometheanism is the outcome of an 'Aidosean' man (after Aidos, the Greek goddess of modesty), who feels himself 'only' as the steward/manager of a nature conceived as a living being. However, this living being is thought to be in permanent need of a total care. In this case, Promethean hybris emerges as the paradoxical result of man's hyper-interest and omni-responsibility towards the otherness of nature.

As a result, the Anthropocene proves to be the epoch in which Jonas' «imperative responsibility» no longer works precisely because it becomes entirely makeable. If this imperative has been the cornerstone of an «ethics for the technological age», probably it will not play the same role for the rising anthropocenic age. As the age of our total responsibility, the Anthropocene represents the limit case where such an imperative unknowingly becomes the instrument of a new form of anthropocentrism: the Neo-Prometheanism. This means that from an ethical perspective the most urgent request of the current age is that we acknowledge the Limits of Responsibility, namely the potential dangerous consequences of our best intentions, when they become completely makeable. At the same time, it demands that we become aware of a new ethical problem: the potential aporia between the responsibility for the other and the respect of its otherness, namely of the fact that no authentic «Verantwortlichkeit» (responsibility) is possible without «Gelassenheit» (releasement).

However, the acknowledgment of this new ethical problem could also indicate the first stage for its overcoming: a renewed dialogue between responsibility and releasement, namely Jonas and Heidegger.

Daljeet Dhanju
Ph.D. Candidate
Punjabi University, Patiala
Dr. Jatinder Kumar Sharma

RIGHTS OF THE UNBORN VS RIGHTS OF THE MOTHER: CONSIDERATIONS FOR AND AGAINST ABORTION

Key-words: Miscarriage, Abortion, Principle of Value of Life, Principle of Individual Freedom.

Life is invaluable and human life is seen to be having an intrinsic value. An action leading to the termination of life is not only considered to be crime but is also seen as inappropriate from moral point of view. Here, the question arises whether terminating an embryonic-life is also morally wrong? Is abortion inappropriate? This is a dilemmatic problem which is being deliberated from moral and social perspectives. Sometimes miscarriage and induced abortion are taken to be synonyms, but in fact they belong to two different categories –miscarriage means termination of pregnancy due to certain natural factors, whereas abortion signifies intentional termination of pregnancy.

The problem of abortion is conceptually related to certain other problems. One is linked to the principle of value of life and the other is related to the principle of individual freedom. If, on the one hand, it is said that embryo has right to life, on the other, the mother also has complete right over her body. According to the principle of freedom, if she wills, she has the right to terminate her pregnancy; but at the same time the principle of value of life also entails the right to life of the embryo.

Another fundamental question that arises along with the problem of abortion is: what may be seen as the beginning of human life and when can we associate the concept of value with it; and should it be given same moral consideration which is given to a grown up human being.

The present paper seeks to analyse these issues by a critical consideration of arguments for and against the abortion.

Alexandru Dragomir
Ph.D., Assistant Professor
University of Bucharest

ON THE PHYSICAL POSSIBILITY OF SUPRA-PERSONAL MORAL STATUS – ARE WE JUSTIFIED TO BELIEVE IT?

grant support information: «CNCS – UEFISCDI, project number PN-III-P1-1.1-PD-2019-0004, within PNCDI III»

Topic: Ethical issues of emerging technologies.

Keywords: cognitive enhancement, bioethics, post-personhood.

The problem of the possibility of supra-personal moral status, or post-personhood, is a newcomer in the (bio)ethics and medical ethics literature, although being a recurrent theme of discussion in the field of transhumanism and fantasizing, in popular culture. The shared view is that post-personhood is a category of moral status above personhood, in the sense that post-persons might rightfully claim a set of basic rights that would reduce the immunity to permissible harm of mere persons (Agar 2014, Douglas 2013).

Two types of arguments are used in order to conclude that post-persons are physically or technologically possible: inductive arguments (Agar 2014) and conceivability arguments (Douglas 2013, inter alia).

Although the inductive arguments have already been criticized (Mihailov & Dragomir 2018), the conceivability arguments have not undergone in-depth scrutiny. Such arguments hold that post-persons are conceivable, given a background knowledge of (1) the emerging biotechnologies (pharmaceutics, robotics, genetics) aimed at enhancing human cognitive and physical capacities, (2) the existing theoretical accounts of moral status, and (3) the observed historical dynamics of our practice of conferring moral status.

I will argue that any act of conceiving post-persons is unreliable as a guide to metaphysical possibility. Since we do not hold justification for their metaphysical possibility, we are not justified in believing their physical possibility. I will propose two lines of argumentation for this:

(1) Conceiving beings that have extraordinary cognitive and physical capacities involves only sensorial imagery, but conceiving that they could rightfully claim an extended set of basic rights does not. As such, post-persons are the subject of non-sensorial, theory-laden acts of conceiving, that are not reliable guides to metaphysical possibility (van Inwagen 1998).

(2) Conceiving human beings that are cognitively and physically enhanced to a point where they could rightfully claim an extended set of basic rights involves joining in a single imaginary experiment (a) an instance of a concept of cognitive endowment, and (b) an instance of a concept of moral status (in this case, supra-personal moral status). As I will argue, such imaginary experiments belong to a type that is unreliable as a guide to metaphysical possibility.

Consequently, since our belief in the metaphysical possibility of post-persons stems from unreliable acts of conceiving, it should not count as justified. Hence, we are not justified in believing that post-persons are physically possible.

References

1. Agar, N. (2014). *Truly Human Enhancement*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
2. Douglas, Th. (2013). Human enhancement and supra-personal moral status. *Philosophical Studies* 162 (3):473-497.
3. van Inwagen, P. (1998). Modal epistemology. *Philosophical Studies* 92 (1):67-84.
4. Mihailov, E. & Dragomir, A. (2018). Will cognitive enhancement create post-persons? The use(lessness) of induction in determining the likelihood of moral status enhancement. *Bioethics* 32(5): 308-313.

Jane Gatley

MA, Ph.D. student

University of Birmingham

MORAL EDUCATION THROUGH THE PHILOSOPHICAL CANON

Whether children ought to be taught some form of moral education in schools, and what form that moral education ought to take are politically and epistemically sensitive issues. For example, Michael Hand argues that moral education risks indoctrinating children (2016), and Clayton and Stevens reply that it is not indoctrination, but divergence from societal views that educators ought to worry about (2019). In this paper, I present an account of moral education which rests on the contributions of the discipline of philosophy. I argue that through learning about the parts of the philosophical canon which address moral questions, students are provided with the best available material to guide their own moral lives. This has advantages over other accounts of moral education which require policy makers, teachers, or parents to make a decision about what they consider to be moral and immoral. For example, a virtue ethics account of moral education is premised on the view that virtue ethics is broadly correct. Any such decision, I argue, risks either indoctrinatory

practices, or politically controversial teaching. Instead, I propose that a pluralistic, nuanced approach to moral education ought to be taken which highlights and explores the difficulties humans face in the moral sphere. Turning to the discipline of philosophy provides this sort of approach. Teaching children moral philosophy takes them seriously as moral agents and fully prepares them for living moral lives, including in the face of challenges and doubt. This conclusion is based on an account of the nature and aims of education which holds that theoretical material helps students to understand and interact with the world around them. As a result, educators have an imperative to address prominent and pressing questions that children are likely to encounter over the course of their lives. Moral questions are prominent and pressing, and so educators have a duty to address them.

William Hahn

Independent Scholar

AMBIGUITIES OF INFERENCE AND IMPLICATION: THE ARISTOTELIAN SYLLOGISM BETWEEN LOGIC AND THE THEORY OF ARGUMENT

Aristotle's syllogism appears to present a logical consequence relation, though it often seems to be applied in contexts of reasoning and inference. In his theory of arguments that fail to demonstrate, Aristotle argues that every cause of argument failure is essentially alike. In his Sophistical Refutations and Topics, however, significant differences emerge between the various contexts in which arguments are said to fail: one fails to syllogize, one begs the question, one's conclusion is more familiar than its premises, another's conclusion precedes its premises. The contradictory ways in which Aristotle thus approaches arguments that fail to demonstrate gives rise to serious ambiguity; in some passages, Aristotle considers all argument failures to be the same, but distinguishes them elsewhere. This paper invokes Harman's distinction between logic and reasoning to generate an interpretation accounting for these ambiguities in the Aristotelian corpus. The numerous contexts of Aristotle's syllogism—demonstrative, didactic, dialectic, eristic, and peirastic—all contain the purpose of persuasion and appeal to the intended interlocutor's procedures of inferential reasoning. They are characterized by interplay between multiple agents representing distinct but familiar epistemic positions. In this way, Aristotle frequently uses the syllogism in contexts of rhetoric, persuasion, and reasoning. In other cases, however, Aristotle clearly construes the syllogism as a theory of deduction. In these cases, argument failure seems more characteristic of the absence of a logical consequence relation. Employing Harman's distinction, this paper argues that Aristotle's syllogism is not solely a theory of logic nor of reasoning, thereby resolving a number of apparent ambiguities between the two and suggesting the full range of Aristotle's contribution to both logic and the theory of argument.

Lucia Heldáková

Ph.D., Assistant Professor

University of Pavol Jozef Šafárik in Košice

CURRICULUM OF ETHICAL EDUCATION IN SLOVAKIA (PROBLEMS AND PROSPECTS)

The Slovak platform (based on European foundations) for teaching ethical education was based on projects that have not yet been verified and are currently outdated. R. R. Olivar's concept provides a quality basis for teaching ethical education, but does not reflect the modern and emerging requirements of information and technological progress, globalization and the consequences of socio-political, economic or social changes. At the Department of Applied Ethics (UPJŠ), graduates, future teachers of ethical education, must

complete the necessary philosophical and ethical basis (history of philosophical and ethical thinking and special subdisciplines of applied ethics), which are based on the theoretical and practical acquisition of didactic specifics of teaching ethics. Currently at the Department of Applied Ethics, the basis for a new paradigm of teaching ethical education at primary and secondary schools and the related new model of didactics of ethical education oriented towards public space is emerging.

Leszek Kopciuch

Ph.D., DSc (habilitated doctor), Professor, dean of faculty
UMCS – Maria Curie-Skłodowska University in Lublin

DOES CREATIVITY HAVE A MORAL SIDE?

It seems to be something obvious that human creativity may have a positive or negative. Our actions may be good or bad. For instance, they may lead to negative consequences, even if their intentions are morally justified. This is why it is especially remarkable that there are also concepts that represent a totally different thinking on creativity. To such original concepts belongs nowadays an interpretation of creativity offered by Marc A. Runco. In his last articles he develops a «parsimonious» idea of creativity and formulates several important arguments that demonstrate creativity as a process which is axiologically and morally neutral. The following ideas belong to his arguments: i) one must think in an economic and parsimonious way; this is why one should separate a process of creativity from their results, especially that the same act of creativity may have several different results; ii) creativity is blind and partly random and it does not have any teleological nature; iii) creativity is similar to the process of evolution because both of them are blind; iv) this is why it is unjustified to evaluate creativity based on their products; v) these products are unknown beforehand in the process of creativity itself because creativity consists in free variations; vi) all product of creativity must be new and it means that they cannot be known beforehand as some objectives in a process of creativity itself; vii) as a result, a negative or positive value of these products cannot determine a value of creativity as a process. In some opposition to this way of thinking on creativity I endeavour to argue that: i) we should use the economic principle of thinking only if phenomena we want to describe are really simple; ii) in many aspects a creativity is a directed process which may have a teleological character; iii) creativity is a form of human teleological activity and this is why it is not similar to the process of evolution which is really blind; iv) this is why it is justified in many cases to evaluate creativity based on their products; v) in some understanding these products must be known in a process of creativity itself, even if real products are not identical with planned goals; vi) all products of creativity must be new but novelty is relational; therefore it may be related to the social recognition and not to the objectives of a creative action; vii) as a result, creativity may have a dark side and should be treated as a process that is not axiologically and morally neutral.

Nicola Liberati

Ph.D., Associate Professor
Shanghai Jiao Tong University

FASHION AND SMART TEXTILE: A PHENOMENOLOGICAL AND POSTPHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE

Digital technologies are becoming pervasive, and they are starting to be intertwined with our everyday activities and with our everyday objects. Common objects like our clothes are becoming digitally embedded by being able to capture and visualize data generated by the

users. Thus, there is almost a «perfect» connection between our body and the digital technologies applied to them.

Fashion is starting to introduce digital technologies within its development by designing novel clothes with these digital technologies like in the case of smart textiles. However, even if the demand for these clothes is high and there are already a lot of different prototypes, it is not clear the effects this introduction might have on what fashion is and the ideas underlying it. Thanks to postphenomenology, it is clear the introduction of novel technologies changes the way we give meanings to our world and that they shape how we think of who we are in general. Even if smart textiles might be «added» to clothes by fashion as if they were neutral technologies, they will have a huge impact on how fashion is perceived by society and it will shape its future developments.

For example, smart textile and wearable computers enable to visualize emotions in real time, and so they thematize emotions as a valuable element within fashion even if the actual praxes related to catwalk and models are designed to hide emotions.

Through a postphenomenological and phenomenological analysis, I will show how such a technological introduction generates the possibility to change some founding elements within fashion.

For example, I will focus on the idea of what a wearing subject is within the praxes in fashion and how the introduction of emotions and bodily activities is going to affect it. More specifically I will focus on the catwalk as an environment and the models as trained wearing subjects. Moreover, since fashion shapes the perception of ourselves, by focusing on these changes in fashion we also open the discourse on the effects of these technologies on who we are in society.

Dmytro Mykhailov

Ph.D., Postdoctoral Fellow

Nanjing Normal University

AI IN MEDICAL DIAGNOSIS: MAPPING THE FIELD OF ETHICAL ISSUES

Today's medical diagnostic is complex. It includes a wide variety of components (problem-solving, pattern recognition, decision making, a judgment under uncertainty) and involves the collection of facts coming from the patient interview, the results of laboratory exams, or the clinical examination. Moreover, nowadays, medical diagnostic mostly deals with formalization. As a consequence, intellectual decision-support systems (in further text abbreviated as IDSS) appeared to be a significant component of the doctor's medical reasoning. Said differently, the doctor's decision-making is constituted by the combination of human actions and artifactual behavior. This sort of technological mediation leads to a swarm of ethical concerns that deal with artificial moral agency, distributed morality, technological determinism, etc.

There is a wide variety of different IDSS technologies. In the core of this system lays machine learning (ML) techniques. Today, one of the most popular ML techniques for the IDSS systems is so-called artificial neural networks (ANN) and «deep learning» mechanisms. The most important feature of neural networks is the ability to learn over time. As this comes together, it shows that IDSS possess a certain type of moral agency to define which we need an extended version of the technological mediation that will include agents with a specific type of moral behavior.

This paper assumes that the major ethical issues that may be caused by IDSS are responsibility issues. The latter could be specified in the following ethical groups:

1. Traceability problems. The harm caused by IDSS in diagnostics is hard to clarify (to localize the harm and understand its cause), and it is tough to find out who is responsible for

the harm caused. The important question here is this: «Who is responsible for the erroneous disease detection in case of the usage of AI decision-support tools?»

2. New professional responsibilities. The implementation of IDSS leads to new professional responsibilities both for IT-professionals and for medical staff. These responsibilities are usually tough to predict and forecast. The main questions in this section are: (1) How has a doctor's responsibility in diagnostics changed because of the usage of IDSS? (2) Whether AI tools impose new or special medical responsibilities? (3) How the usage of IDSS will influence the «patient-doctor» relationship? (4) What kind of new professional skills will doctors of the future need to operate with IDSS properly?

3. The algorithmic determinism. IDSS strongly influences a doctor's decision-making and responsibilities. Sometimes it is questionable when the doctor should be responsible for its decision and when he should delegate its responsibilities to AI. That is why the following questions may arise: (1) whether computing tools help or interfere, attempts to meet professional responsibilities? (2) Does AI promote or demote the responsible behavior of the doctor, and in which way?

4. Wide scope of moral responsibility. The IDSS connects (and mediate) three different social layers (IT-professionals, doctors, patients). By doing so, this technology extremely transforms the range and scope of responsibilities between these groups. The critical question here is this: «How does the usage of AI in diagnostics will change professional codes of ethics and conduct?»

Michail Pantoulia

Post-doctoral researcher, University of Athens, Greece

Vasiliki Vergouli

Ph.D. candidate, University of Patras, Greece

Panagiotis Thanassas

Associate Professor of Philosophy, University of Athens, Greece

ARISTOTLE'S CONCEPT OF TRUTH AND THE EPISTEMOLOGICAL PREMISES OF THE NICHOMACHEAN ETHICS

Truth has always been a controversial subject in Aristotelian scholarship. In its most formal iterations (De Interpretatione 4) truth is defined in specific linguistic and formal terms; however, in important passages of Nicomachean Ethics VI this definition falls short of illuminating how truth is involved in practical matters or how the various ways in which the soul is connected with truth are consistent with each other. In the following thesis we focus on the two most extreme examples: phronesis, which, although fundamentally practical, is related to truth – and more precisely, practical truth; and Nous, which, although in many cases not discursive, is a faculty that not only perceives truth, but does so infallibly. Our study will test the hypothesis that Aristotle's idea of practical truth, as presented in NE VI.2, offers an important mediator between concepts of dianoetic virtues which prima facie seem far apart. Based on Olfert's position (2017) that practical truth is connected with what is good for a person in certain, contingent circumstances as opposed to the theoretical truth of invariable principles, we intend to show that: 1) The connection between contingent truths depending on circumstances and invariable principles accessible only via scientific approach guarantees and necessitates a communication between theoretical and practical truth, in order for the whole practical life to be successful (deon... symphonein 1107a32), which in turn demonstrates the usefulness of moral philosophy as indicated by Aristotle in 1094a22-24. 2) The accumulation of knowledge described in Posterior Analytics II.19, which results – without originating primarily from a conscious effort – in the discovery of principles via the faculty of Nous (for relevant interpretations of Nous: Burnyeat 2012,

Kosman 2014, Leshner 1973), may generate a preliminary form of theoretical reason that informs in crucial ways our practical reason, even if there is no developed moral science yet. This may also be why Aristotle claims that only people of maturity and age can fully understand moral philosophy, since one of the components of practical wisdom, i.e. the *Nous* which is combined with desire (*orektikos*), is developed through the inductive experience described in the *Posterior Analytics*. Conversely, since the function of *Nous* is to offer true principles for the sciences, the very science of Ethics becomes epistemically possible, while at the same time beneficial to practical wisdom itself, as the *Nous* involved in human praxis gets further informed by continuous accumulation of information.

Keywords: Aristotle, Ethics, Action, Truth, *Nous*, *Phronesis*

This research is co-financed by Greece and the European Union (European Social Fund- ESF) through the Operational Programme “Human Resources Development, Education and Lifelong Learning 2014-2020”, in the context of the project “Forms of Truth in the Nicomachean Ethics: The Concept of Truth and the Epistemic Presuppositions of Moral Philosophy” (MIS 5049250)

Emmanuel Picavet

Professor, Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, UFR 10 (Philosophy)

«Institut des Sciences Juridique et Philosophique de la Sorbonne», ISJPS (UMR 8103)

Gilles Campagnolo

Ph.D., Doctorate and Habilitation

A Full Research Professor, National Center for Scientific Research (CNRS), France/Aix-Marseille School of Economics (AMSE); Associate, London School of Economics (LSE),

UK /Center for Philosophy Natural & Social Sciences

ETHICS AND THE CHALLENGES OF ECONOMIC PHILOSOPHY

The creation of the «Revue de Philosophie Economique» / Review of Economic Philosophy in 2000 was an event whose intellectual consequences have been considerable, notably in the field of applied ethics. The fact that the economy lends itself to a permanent questioning of its approach finds a parallel in the philosophical challenges of giving the means to act in society (or on society), and developing a reflection on the conditions of ethical questioning and its own influence (or lack of influence). This beneficial questioning is a permanent invitation to exercise rationality in a critical form and this can be illustrated by the 20-year celebration of the *Revue* and the associated collection of articles to be included in special volume.

One of the eminent roles of economic philosophy is to bring consistency to the understanding of social norms, collective knowledge and beliefs as evolve in society, and the pros and cons of alternative systems of social interaction (as they appear to the agents themselves in the first place. Various institutions face ethical, environmental, social and cultural claims and a critical analysis of their functionings and ideals requires the active collaboration of epistemology, economics and ethics.

Social norms and beliefs are crucial elements of social complexity, and they condition the success and the moral relevance of real-life action. Insofar as economic philosophy promotes research on norms and beliefs in society, it makes a contribution to the theory and practice of effective organization. The field of economic philosophy is therefore broader than the mere investigation of the methodological processes by which scientific thought moves ahead in economics and in related economy-related academic disciplines. It investigates the underlying choices that are always present in the development of knowledge and its uses – epistemic, methodological, ontological, logical, ethical and political choices.

For example, the study of rationality, which is largely common to philosophy and economics is not only aiming at the development of a «toolbox» for modeling, consistent

with the orientations of methodological individualism. It is also, inevitably, an occasion for the critical investigation about the forms or modalities of decision-making in social and technological settings. It makes it necessary to consider rationality as such, in the network of its connections with practical issues, both strategic and moral ones. The ramifications in the field of ethics deserve to be discussed and this presentation provides an opportunity to do so, in light of the contribution of economic philosophy, with emphasis on the interconnectedness of theoretical and practical challenges.

Markus Tschoegl

Teaching Assistant

University of Vienna, Department of Philosophy

INDIGNATION AS A THREAT TO MORAL DISCOURSE

Sometimes moral arguments fail, not because they are bad arguments, but because they are either rendered ineffective, blocked from being considered, or even prevented from being uttered by moral indignation i.e., an intuitive emotional reaction towards perceived violations of accepted moral norms. This phenomenon can be observed whenever people get together to argue about moral issues; yet it has been widely neglected in the literature. Scholars from different disciplines have discussed the importance of different emotions for moral discourse from a broad variety of angles, but they have so far failed to address how indignation and moral arguments mutually affect each other and thereby shape moral discourse more generally. In my talk, I want to fill this gap and explore the dynamic that can emerge between arguments and indignation. I will give an account of how moral arguments can elicit indignation, and how indignation can, in turn, make arguments fail. I then discuss the implications of this dynamic for moral discourse more generally, arguing that indignation is essentially a double-edged sword. On the one hand, Indignation is often considered to be beneficial to moral discourse because it can draw attention to moral issues and motivate effective punitive responses to moral transgressions. On the other hand, Indignation can exert a variety of detrimental effects on moral discourse because it is not only interfering with bad arguments, but also sound ones that aim to change things for the better. As paradoxical as it might seem, this is because the same thing that allows the most powerful arguments to be effective in the first place, may elicit indignation and thereby render them ineffective. As a consequence, moral indignation may create and perpetuate a state of argumentative injustice, in which certain moral issues are systematically neglected because sound arguments addressing them don't work.

William Tullius

Ph.D., Instructor of Philosophy

American Public University System, Department of Philosophy

PERSON IN COMMUNITY, REPENTANCE AND HISTORICAL MEANING: FROM AN INDIVIDUAL TO A SOCIAL ETHICS IN STEIN'S EARLY PHENOMENOLOGICAL TREATISES

As Stein scholarship continues to advance beyond its early hermeneutical and historical concerns in the relation and impact of Stein's thought upon the currents of early phenomenological and neo-scholastic debates, new freedom is beginning to emerge to explore themes hitherto little studied, yet important for further understanding the full potency of Stein's thought and for situating her contributions against the backdrop of both current and historical philosophical concerns. Among those important implications include Stein's contributions to philosophical efforts in wrestling with ethical life and responsibility.

For the purposes of this paper, I take it for granted that Stein's philosophical corpus implicitly entails a consciously developing ethical vision entering into conversation with ethical philosophy's major representatives. Stein's ethics, to the extent that we can speak of them, are consistently linked to developments in her philosophical anthropology and, later, her metaphysics. Focusing on the early phases of her philosophical career, one may notice in the elaboration of her philosophical anthropology a certain trajectory of analysis leading from inquiry concerning the constitution of the individual human being to the development of a multi-faceted and multi-layered social theory into which person is always already integrated. Stein's ethics in this period, on the back of these ongoing inquiries, demonstrate a parallel transitional development from an initial focus upon the disclosure of individual, personal lines of ethical responsibility to a focus on articulating the nature of individual ethical becoming in relation to the community of others as well as the nature of ethical becoming and responsibility of the community itself.

This paper will endeavor to explicate the development of Stein's ethics from her earliest focus on the person and personal 'unfolding' to the development of a social ethics of community and the state, culminating in a theory of moral solidarity, historical responsibility, and the necessary role of communal repentance, of continual importance for the further development of contemporary ethical society.

Matthew Turyn
MA Candidate

Georgia State University

THE NEED FOR EPISTEMIC FIRST-PERSON AUTHORITY

Talia Mae Bettcher (2009) argues that first-person authority (FPA) should be understood as an ethical principle, not an epistemic principle. In this paper, I argue that an ameliorative inquiry of gender identity should aim towards an epistemic version of FPA. Without an epistemic version of FPA, we cannot draw substantive conclusions from the phenomenological reports of trans and nonbinary individuals. Further, abandoning the epistemic FPA seems to suggest that accepting others' gender identities is merely a matter of politely going along with what others have said, regardless of the truth.

I begin by arguing that the ethical version of FPA is not an adequate target for a concept of gender. The ethical version of FPA states that we have an unqualified obligation to accept others' sincere self-ascriptions of mental states so as not to violate their individual autonomy. A man who believes that his date does not want to be out with him has a moral obligation to refrain from saying 'You want to go home' (Bettcher 2009). Though this position seems unproblematic in such contexts, a metaphysics of gender that respects trans and nonbinary identities requires a firmer stance. When we accept others' sincere self-ascriptions of their gender identities, we take these to, in some way, constitute their gender identities. Further, the kinds of conclusions that philosophers such as Robin Dembroff (2020) draw about nonbinary identities on the basis of testimony from nonbinary individuals requires that we adopt something much closer to the epistemic conception of FPA.

I then argue that the epistemic version of FPA requires a form of internalism about gender. According to externalist views of gender such as Haslanger's (2000), one's gender is determined by the social role that one occupies and by the manner in which one is perceived by others. Should we accept a form of externalism, we cannot rely on the sincere assertions of trans and nonbinary persons to determine their gender identities. Recognizing epistemic FPA requires that we reject this view, which leaves us with the internalist position, according to which one's gender is determined by one's psychological states.

I conclude by defending one form of internalism--according to which to be a member of a gender class is to have a complex set of dispositions--from several objections that Dembroff (2020) levels against the position. Dembroff's most effective argument against a dispositional view is an appeal to the imperfect social conditions that surround us. Nonbinary and trans persons might never act in a way that accords with their felt gender identities because of the social pressures against doing so. I argue that a close examination of 'masked' dispositions (Johnston 1992) can allow us to circumvent these problems. Some disposition is masked when its causal base remains intact and it is exposed to its stimulus conditions, yet the disposition does not manifest. By explaining social pressures as masks, we can avoid the problems that appealing to ideal conditions might raise.

Works cited:

- Dembroff, Robin (forthcoming). *Beyond Binary: Genderqueer as Critical Gender Kind*. Philosophers' Imprint.
- Bettcher, Talia Mae (2009). *Trans Identities and First-Person Authority*. In Laurie Shrage (ed.), *You've Changed: Sex Reassignment and Personal Identity*. Oxford University Press.
- Haslanger, Sally (2000). Gender and race: (What) are they? (What) do we want them to be? *Noûs* 34 (1):31–55.
- Jenkins, Katharine (2016). Amelioration and Inclusion: Gender Identity and the Concept of Woman. *Ethics* 126 (2):394-421.
- (2018). *Toward an Account of Gender Identity*. *Ergo: An Open Access Journal of Philosophy* 5.
- Johnston, Mark (1992). How to speak of the colors. *Philosophical Studies* 68 (3):221-263.
- Lewis, David K. (1997). Finkish dispositions. *Philosophical Quarterly* 47 (187):143-158.
- Martin, C. B. (1994). Dispositions and conditionals. *Philosophical Quarterly* 44 (174):1-8.
- McKittrick, Jennifer (2015). A dispositional account of gender. *Philosophical Studies* 172 (10):2575-2589.

Mohsen Shiravand
Assistant Professor
University of Isfahan

CONCEPTUAL ANALYSIS OF «GOOD» FROM THE PERSPECTIVE OF HOLY QURAN

The core focus of moral philosophy is the analysis of the value concept of «Good». Although moral philosophy is a young discipline, many schools and thinkers have turned to the analysis of the notion of «good». Some philosophers like George Edward Moore believe that the notion of «good» is one of the «essential concepts». In other words, «good» is a real and external description of the objects that can be perceived through rational intuition not by means of sensation. Alfred J. Ayer in «*Language, Truth and Logic*» argues that good is nothing but the «feelings» of the speaker. Contractualists also believe that «good» and «bad» vary in proportion to human goals. Of course, meanwhile, some scholars have resorted to «*Divine Command Theory*» in order to suggest that human actions do not have anything to do with «goodness» and «badness» regardless of divine command, which is the source of an action's being qualified as either good or bad. On the other hand, we believe that the analysis provided by the holy scripture is of paramount importance. Holy Quran is the final reference of valuation of good and bad among Muslims. This heavenly book has analyzed the notion of «good» in many verses. Perhaps one of the most important verses in Surah Al Baqara is the verse 201: «O' Our Lord! Give us the good in this world and the good in the other world!» In this verse, «good» is repeated twice, one in relation to this

world while the other is concerned with the other world. In fact, this verse highlights «worldly good and otherworldly good». Among the questions that deserve to be discussed, one can refer to the following: «What is Quran's analysis of the notion of «good»? Upon which foundations does Quran analyze the source of Good? What relationship do good and bad have with existential aspect of individuals? Whether Quranic Good is different in view of the duality of world-otherworld? This descriptive-analytic method uses Quranic exegeses in order to answer the latter questions.

Lubov Vladyková

Ph.D., Senior Lecturer

University of Pavol Jozef Šafárik in Košice

ECOLOGICAL ETHICS: ARTICULATION OF THE RELATION BETWEEN HUMAN BEINGS AND OTHER LIVING ENTITIES

The present paper deals with the project of ecological ethics as a distinctive field of ethics, transgressing the sphere of interpersonal relations to which ethics used to be restricted until relatively recently. Ecological ethics articulates the relation between human beings and other living entities and alternatively other nonhuman natural substances. Ecological ethics has become an interdisciplinary poly-discourse, an attempt to draw attention to the deeper meaning of life; it has become a new way of reflecting on our place in the natural world by raising questions about what we need to know (competence of science), how we need to act (competence of ethics and politics) with regard to the environmental and ecological aspects of understanding of our existence. In addition, the present paper adds to these theoretical implications the concept of pronaturalness based on the fact that our decision to adopt this attitude determines our status of moral, rational and intelligent beings capable of amplifying our positions and perspectives of nature in a global context.

Авдеева Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

МОЖЕТ ЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БЫТЬ КОРПОРАТИВНОЙ?

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико- нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

Корпоративная ответственность – достаточно устоявшийся термин, который закрепляет некие закрепившиеся в социальном пространстве практики. В данном случае он привязан именно к практикам профессиональной деятельности и бизнес-деятельности. Однако его содержание требует прояснения в связи с некой неопределенностью его этического содержания.

Во-первых, корпоративная ответственность – нечто, возникшее как специфический феномен на стыке права и морали, в связи с чем мы можем наблюдать некую двойкость содержания понятия ответственность в контексте «корпоративная». Во-вторых, трудность интерпретации такого содержания будет также касаться субъекта и объекта этой корпоративной ответственности и различных векторов понимания самой корпоративной ответственности.

Субъектом корпоративной ответственности, как видно из самого термина, является некая организация, корпорация, компания, или то, что иногда называется коллективным субъектом. Когда дело касается правовых отношений, то в них корпорация выступает именно таким образом. Тогда сама ответственность понимается как некое взятие на себя обязательств неким лицом и контроль за их исполнением. В этом от-

ношении правовая сторона корпоративной ответственности четко выстраивает субъект-объектную диспозицию – корпорация и требования, которые она ставит и реализует по отношению к другим (партнерам, обществу, работникам, конкурентам и т.д.). Ответственность за реализацию этих требований касается также корпорации в целом. В праве это закрепляется четким формальным образом.

Однако же, когда мы говорим об этической ответственности, то вопрос субъекта и объекта корпоративной ответственности не так прост, как кажется. Потому что содержание моральной ответственности, впрочем как и нравственное содержание корпоративной ответственности, предполагает отношение самого человека к некоей практической деятельности, где под словом «ответственность» понимается некая зависимость человеческих действий от неких оснований для принятия решений и свершения действий и наоборот – установление человеком оснований для всякого рода деятельности, к которой он причастен. Когда основания даются человеку извне и нет прямой зависимости человека между поступком и его осознанием, то и нет моральной стороны ответственности. Поэтому так важно понимать корпоративную ответственность в пространстве общей корпоративной культуры, где человек приобщается к ценностным основаниям практической деятельности. В этом случае выстраивается совсем иное понимание корпоративной ответственности как ответственности индивидуальной по своему этическому содержанию. Поэтому понятие корпоративной ответственности своим этическим содержанием выстраивает иного субъекта – человека, а не просто абстрактную корпорацию в целом. Таким образом, корпоративная ответственность с этической точки зрения начинается и заканчивается индивидуальной ответственностью всех заинтересованных сторон и субъектов как людей, а не абстрактных объединений.

Алейников Андрей Викторович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

АСИММЕТРИЯ РИСК-РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРАКТИК: РЕАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ И ТОРГОВЛЯ УГРОЗАМИ

РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексия в современных российских стратегиях управления конфликтом»

В теоретических ресурсах, концептуальных и методологических подходах междисциплинарных исследований рисков и их рефлексий имеются существенные лакуны и представлен широкий спектр позиций. Риск-рефлексия является достаточно труднопреодолимой проблемой социального знания, а оптика большинства ограничена. Наиболее важной проблемой представляется конфликтный разрыв, особенно в российской версии «общества риска», взаимных оценок социальными и политическими акторами рисков, опасностей и угроз, представлений, установок и суждений о них. Само обсуждение рисков, стратегий их распределения и компенсации, подчеркивал У. Бек, меняет не только наше социальное бытие и его восприятие, но и способы реализации политики.

Проблема «риск-асимметрии», борьбы «за определение, что рискогенно, а что – нет» (формулировка У. Бека), то есть несоразмерности обязательств, в том числе этических, производителей и потребителей риска, моральной неопределенности и совместности/столкновении риск-рефлексий о «побочных эффектах» у принимающих решения и тех, на ком непосредственно может сказаться этот выбор в условиях неопределенности, более значима, чем может показаться. Дебаты о природе различных рисков, о способах управления ими, о виновных за их создание, являются базой для выработки политических сценариев и стратегий политических действий.

Причины острых социальных проблем, источники угроз и опасностей затемняются, снижая эффективность вроде здравых методов управления рисками. Важнейший парадокс восприятия рисков, затрудняющих его изучение, состоит в том, что именно смысловые образы, репрезентация событий, по мнению Д. Александра «обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе». Он полагает, что социальные и политические системы общества могут быть реально деформированы и дисфункциональны, институты могут не работать, система образования терпеть жалкие неудачи даже в обучении базовым навыкам, правительства могут быть не в состоянии обеспечить базовую защиту и переживать жестокие кризисы легитимности, экономика разрушена до такой степени, что нет даже самых необходимых товаров, но власть используется «для направления репрезентационного процесса в нужное русло», при котором зачастую «штатные и типичные риски», производимые в рамках легитимных институциональных структур, воплощаются, используя терминологию М. Фуко, в определенных «стратегических ансамблях истеризации, педагогизации или психиатризации». В риск-рефлексивных практиках оценивается опасность потерь или возможностей выигрыша, формируется или «рискофобия», иррациональные чувства постоянной социальной тревоги и страха или «рискофильство», упрощенные представления о реальных рисках и опасностях. В этом смысле и пресыщение власти сигналами о мнимых и фиктивных угрозах, и ее меседжи о враждебной действительности как источнике рисков создают политический спрос на «громоотводы», активно формируя мощный мейнстрим «игр в угрозы» и «торговли опасностями». Причастность и вина социальных агентов, по М. Дуглас, в наступлении неблагоприятных событий «доказывается» уже самим фактом обладания политическим или социальным статусом.

Баранов Андрей Евгеньевич

обучающийся бакалавриата, 3 курс,

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

АГОНАЛЬНОСТЬ В БИЗНЕС-ЛИТЕРАТУРЕ

Агональный конфликт – это институционализированный культурный феномен, представляющий из себя гендерно-определённый процесс «инициации», тесно связанный как с мужским гендером в целом, так и с положением отдельного мужчины в частности.

Таким образом, одним из ключевых сюжетных элементов бизнес-литературы выступают элементы испытания и преобразования личности на основе них. Только вместо искусственности обрядов древности и технологической совершенности инициаций современных бодибилдеров, здесь авторы стараются совместить общий жизненный путь человека с его профессиональной деятельностью в единую картину условного «пути успешного человека», где успех в рабочей отрасли прямо связан с общим достижением высокого уровня в обществе.

Как правило, бизнес-«учебники» – это книги личностной направленности. Они не говорят про схемы или сухие формулы. Именно «жизненный» аспект ставится во главе угла. Авторы будут обращаться к многочисленному опыту различных реальных и вымышленных людей, пытаясь дать отдельные выводы по каждому из их «испытаний».

Несмотря на общественное понимание понятия «успех» и его связи с индивидом, образ из бизнес-литературы будет существенно отличаться сразу в нескольких направлениях:

1. Успешный человек бизнеса обезличен в своей внешней оболочке. Его обладание внешними атрибутами статуса и успеха – это не самоцель, а побочный результат.

2. Результат успешного человека – это результат стремление не к социальному статусу, а вокруг социального статуса.

Стартап по своей форме – самый предпочтительный вид бизнеса, который буквально воплощает в своих форме и содержании ценности «успеха»:

1. Любой стартап по своей основе – проект «из ничего». Он требует столь низких трат, что ими можно пренебречь.

2. Стартап – это, в первую очередь, идея и продажа этой идеи. Инновации и решения старых проблем новыми методами становятся главными при установлении стартапа.

3. Стартап – «быстрый бизнес». Его окупаемость и работа происходит на скоростях, неприемлемо высоких для «традиционных» форм предпринимательства.

Итак, современная бизнес-культура является культурой яркой соревновательности. Мужской соревновательности. Авторы, транслируя эту культуру, передают базовые социальные основы этого вида деятельности. Агональность бизнеса – это агональность наиболее социально и финансово уважаемая, имеющая действенные результаты для социального статуса и положения в стране.

Передавая эти и многие другие ценности, авторы по бизнес-литературе дают возможность взглянуть на целый срез уникальной культуры современного бизнеса – бизнеса рисков и бизнеса инноваций, которые, тем не менее, бережно сохраняют в себе элементы первых компаний эпохи расцвета «старого капитализма» – нарочито мужского и принадлежащего к наивысшим сословиям своего времени.

Барбашина Эвелина Владимировна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии

Новосибирский государственный медицинский университет,

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

МЕДИЦИНСКИЙ НАРРАТИВ

И НЕКОТОРЫЕ СЛОЖНОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Медицинский нарратив, активно развивающийся в последние десятилетия, является частью более общего «нарративного поворота» в социогуманитарных дисциплинах.

Общим теоретико-методологическим основанием нарративного подхода в медицине выступает отказ от биомедицинского отношения к болезни, понимаемой как случай личной патологии. Этическим основанием медицинского нарратива является представление о ценности и уникальности каждого пациента, о необходимости индивидуального подхода к пациенту и индивидуализации его болезни. Признается значимость смыслов, конституируемых в процессе болезни каждым пациентом, и их представленность в рассказе (story-telling) врачу или медицинскому работнику. Стремление пациентов стать экспертами собственной болезни также способствует развитию нарративного подхода.

Развитие медицинского нарратива соответствует отказу от жесткого паттерналистского принципа во взаимоотношениях врач–пациент в пользу таких принципов, как: принцип уважения личности пациента, принцип автономии пациента, принцип целостности личности пациента.

Основными причинами появления и развития медицинского нарратива являются: рост хронических дегенеративных заболеваний, уменьшение количества инфекционных заболеваний, рост стоимости оказания высокотехнологичной медицинской помощи.

Несмотря на активное распространение медицинского нарратива, его теоретико-методологическое обоснование и этические преимущества, он вызывает ряд серьезных возражений.

Первое направлено против «тотализации медицинского нарратива», то есть против одного из основных тезисов нарративного подхода в медицине о том, что все пациенты переживают свою болезнь как нарратив, используют, как правило, личностно-оценочный подход, и стремятся к тому, чтобы представить свои истории врачам и медицинским работникам. Однако, существуют «не-нарративные способы» проживания болезни. Более того, расхождение между объективным описанием болезни и медицинским нарративом могут ухудшить процесс лечения пациента. Следует учитывать и то, что многие пациенты, как показывают эмпирические исследования, не хотят «проговаривать свою болезнь». Второе возражение связано с тем, что перформативная модель медицинского нарратива преимущественно анализируется по правилам текстуального нарратива.

Кроме вышеобозначенных возражений, следует учитывать методологические сложности, которые связаны как с определением сущности медицинского нарратива, разработкой его критериев, так и с вопросами классификации медицинского нарратива.

Вывод: Медицинский нарратив способствует сохранению индивидуальности и целостности пациента, оптимизации отношений врач-пациент, эффективности лечения. Однако, распространение медицинского нарратива, несмотря на его этическую привлекательность, теоретико-методологическое обоснование, соответствие современное медицине и ее принципам, сталкивается с рядом сложностей. Не следует абсолютизировать его роль, учитывая сложность применения, методологическую и содержательную непроработанность медицинского нарратива.

Барташевич Татьяна Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

Определенный опыт этических экспертиз (в частности рабочей группой совместно со студентами 3 курса направления подготовки «Прикладная этика» в рамках грантового исследования была проведена этическая экспертиза медийных продуктов – контента для детей и рекламных продуктов; результаты данной работы отражены в журнале *Studia Culturae* (номер (2)44 за 2020 год), а также в итоговой грантовой коллективной монографии) позволяет говорить о том, что основные сложности в экспертной оценке связаны, прежде всего, с ригористическими и морализаторскими изысками экспертных суждений, а также с оформлением / внедрением / закреплением результатов экспертизы, с формулированием определенных санкций и рекомендаций.

Институционализация предполагает

- во-первых, процесс усвоения отдельными индивидами (моральными субъектами) и социальными группами (т.е. на уровне как индивидуального, так и общественного морального сознания) необходимых «правил игры» – норм, ценностей, образцов поведения, социальных ролей и т.д.,

- во-вторых, разработку и внедрение механизмов наблюдения за выполнением этих правил,

- и, в-третьих, результат первых двух процессов, когда действия индивидуальных и коллективных моральных субъектов начинают регулироваться и обретать стабильность.

Настоящий доклад посвящен анализу возможных перспектив институционализации этической экспертизы. Институционализация в отношении этической экспертизы подразумевает закрепление этической экспертной оценки в статусе механизма, обладающего реальной регулятивной силой, как на уровне общественной морали, так и на уровне обыденного

индивидуального сознания. Под экспертизой понимается не сам процесс, так скажем, генерации экспертной оценки, а, прежде всего, результат этого процесса – экспертное заключение как некая директива, обязательная к исполнению. Если экспертиза обладает реальной регулятивной силой, т.е. способна воздействовать на общество, общественную мораль, общественное мнение, то к ней предъявляются особые требования, и к самому оценочному суждению, его обоснованности, и к значимости, легитимности, обоснованности решений. Возникает справедливое сомнение и вопрос: а в чем источник легитимности такого экспертного заключения, за счет чего обеспечивается добровольно-принудительное принятие требований/рекомендаций экспертизы?

Автор представляет в докладе как положительные стороны институционализации этической экспертизы, так и ограничения рассмотрения последней в строго институциональном ключе.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что только коммуникативная стратегия (т.е. рассмотрение экспертизы в большей степени в процессуальном ключе) в организации этической экспертизы будет способствовать, во-первых, избеганию ригоризма и субъективизма со стороны экспертного знания, а, во-вторых, осознанному принятию=признанию легитимности экспертной оценки со стороны обыденного знания. Легитимация на уровне обыденного знания происходит за счет включенности в коммуникативный процесс, соучастности процессу экспертизы, что вызывает рефлексию, способствует критике мифологем, идеологем и стереотипов, а также эмансипации индивида со стороны институтов и внешних авторитетов.

Беляева Елена Валериевна

кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный университет

МОРАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Одной из важнейших особенностей, отличающих «этику ответственности» как особый тип теории морали от «этики долга» и «этики блага», является трактовка морального субъекта.

Добродетельный гражданин «этики блага» лучше всего представлен в сочинениях Аристотеля. Для такого морального субъекта быть нравственным означает стремиться к благу, к ценностям, значимость которых укоренена в социальном бытии. В последующих теориях морали, построенных как «этика блага», моральный субъект рассматривается как социально адаптированный индивид, моральные мотивы которого находятся в единстве с его психологическими мотивациями и социальными привычками.

Автономный рациональный индивид «этики долга», обоснованной И. Кантом, способен рационально мотивировать свое поведение, самостоятельно формировать свое мировоззрение. Для такого морального субъекта быть нравственным означает на основе внутренних убеждений выполнять долг, следовать принципам, вмняемым в обязанность.

Открытая Другому личность «этики ответственности» охарактеризована в этических сочинениях М. Вебера, Т. Адорно, Х. Арндт, Ж.-П. Сартра, К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, М. М. Бахтина, Э. Левинаса и П. Рикёра, Г. Йонаса и Х. Ленка, В. А. Канке. Для морального субъекта «этики ответственности» быть нравственным означает принимать на себя ответственность за благоприятное разрешение проблемных ситуаций. Его активность не сводится к активности мышления, которая потом реализуется в действиях, а сразу проявляется в поступках как целостных актах самости.

В отличие от кантовской модели трансцендентального субъекта, структура которого предполагалась априорной, идентичность нового субъекта имеет гибкий, модульный характер, определяется способностью к самопреобразованию. Его характеризует не автономия как самотождественность, а открытость, разомкнутость, коммуникативность. Важнейшей особенностью субъекта «этики ответственности», зафиксированной в философии XX века, является его конституирование посредством фигуры Другого.

Различие рефлексивности и рациональности задает специфику нового рационализма в «этике ответственности». Рефлексивность – это самопонимание в результате коммуникативного сетевого соотнесения себя с Другими, со своими предшествующими состояниями, со всеми возможными интерпретациями своего положения в мире. При этом рефлексия – не только мыслительная, но и практическая процедура. Важнейшей способностью морального субъекта становится могущество, позволяющее ему реализоваться как активное начало в бытии и добиться результата, нравственных последствий поступка.

Для субъекта «этики ответственности» нравственность определяется не содержанием ценностей, не способом регуляции, а способом бытия. Быть нравственным – значит быть особым образом. И эта особенность человеческого бытия является принудительной, от нее нельзя уклониться; это бытие, порождающее должностное. Поэтому собственно человеческое бытие характеризуется разомкнутостью, открытостью, зиянием, уязвимостью, невозможностью уклониться от своего призвания, это бытие-событие, в котором у нас нет алиби, это «бытие под вопросом». Моральный субъект откликается на зов бытия, дает ответ на зов Другого в форме заботы, которая становится фундаментальной категорией «этики ответственности». Бытие нравственным – это субъект-субъектное, коммуникативное бытие, со-бытие с Другими и миром. При этом быть нравственным данному субъекту приходится в рисковом, хрупком, негарантированном мире, в бытии временном и временном, производя бытие-событие, ситуативное бытие. В результате субъект пребывает не в мире универсальных принципов («этика долга») и вечных ценностей («этика блага»), а в мире смысла и его локальных универсализаций.

Таким образом, моральный субъект «этики ответственности» является индивидуальным, рефлексивным, способным к самопреобразованию, могущественным, коммуникативным, открытым к Другому.

Богомаз Алексей Валерьевич

магистрант, 1 курс, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ: ПРАВО И ЭТИКА

Причиной центральной проблемы настоящего доклада представляется отсутствие как в доступной обзорности современной философской этике и аксиологии, так и в теории и отраслях права проработанных и готовых к применению социально-регулятивных механизмов разрешения многих проблем, возникающих из применения технологий искусственного интеллекта и робототехники, взаимодействия человека с роботами и продуктами нейросетевого программирования.

Актуальность темы настоящего доклада, представляющего собой развитие идей, представленных автором на конференции осенью 2019 года, для российского общества и государства, подтверждается помимо всего прочего ещё и утверждением в августе 2020 года Правительством РФ разработанной Минэкономразвития Концепции

развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (см. Распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020). В данном контексте стоит актуализировать и Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года».

Помимо известных в юридическом академическом сообществе отдельных направлений социального регулирования искусственного интеллекта, таких как определение ответственности за ненадлежащие действия системы искусственного интеллекта, правовая регламентация систем искусственного интеллекта, осуществляющих трансграничную деятельность, лицензирование медицинских систем искусственного интеллекта (Allain J. S. From Jeopardy to Jaundice: The medical liability implications of Dr. Watson and other artificial intelligence systems // Louisiana Law Review. 2012. Vol. 73. № 4), некоторыми авторами предпринимаются попытки выделить общие проблемы-направления в применении искусственного интеллекта, среди которых стандартизация систем искусственного интеллекта, лицензирование, обеспечение конфиденциальности персональных данных и личной информации, обеспечение соблюдения норм профессиональной этики. К ним же можно отнести ряд этических проблем, объединив их в универсум этико-правовой проблематики социального регулирования данной группы отношений.

Настоящим докладом ставится ряд междисциплинарных вопросов прогностического порядка о развитии отношения к программам и роботическим акторам (таких, к примеру, как самопilotируемые транспортные средства), работающих посредством или с использованием технологий, называемых некоторыми авторами искусственным интеллектом, о развитии их правового статуса/режима. Последнее представляется основным формулируемым ранее направлениям.

В своём заключении доклад сводится к ряду, как представляется автору, ключевых вопросов о предпосылках, с которыми стоит подходить к созданию регулирования отношений в обозначенной сфере.

Борисов Сергей Валентинович

доктор философских наук, профессор

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет;

Южно-Уральский государственный университет

(Национальный исследовательский университет)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ ИЛИ О ЦЕННОСТИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Если мы стремимся независимо мыслить, если это ценно для нас, правомерно задуматься над сутью интеллектуальных добродетелей. Интеллектуальное развитие неразрывно связано с психологическим и нравственным развитием личности. К сожалению, бывает, что данные векторы развития оказываются разнонаправленными. В силу такой несогласованности могут возникать противоречивые желания, в том числе желание ограничить разум из-за его, якобы, опасности, дабы избежать «горя от ума». Однако дело не в «уме» самом по себе, дело в том, что он не выполняет свою координирующую функцию, не знает меры (по-гречески – таланта). Умение согласовывать делает разум «хозяином» любой ситуации, умелым «возницей» ретивых коней желаний. Этот «возница», согласно платоновской аллегории, должен научиться не просто сдерживать, но и направлять желания к наилучшей цели. Аналогичным образом разум

согласовывает различные, порой противоречивые мнения, честно и добросовестно следуя поиску истины.

Этика интеллектуальных добродетелей может апеллировать к людям любых убеждений, как религиозных, та и социально-политических. Поскольку интеллектуальные добродетели согласовывают как чувства, так и мысли, различие между интеллектуальными и моральными добродетелями не представляется существенным. Согласно Спинозе, интеллектуальные добродетели являются ключом ко всем другим добродетелям, а понимание различных точек зрения предполагает их принятие или непринятие в зависимости от их согласованности или несогласованности с целым, а не в силу каких-либо недобросовестных предпочтений или предубеждений. Автономная этика предполагает автономию мышления. Достоинство автономии – это мужество и смирение перед истиной, связывающее воедино когнитивные и волевые процессы.

Эпистемология добродетелей имеет дело не с убеждениями, а с когнитивной организацией субъекта. Что это значит? Исследуются не «статические состояния», характеризующие те или иные знания или убеждения субъекта, а добродетели как регуляторы его интеллектуальной деятельности. Интеллектуальные добродетели, по сути, могут проявлять себя как моральные добродетели. Конечно, это не сводит рациональность к понятиям морали, просто за счет этого может быть расширена сфера нравственных концепций, куда может быть включен нормативный аспект когнитивной деятельности.

Интеллектуальные добродетели есть главное условие поиска истины. В связи с этим можно выделить такие интеллектуальные добродетели как беспристрастность или открытость к идеям других; интеллектуальная добросовестность исследователя, принимающего к рассмотрению только то, что имеет доказательства; интеллектуальная смелость, которая включает в себя настойчивость и решительность. Все эти добродетели требуют от субъекта мотивов, необходимых для преодоления внутренних или внешних препятствий, мотивов, базирующихся на автономии, мужестве, настойчивости, смирении, справедливости. Мы будем не готовы встретиться с истиной, если у нас нет для этого достаточных добродетельных мотивов.

Буцукина Марта Владимировна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет
**ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА**

В работе рассматриваются категории нравственной жизни индивида, представленные в философии христианского экзистенциалиста и персоналиста Николая Бердяева.

В своих работах философ ставит целью обоснование творческой ненормативной этики, определяя её отличие от нормативной. Так же Бердяев исследует этику закона, искупления и этику творчества, рассматривает конкретные этические вопросы, такие как добро и зло, ложь, парадоксальность этических законов, феномены любви и сострадания и идеалы человека.

Николай Бердяев утверждает, что этика, как философская дисциплина, не может иметь только познавательный характер, этика должна стать духовным актом, нравственным опытом. Такое познание должно освобождать индивида от нормативных ограничений критериев. С подобной теорией познания связан глубокий трагизм человеческой жизни, который состоит в познании добра и зла.

Но этика имеет не только трагический, греховный характер, она так же творческий, спасительный акт. Феномену творчества Николай Бердяев отводит фундаментальное значение во всех сферах человеческого бытия.

Этика творчества Бердяева отлична от христианской этики искупления и этики закона. Она построена не на рабском смирении, и предполагает нахождение по ту сторону добра и зла, так как нравственная жизнь, по Бердяеву, совсем не является утверждением добра. Раздвоение мира на добро и зло отвергается этикой творчества, так как в царстве добра всегда предполагается и борьба со злом.

Утверждение добра и зла является систематизацией и объективацией бытия, так как установление различия между ними утверждается в нормах и законах. И в таком же объективном понимании рай отождествляется с конечным достижением абсолютного добра, останков поиска и блаженством. То есть он на вечный рай наложены те черты, которые присутствуют во временной жизни. «В раю как будто б уже нет свободы». [3, с.465]

Но человек ввиду своей иррациональной, творческой сущности одновременно и мечтает о таком рае и не желает отказываться от трагической свободы в миру. И вот мы уже подобно герою Достоевского, на которого Николай Бердяев часто ссылается при описании парадоксальной сущности человека, ради свободы отказываемся и посылаем к черту рациональную идею объективной благодати.

Этика, для Николая Александровича является учением о смыслах и ценностях, но «смысл и ценность не даны пассивно-объективно, они творятся». [3, с.30] Отсюда творческое бытие – это активное и свободное создание ценностей – нравственное бытие. В этом онтологический смысл христианской этики Николая Бердяева.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyayev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyayev-ii-chelovek.htm> (Дата обращения 11.09. 2020)
2. Бердяев Н.А. «Русская идея». Париж 1946. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://az.lib.ru/b/berdjaw_n_a/text_1948.shtml (Дата обращения 01.09.2020).
3. Бердяев Н.А. О назначении человека / Николай Бердяев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 478.[2] с. — (Философия. Психология).

Бытдаева Алина Хасанбиевна
обучающийся бакалавриата, 2 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА П.И.НОВГОРОДЦЕВА

Проблемы философии права актуальны, как и в современности Новгородцева, так и в наше время. Ряд аспектов философско-правовой проблематики Новгородцева – соотношение морали и права, вопрос о предметном «жанре» философии права, проблема соотношения субъективной и объективной этики и сегодня представляют существенный научный и философский интерес.

Данная работа посвящена исследованию философско-этических аспектов существования личности в правовом государстве, целью которого в соответствии точки зрения Новгородцева является нравственное развитие личности. Для этого мы рассмотрим проблему места личности в правовом государстве и в общем концепте философии права П. И. Новгородцева.

В такие критические, кризисные периоды развития общества, сопровождающиеся острыми социальными противоречиями и бурным развитием научно-технического

прогресса, проблема поиска человеком своего места в новых общественных условиях становится особенно актуальной. Главным направлением в решении этих вопросов является построение гуманистического общества, основанного на таких принципах и ценностях, в которых личность приобретает исключительное значение.

Несложно заметить, что в приоритет П.И. Новгородцев ставит личность. Для решения этих вопросов русский мыслитель выделяет два крайне противоположных направления решений: абсолютный коллективизм (весь смысл личной жизни исчерпывается общественностью), абсолютный индивидуализм (смысл личной жизни совершенно от общественности не зависит).

В итоге Новгородцев приходит к выводу, что любое из двух решение этой проблемы имеет самое существенное значение для построения общественного идеала.

Павел Иванович Новгородцев считает, что личность не есть пустая форма, из которой ничего нельзя вывести и к которой все может быть приурочено. Она способна противопоставить обществу свои собственные начала, в чем проявляется ее свобода, право на самоопределение, право быть самим собою. Все эти аспекты составляют саму сущность личности и «те принципы равенства и свободы, которые связаны с представлением о личности как абсолютной ценности, имеющей безусловное нравственное значение.»

Сложность жизненных отношений вызывает постоянные сомнения и колебания в нравственных вопросах, но в этом процессе внутренней борьбы нравственная личность, несомненно, растет. Личная нравственная жизнь в развитом обществе является не бесспорной моралью преданий, а сложным и трудным искусством, рядом творческих актов. Но Новгородцев верно подмечает, что проявляющееся таким образом моральное творчество отражается и на прогрессе общественной жизни: личность вносит тот дух искания и беспокойства, который составляет принадлежность ее внутреннего сознания.

Задачей новейшей моральной философии по мнению П.И. Новгородцева является выяснить сложный процесс морального творчества и противопоставить старым гармоническим схемам о совпадении личности с обществом новое учение о их расхождении и противоречии. Так или иначе личность должна найти свой путь, так как она созревает и развивается в обществе и из общественной среды получает конкретное содержание своих нравственных представлений, но вместе с тем руководящие начала этого содержания и критериев нравственности она основывает, опираясь на свою совесть, в своем автономном сознании.

Таким образом, общество необходимо для личности как средство для ее развития, для проявления ее нравственного призвания, но также может являться и помехой для ее высших нравственных запросов.

Литература

1. Новгородцев П. И. Об общественном идеале [Текст] / П. И. Новгородцев, 2010. – 513 с.
2. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — Серия «Мир культуры, истории и философии». — СПб.: Издательство «Лань», Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – 352 с.
3. Новгородцев П. И. Сочинения. /Сост. Вступ. Статья и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. – М.: Раритет, 1995. – 448 с. (Библиотека духовного возрождения).

Васильева Наталья Сергеевна
преподаватель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

ЧТО ЮРИСПРУДЕНЦИЯ МОЖЕТ СКАЗАТЬ О ПРАВЕ? ПРОЕКТ РЕФОРМЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ АЛЬФА РОССА

РФФИ №18-011-01195 «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации»

Одной из главных тем в работах Альфа Росса является его проект реформы науки о праве, проект доктринального исследования права. Важный вклад Росса заключается в четком различии между нормами и суждениями о нормах. [1, 216] Росс находился под сильным влиянием не только Упсальской школы, но и логического позитивизма, и был заинтересован в возможности научного исследования права, в возможности применения эмпирических принципов.

Росс утверждает, что термины «теория права» и «юриспруденция» буквально подразумевают теорию о праве. Поэтому теория права должна находиться в рамках доктринального исследования права, то есть может быть либо 1) теорией о правовой системе – о структурах, нормах и понятиях, 2) теорией о правоприменении, 3) теорией законодотворчества, 4) теорией о правовых исследованиях. В случае несоответствия научным критериям, это следует считать не теорией, а политикой права или вообще чистой манипуляцией.

Росс подчёркивает, что важно не заниматься теорией права, а решать теоретико-правовые проблемы. Одной из главных проблем для учёного является язык доктринального исследования права, а основной задачей становится анализ научной природы утверждений, составляющих доктринальное исследование права (по мнению Росса, они являются предсказаниями о возможности применения определённой правовой нормы).

Доктринальное исследование права (доктрина права) в его специфическом значении научно-теоретического исследования (в противовес такой практической доктрине как судебная аргументация, например) во многом основывается на сформулированных Россом положениях. [2, 19-27]

1. Надлежащим предметом теории права является не право, а исследование права, логический аппарат такого исследования (в т.ч. понятия) и специфические проблемные вопросы.

2. Исследование права состоит из двух частей – доктрины права и социологии права (при этом социология права включает в себя психологические и исторические исследования, а также правовую политику).

3. Специфические проблемы теории права разумнее рассматривать в рамках доктрины права (поскольку логический аппарат социологии права в основном такой же, как и в общей социологии, истории и так далее).

4. Предмет социологии права – право в действии (law in action), а предмет доктрины права – нормы права, а точнее нормы действенной правовой системы (law in force). Действенные нормы права и право в действии – это две взаимообусловленные стороны одной и той же реальности, доктрина права и социология права не могут быть строго разделены.

5. Доктрина права концентрируется на содержании норм, нацелена на обнаружение содержания представлений о требуемом поведении в сознании людей (idea

content), идеологии (ideology), которая может служить схемой интерпретации для права в действии.

6. Доктрина права должна быть нормо-описательной, а не нормо-предписывающей, потому что когнитивные суждения не могут состоять из норм, они должны состоять из утверждений о нормах (утверждений о том, что некоторые нормы являются действенным правом).

Но важно учитывать и следующее: Росс признавал, что невозможно строго разделить когнитивные утверждения о нормах и директивы правовой политики. Поскольку доктринальные утверждения являются предсказаниями, они обладают самоисполняющимся характером предсказаний в общественных науках. Кроме того, даже стремясь утвердить право как факт, исследователи не могут удержаться от директив *de sententia ferenda*, в форме советов, рекомендаций. [2, 46-49] Поэтому учёный всё же рассматривает доктрину, имеющую дело с *de sententia ferenda*, как часть надлежащей науки о праве, но подчеркивает, что всё равно необходимо ограничивать описание того, каким право является, от вопросов *de lege ferenda*, от утверждений о том, каким право должно быть, смешивать научные исследования и политику не следует.

1. Булыгин Е. В. Действительное право и право действующее / Е. В. Булыгин; пер. с англ. С. И. Максимова // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права; под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2016. С. 209–221.

2. Ross A. On Law and Justice / transl. from Danish by M. Dutton; ed. by M. Knight. Berkeley: University of California Press, 1959. xi, 383 p.

Веселова Светлана Борисовна
преподаватель

Центр Визуальной антропологии, Русская Христианская гуманитарная академия
**СВОБОДНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ПРЕВРАЩАЮЩЕЕ МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН В
ПАРАДОКС (ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ФРАКТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ)**

1. Как разрешить кантовский вопрос «Что я должен делать?» особенно если задан под звездным небом, что вдруг обнаруживается на пути к счастью, благу и прогрессу над рухнувшими куполом храма, башнями Близнецами, атомной станцией Фукусима-1.

И потому когда все заняты делом, «Что долж-ен/на делать Ты?», что наименьшее необходимое, меньше которого нельзя, «потому, что больше» и больше нипочему. Очевидно тут начинается раскачивание афористического письма, от которого и Гегеля, и Канта порой немного мутило: человек морален поскольку он свободен, а свободен насколько он морален. Как разрешить проблему соотношения свободы и произвола, разума и воли в моральном самоопределении человека?

2. Антенна Натана Козна-оказалась более чувствительна не благодаря увеличению ее геометрических размеров, а путем нахождения новой изломанной упорядоченности (замещения среднего сегмента равносторонним треугольником без стороны, совпадающей с этим сегментом). Парадоксальным образом наибольший эффект достигается наименьшим необходимым, что порождает Модерн интервалом, скачком- существованием, что первоначально сущности. Наименьшее необходимое – интервал само-возрастания. Новая мораль, учитывающая новый этос- интервал возрастания существования.

3. Новое время. Новое состояние, что порождается новым становлением требует новой морали для «того, что должно превзойти». Способы порождения нового, которых не существовало. Точкой восстановления системы Модерна становится не сущность, что суть, ствол, «кость» древа схоластики Боэция-сильной «уни-версальной»

структуры мышления и практики освоения мира: ветвление из единого центра и непрерывные поиски «единого» и «первоосновы», а сдвиг, минимальный интервал, что порождает неограниченное возрастание в логике колебания фрактальной последовательности. Ствол оказался частным случаем лабиринта или логического фрактала, ствол сущностей растворен в «потенциально неопределенном» и неограниченном. Отсутствие генетической оси как глубинной структуры, возможность связи чего угодно с чем угодно. Отвергать множественное многообразие и множественные взаимодействия семантических полей, выстраивать иерархию – перекрывать видение мира, строить рамки идеологии. И в то же время, формальное ограничение связи всего со всем – это начало науки. Оператор антиконъюнкции – тот к которому можно свести все остальные логические связи, исключив их из формулы. Если добро и зло не абсолютны, а колеблются в интервалах порождения, то этическая ориентация требует новой навигации там где на карту поставлены не добро и зло как таковые, а операции, что влекут замену лжи на истину в случае логических парадоксов, зла на добро, в случае этических парадоксов, переход через точку zero, здесь оказывается объектом – на кону однозначность. Нет необходимости в абсолютном различии добра и зла, по всему полю. Но на известном интервале, это различие столь же наименьше необходимо, как и любая верная формула. И потому математику и фрактальную логику все еще трудно отделить от морали. Приглашение к фрактальному распределению Пико Мирандола. Путь к фигурам короля и королевы и «странника» на картине Веласкеса. Старая мораль метафизики присутствия и новая мораль, учитывающая интервал возрастания существования.

4. Кант. Ставит и срезает фрактальное распределение. В категорическом императиве Кант меняет содержание понятия «долг» ought — априорная форма необходимости, долг «от Бога» — на must — вынужден, принужден, созерцая звездное небо, делать изделие законопослушности в себе, не могу не сделать. Эта двусмысленность истекает в моральную потребность подчиняться, закрывающую свободу возрастания в интервале существования (непрерывное, интенсивное), которая немыслима и едва ли выносима для сознания (дискретное). Свободный акт не может быть схематизирован, включен в сознание.

5. Бергсон для разрешения парадоксов несовместимости человека в свободном действии, «что превосходит» закрытую системы «дрессуры» моральных законов вводит мораль, основанную на мистическом переживании, что не озарение, а метод. Преодолеть абсолютизацию метафизики присутствия (различие по степени). Множественное многообразие делимости мира по природе и по степени. Как оперировать несравнимым? Затруднение совмещения количественных и качественных отношений, не отображающихся полностью друг на друга. Разум и Воля принадлежат к разным типам как отрезок и прямая: отрезок может совпадать с прямой, не обладая равномошной непрерывностью. Отрезок и прямая не отображаются друг в друга взаимно –однозначно. Прямая оказывается ломанной, неоднородным фракталом. Разум и воля в свободном поступке через интерпретацию апории Зенона об Ахиллесе и Черепаше.

Литература:

Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: КДУ, 2010.

Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008.

Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4 (1). М., 1965.

Караваев В. Г. Фрактальная логика.

https://vk.com/doc367225302_555073682?hash=a44cb2c5218c898521&dl=2df6d87d2937debe83

Караваев В.Г. Б Контур.

https://vk.com/doc367225302_443641662?hash=873761ab4221d136b9&dl=ece18ddeb7abc3ddc8

Вишневецкая Анна Александровна
магистрант, 2 курс

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЙРОЭТИКИ

Понимание нейроэтики как новой самостоятельной области основано на убеждении, что нейронауки производят настолько мощный прорыв в понимании мозга и когнитивных процессов, что способны изменить наше понимание разума и человеческой идентичности. В связи с этим возникает множество этических проблем, уже не укладывающихся в ряд вопросов биоэтики. На текущий момент нейроэтика не имеет строго определенных методологии или методологических стратегий, но выстраивает свои границы и самопонимание через определение своего проблемного поля. В этих условиях нейроэтика призвана осмысливать связи между нейронаучными данными и философскими понятиями, что необходимо для определения роли нейробиологических исследований в решении социальных, этических и фундаментально философских проблем. Предположительно, нейроэтика может выполнять роль некоторого медиатора, примиряющего результаты нейронаучных исследований и различные этические установки. Речь идет не только о том, чтобы сбалансировать взгляды на процессы, действующие в области морального познания, но и об объединении естественных и гуманитарных наук для решения вопросов, касающихся моральной жизни человека. А также о последовательной постановке этических, правовых и социальных вопросов о том, каким образом можно интерпретировать результаты исследований.

В настоящий момент продолжается дискуссия, есть ли основания считать нейроэтику самостоятельной дисциплиной, или же нейроэтика должна рассматриваться в составе биоэтики как одно из ее направлений. Исследователи придерживаются разных взглядов о вопросе включения или невключения нейроэтики в состав биоэтики, что в определенной мере является теоретическим приемом для того, чтобы исследовать нейроэтику как новую область знания и способ понимания морали. Есть основания говорить о том, что нейроэтика, по крайней мере, может отражать биоэтику. Можно выделить много общих проблем, связанных с исследованиями нервной системы, которые содержатся в биоэтике. Например, проблемы информированного согласия, конфиденциальности, идентичности человека и др. Такой подход к нейроэтике можно назвать «нейробиоэтическим». Здесь мы имеем дело с этическими проблемами, возникающими в ходе нейронаучных исследований и их применением за пределами медицинской практики. Этическая теория и аргументация привлекаются к решению практических вопросов, возникающих при исследовании мозга, в медико-клинических разработках, при хранении и передаче полученной информации.

Возможен подход «эмпирической нейроэтики», при котором нейроэтика будет рассматриваться как дисциплина, в рамках которой стремительно растущий объем эмпирических данных нейронауки используется как основа для разработки теоретических и практических вопросов. Таким образом, нейронные и психические явления могут рассматриваться как основы этических концептов. Вопрос, каким образом эмпирические данные нейроисследований могут влиять на этические концепции, остается дискуссионным. Здесь проявляется острая необходимость в методологической проработке проблемы и определении характера связи между эмпирическими данными нейронауки и этической теорией.

Также «нейроэтика» может пониматься как область концептуального анализа нейронауки, направленная на уровень интерпретации научных данных, устанавливающая связь между научными данными и философскими концепциями. Концептуальный анализ ключевых научных понятий, включающий в себя анализ их эпистемологического и онтологического статуса, при формулировании научных вопросов позволяет получить комплексную картину исследования. Нейроэтика способствует концептуальному уровню интерпретации научных данных, устанавливающему связь между научными фактами и философскими концепциями. Осмысление связи между нейронаучными данными и философскими понятиями необходимо для определения роли нейробиологических исследований в социальных, этических и фундаментально философских проблемах. Нейроэтика как дисциплина, которая стремится к самостоятельности, остро нуждается в собственной методологии. Именно разработка специфической методологической стратегии или способа отстоять уникальность нейроэтики относительно философии и нейронаук и окончательно утвердиться в качестве отдельной дисциплины, а также стать основой для последующей разработки методологии нейроэтики в будущем.

Власова Наталья Владимировна

кандидат философских наук,

аналитик международного информационно-аналитического центра
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

в рамках проекта ERASMUS+ Jean Monnet 611458-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-PROJECT «Трансформация идентичностей в современной Европе и России»

В настоящее время Европа столкнулась с совершенно новой угрозой: распространением информационного вируса. Последние полгода показали, что беспрецедентные меры, принятые практически по всему миру по поводу объявленной ВОЗ пандемии COVID-19, вызвали растущий протест в странах Европы. Многие отмечают, что принятые меры не соответствуют реальной опасности, но напротив порождают ненужную панику и рушат ценности, на которых выстроено европейское общество и идентичность его граждан. В частности, попираются основные базовые ценности: гражданские права и свободы (свобода слова, свобода передвижения и т.д.) Эти события показывают, что мир находится перед лицом новой угрозы: возможности тотального управления.

Можно говорить о том, что общество разделилось на тех, кто солидарен с властями по поводу ограничительных мер, введенных во время объявленной ВОЗ пандемии, и на тех, кто считает, что эти ограничения преследуют совсем другие цели, чем те, что публично заявляются. Это наносит урон европейской идентичности в целом, вносит раскол в общество, порождает ненужную агрессию и панику, вызывает недоверие к властям. Так, например, как отмечается, ограничительные меры, вводимые в разных районах европейских столиц еще больше поляризуют общество на богатых и бедных, для которых ограничения введенные из-за пандемии стали более тяжелым ударом по их материальному состоянию. Все это может привести к сегментированию общества, утраты целостной европейской идентичности и ценностному кризису. Например, в Письме бельгийских врачей, медработников и граждан Правительству и Европейскому Сообществу отмечается, что меры против коронавируса и суровые наказания за несоблюдение этих мер противоречат ценностям, сформулированным Высшим советом здравоохранения Бельгии. Эти меры также противоречат правам человека и са-

мому понятию здоровья, которое включает в себя не только физическое, но также психологическое и социальное благополучие. Отмечается, что состояние тревоги, стресса, вынужденного одиночества и социального дистанцирования негативно сказывается как на физическом, так и на психическом здоровье человека. В письме также говорится, что врачи вынуждены идти против врачебной присяги, которая предполагает правильное информирование пациентов, не использование своих знаний во вред клиентам. Т.е. нарушаются также принципы врачебной этики.

Воробьева Мария Владимировна

кандидат культурологии, научный сотрудник

Институт философии и права Уральского отделения РАН

**ВОСПИТЫВАЯ ГРАЖДАНИНА: К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РАБОТЫ С
НАСЕЛЕНИЕМ В ПУБЛИЧНЫХ ПАРКОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ
СВЕРДЛОВСКА/ЕКАТЕРИНБУРГА**

РФФИ №20-411-660005

«Специфика конструирования гражданственности в 1920-2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г.Свердловска/Екатеринбурга»

Нередко в сознании российских горожан исполнение роли гражданина, реализация гражданственности связываются с выходом из приватного пространства в публичное. В наши дни одним из таких публичных пространств становится пространство публичных парков, скверов и проч., о чём свидетельствуют, к примеру, массовые протестные акции, имевшие место в мае 2019 года в Екатеринбурге по поводу возведения храма св. Екатерины на месте сквера перед драматическим театром. Больше того, опыт Екатеринбурга, став резонансным, распространился и на другие регионы РФ (локальные протесты и отказ местной власти от строительства храмов или приостановление работ по проектированию храмов в парковых пространствах Челябинска, Красноярска, Омска, Нижнего Новгорода). Данные кейсы говорят, во-первых, о том, что парковые пространства важны для светской и религиозной власти в качестве площадок, позволяющих привлекать новых сторонников, снимать социальное напряжение, воспитывать людей в духе послушания религиозным и светским законам. Во-вторых, реакция разных групп горожан на попытки перекодировать или трансформировать нейтральное парковое пространство демонстрирует значимость публичных парковых пространств для горожан, их восприятие в качестве принадлежащих всем, а потому неотчуждаемых.

Вместе с тем, как показывает исторический опыт, интерес к публичным парковым пространствам не является исключительной приметой российской современности. На протяжении всего советского периода государственная власть активно использовала парковые пространства для воспитания граждан в соответствии с принятой идеологией, подчиняя этой цели дореволюционные парковые пространства (сады, бульвары и т.п.), а также создавая новые (парки культуры и отдыха). В советское время были разработаны и внедрены многочисленные формы работы с населением, позволяющие осуществлять индоктринацию, идеологическую обработку, создавая граждан советского образца.

На основе работы с архивными документами (протоколами общих собраний в парторганизации ЦПКиО им. В. Маяковского) и мониторинга периодической печати 1920-1980-х годов города Свердловска, мы выделили и типологизировали направления и формы работы с населением, в ходе которой возникали, корректировались и отрабатывались технологии, методы и инструменты конструирования гражданственности. Условно эти направления можно обозначить как коммеморативное, реализуе-

мое через практики, связанные со взаимодействием с мемориальными объектами в парковых пространствах (ритуалы возложения венков, почётных караулов и др.); культурно-просветительское (лекции, концерты, музыкальные и поэтические вечера); рекреационно-досуговое (народные гуляния и массовые праздники) и спортивное (спортивные соревнования, игры). Также выявлена динамика использования разных форм работы с населением, зависящая от текущего внутриполитического момента: в периоды либерализации усиливались интерактивные и камерные формы (например, музыкальные и поэтические вечера), а во время ужесточения политической обстановки, напротив, практиковались авторитарные и массовые (лекции и народные гуляния). Кроме того, обнаружен ряд ограничений административного, финансового и кадрового характера при реализации планов по работе с населением, ставящих под вопрос эффективность последних: плохая организация мероприятий, приводящая к их срыву, низкое качество содержания мероприятий, недостаток финансирования парков и кадровый голод в их администрациях, затруднения при подборе персонала, способного квалифицированно выстраивать культурно-массовую работу.

Гагаев Андрей Александрович

доктор философских наук, профессор

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

Гагаев Павел Александрович

доктор педагогических наук, профессор

Пензенский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗЛА

1. Математическое добро понимается 1. Как соотношение в коллективном опыте форм группового опыта и личного опыта в отношении количественной меры блага этноса в интенции к равенству в благе приходящемся на социальные группы в модели всеобщей и общей справедливости и адекватная форма математизации системы естественной справедливости в ее системе. Естественно, рассматривается общая теория справедливости как определяющая частную теорию справедливости. Чисто количественным основанием справедливости является общая, а не средняя полезность.2. Контенсивизм в математике; 3.1. Математизация этноформ воспроизводственного процесса рас и этносов пространстве-времени на основе общей собственности и общей полезности.3.1. Математизация формы естественной справедливости, 3.2.Теория математической истины;3.3. Троичное кодирование информации (истина, ложь, возможное, неопределенное).3.4. Модель математической справедливости .4. Адекватность математики выделенным реальностям и проблемам их описывающих наук и сквозных проблем выживания этносов 5.1. Математическое добро есть мера наличия в математической теории, осмысливающей проблемы наук и выживания этносов в практике и опыте формы этноязыка, философии, логики, физики и собственно математики и языка особенных наук, в том числе социальных и гуманитарных 5.2. Редукция онтологических уровней, определяющая редукцию тождества.5.3. Телеология естественной справедливости, вероятностная логика;5.4. математизация сквозных проблем выживания рас и этносов в своем месторазвитии, 5.5. Отношение совместности, выводимости, следования языков наук в межпредметной модели науки, истины и справедливости, логик открытия и изобретения.

2.Математическое зло есть: 1.Исключение из математических семантик формы истины и ее замена формами конвенции, непротиворечивости, приемлимости.2 Исключение из математических семантик системы естественной справедливости и всеобщей

справедливости; 3.1. Математизация форм опыта на функциональной и частнособственнической основе; 3.2. Математизация формы справедливости как неравенства в рынке и демократии социальных групп и рас и этносов, 3.2. Теория математической непротиворечивости и приемлимости; 3.3. Двоичное кодирование информации (истина, ложь), создающее математические иллюзии типа авидья. 3.5. Модель математической несправедливости как обоснование математически форм несправедливости в соответствующих математических аппаратах, теории усреднения чисел 3.6. Рост математической имитации знания или функциональных вычислительных иллюзий, 3.7. Развитие математической глупости в связи с отсутствием в математических теории формы этноязыка, философии, логики, физики, теории истины, заменяемых вычислительным процессом и алгоритмами, формами двоичной информатики (атмосфера в математике), 3.8. Исчезновение знания в математике (синтетических суждений). 3.9. Трусость мышления (не последовательность и нечетность, интерпретации в системе Д тезиса и игнорирование фактов, интерпретационное мышление). 4. Отсутствие в семантике меры соотношения этноязыка, философии, логики, физики, математики, утрата этноформы математики. 5.1 Отсутствие семантики сквозных проблем выживания рас и этносов в математической форме (например, пропорциональности экономических районов и их производственных функций. 5.1.2. Отсутствие этноформы языка, философии и логики, физики, абсолютизация вычислительной и алгоритмической формы математики. 5.2. Абсолютизация редукции тождества, исключение антиномичного типа логики и семантики, редукция к формам середины как извращающих истину и справедливость. 5.3. Отсутствие оптимизации арифметики, интуитивистской логики и антиномической логики и телеологии естественной справедливости в мышлении и творчестве математиков, деградация логико-философского, физического и математического мышления. 5.4. Отсутствие межпредметности в семантике математических теорий, недостаточность логико-содержательного и вероятностного подхода в науке и жизни. 5.5. Отсутствие содержательной силлогистики и логики открытия и изобретения в семантике языка, философии, логики, физики и математики в единстве

Математическая этика есть суждение о сквозных проблемах выживания рас и этносов в математической форме, проблемы в этнокультурной и межпредметной модели науки развития этноязыка, философии, этнологик, физики и математики, объектных наук организуя опыт и практику этносов по собственному расширенному производству.

Гайворонская Станислава Андреевна

обучающийся бакалавриата, 2 курс, Кубанский государственный университет
**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЭТИКИ ХАКЕРА, ИЛИ ОПТИМИЗАЦИЯ «Я»
 ПОСРЕДСТВОМ INT MAIN() {INT I = 0; I++; I--; RETURN I;}**

«You can create art and beauty on a computer» [«Вы можете создавать искусство и красоту при помощи компьютера»] – выявленный Стивеном Леви неконформистский параметр этики хакера базируется на программистском представлении об эстетической категории. Интеграция идей реализации «прекрасного» в систему морально-нравственной проблематики определяет необходимость исследования содержания обозначенного элемента шифроключа сетевой семиосферы, его включённости в метаморфоз хакерского существования, потенциала.

В качестве образующих эстетической категории этики хакера можно выделить абстрактные, или общетеоретические, и конкретные, или узкопрактические, характеристики так называемого «красивого кода». Иллюстрацией одного из вариантов первого определения является объявленный в статье японского программиста Юкихио Ма-

цумото Treating Code As an Essay [Трактовка кода как эссе] квинтет атрибутов «красивой программы», который формируют следующие качества: краткость, консерватизм, простота, гибкость, баланс. Демонстрация совокупности эстетических элементов, однако, не представляет какого-либо единого варианта интерпретации нормы (в том числе из-за особенностей языков и парадигм программирования) – соответственно, формы следования перечисленным абстрактным характеристикам оказываются не унифицированы. Практические характеристики, напротив, определяются в формате многообразных стандартов, использование которых регламентируется рекомендацией применения однозначных моделей и обуславливается генезисом определённой ситуации кодирования. Так, например, решение проблемы «неуместной близости» целесообразно только для частного фрагмента кода, где дислоцированы «интимничающие классы», в то время как соблюдение заветов квинтета актуально для каждой строки этой же программы. Глобальное содержание эстетической категории этики хакера в виде синтеза особенностей обоих типов характеристик даже без обращения к трансцендентной возможности, то есть к ссылке на обнаруживаемое вне структуры формального языка «прекрасное», может трактоваться в соответствии с культурологическим восприятием.

Изучение частного случая кьеркегоровской стадильности человеческого существования в контексте сетевой семиосферы, или метаморфоза хакерского существования, устанавливает обязательность наличествования эстетической категории в числе первооснов этики хакера, которая «обнаруживается на каждом этапе реконструкции киберсемиосферы». Происхождение эстетика как способного к написанию «красивого кода» программиста детерминирует его будущее приятие прочих параметров этики хакера и их непосредственную реализацию в рамках этической формации, преодоление которой определяет становление человека религиозной экзистенции, компьютерного гностика, то есть хакера. Таким образом, метаморфоз хакерского существования можно рассматривать в качестве зависимого от эстетической категории процесса, каждый из этапов которого характеризуется в том числе номинированием отдельной разновидности исполнения «прекрасного» (главной, второстепенной или внесценической роли).

Допустимость использования трансцендентной возможности как способа расширения культуротворящей способности идентифицируется перспективной из-за неинкорпорированности рассматриваемой эстетической категории в систему классического компьютерного искусства, в частности, в конфигурацию дигитальной литературы. Обращение к приёмам вроде аллюзии, посредством которой в виртуальность имплантируются аспекты доцифровой истории и культуры (комментарий «RIPJSB»), макаронизма, представляющего синтез формального и естественного языков (стихотворение «Black Perl»), несобственно-прямой речи, происхождение которой обуславливается взаимодействием некоторых особенностей синтаксиса и семантики знаковой системы с образной архитектурой произведения (стихотворение «Optimize me»), является предтечей усложнения феномена code poetry [поэзии кода] и, соответственно, методики его анализа.

В подведении итогов стоит обратить внимание на то, что именно тезис неконформистского параметра этики хакера программирует развёртывание культуры «красивого кода», стремление к созданию которого позволяет творцу осознать стиль собственного «я» одновременно с аннигиляцией его, то есть опущением найденного до «не-я», причастностью к общехакерскому поиску Святого Грааля будто бы новой процедуры печати десятичных чисел.

Гарвардт Андрей Эрвинович
кандидат философских наук, доцент
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Котласский филиал Государственного университета
морского и речного флота им. С.О.Макарова

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ И ЭТИКА СОЦИАЛЬНЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Аксиологическая структура общества как системы отношений вряд ли вызывает сомнения у искушённого исследователя. Однако в контексте настоящего обращения к теме мы считаем существенным одно важное уточнение. А именно то, что общественные отношения, составляющие сущность общества в его категориальном смысле, складываются не по поводу непосредственно потребностей, что свойственно природе, а именно по поводу ценностей, т.е. отношения уже к самим потребностям.

Феноменальная сущность ценностей понимается нами как её неосвязаемость и невербализуемость конечным числом предикативных суждений. Актуализируются же социальные ценности не непосредственным образом, а через действующие этические нормы через осознание допустимости или недопустимости жертвы. Суть социальной ценности, таким образом, должна пониматься нами в негативном ключе – как недопустимость жертвы более ценным объектом ради менее ценного.

Анализ структуры социальных ценностей мы предлагаем проводить в контексте социальных модернизаций именно в силу очевидности того соображения, что любая модернизация предполагает смену иерархии ценностей ради оправдания отказ от каких-то прежних социальных достижений во имя новых, которым в действующей структуре ценностей «не хватает места».

Традиционно в социальной философии рассматриваются два типа социальных модернизаций: революционный и эволюционный. Этический аспект сопоставления известных типов модернизаций состоит в формировании соответствующих типов этики. Революционная этика предполагает не только допустимость, но и желательность жертвы всем прошлым во имя будущего. Оправдывается данная жертвенность тем соображением, что «прошлое себя изжило» и уже не в состоянии соответствовать «требованиям времени». Отсюда вытекают социальные лозунги типа «лес рубят – щепки летят», «революцию в белых перчатках не делают» и т.п. Этическая парадигма эволюционного сознания, напротив, требует формирования этики толерантности в качестве мировоззренческой базы сосуществования двух рядов ценностей: традиционных, уходящих, но ещё не ушедших и сохраняющих свою актуальность хотя-бы частично, и модернизационных, замещающих традиции в той части общественных отношений, которой эти традиции уже не соответствуют. Но, вместе с тем, модернизационные ценности эволюционного сознания воспринимаются этим же сознанием с известной долей скепсиса в силу очевидной гуманности перспектив развития новых ценностей в структуре действующих и изменяющихся социальных отношений. По этой причине этика эволюционных модернизаций содержит готовность к отказу от отдельных аспектов модернизации, их коррекции в ходе т.н. «контрреформ».

Наше же обращение к данной теме вызвано очевидной для нас необходимостью переосмыслить привычную дихотомичную схему социальных модернизаций, а именно – отметить активно формирующуюся в последние десятилетия третья парадигму социальных модернизаций – инновационную. Аксиологический смысл данного типа модернизации состоит в том, что иерархия ценностей начинает меняться не в силу оценки их соответствия действительности, а в соответствии с модернизационными представлениями субъекта социальной трансформации. В этическом плане это озна-

чает формирование нового типа этики, допускающего жертву социально значимыми и актуальными ценностями во имя умозрительных представлений о т.н. «прогрессивных» ценностях («завтрашнего дня»). По существу мы имеем дело с диалектическим «сдвигом» революционной этики, в которой прошлое, которого уже нет и ценность его нивелирована во имя будущего, которое неизвестно, но неизбежно, т.к. в настоящем ничего нет т.н. «безвременье», заменено настоящим, которое ещё есть, но ценность его так же нивелирована во имя будущего, которого нет (и не известно – будет ли), но мыслится в качестве ценности именно оно

Гарвардт Мария Андреевна

обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Этическая проблематика образования как социального института во многом связана с тем, что в его оценке, совершаемой органами государственного управления и влияющей на развитие этой сферы, превалируют формализуемые факторы, то есть, разнообразные количественные показатели: учащихся, оценок, мероприятий и т.д. Качественные же, такие, как собственно «образованность» учащегося, формализации не поддаются и остаются вне поля зрения.

Принципиальным моментом этического порядка в этой связи является непрерывность и непреложность процесса образования. Поэтому именно образование оказалось одной из сфер общественной жизни наиболее пострадавших в течение пандемии COVID-19. Оказалось, что в условиях удаленного обучения практически невозможно сохранить суть образовательных взаимоотношений – их субъект-субъектность, непосредственность передачи знаний от учителя ученику, реальность обратной связи и оценки освоения программы. Полгода дистанционного обучения показали следующую картину: система всеобщей «удаленки» оставляет школьников и студентов в ситуации фактического самообразования. Процесс самообразования неплох сам по себе – но как может самообразовываться тот, кто еще не образован изначально?

Другим важным этическим аспектом дистанционного образования оказалась оторванность человека от коллектива как важной составляющей этоса воспитания. Конечно, вопрос о кризисе коллективного сознания стоял и ранее, и современный класс скорее выглядит не как коллектив (основные критерии которого это цели, ценности и идеалы, осознающиеся и разделяющиеся участниками коллектива, причем эти цели не предписанные, а внутренние), а как набор индивидуальностей. Но в условиях изоляции у класса и школьного коллектива исчезла и основная цель, для которой он собран, – обучение. Само по себе разрушение коллектива лишает ребенка огромной части воспитательного процесса, обучения детей детьми, формирование общих идеалов и ценностей, а отсутствие необходимости даже получать образование вместе оказывается проблемой формирования здоровых межличностных отношений детей и подростков.

По сути, решение вопроса о закрытии школ на карантин – этический выбор между ценностью здоровья и ценностью сохранения и продолжения обучения. Выбор, который делает государство в этом отношении, очевиден, но не однозначен.

Карантинные меры – очевидно простейшее решение проблемы, поскольку не требует дополнительных затрат (хотя должно бы, поскольку не все учителя и ученики имеют физические и технические возможности для удаленного обучения) и призвано существенно минимизировать риск заражения. Однако в отсутствии однозначных

данных о способах заражения, распространения и протекания инфекции и положительном опыте других стран (например, Швеции, где младшие школьники продолжали ходить на учебу, что незначительно повлияло на статистику заражения) более разумным выглядит решение потратить лишние средства и силы, но грамотно усилить гигиенические меры (как, например, в нашем университете) и не закрывать школы вновь.

Вынужденный дистанционный опыт показал, что такая модель обучения, широко обсуждаемая еще до пандемии, не оправдывает себя ни в контексте образовательных задач, ни с точки зрения формирования нравственной личности: без межличностного общения, влияния коллектива и самостоятельного решения реальных задач.

Сейчас, в сентябре 2020 года, когда в Москве объявили двухнедельные каникулы в школах и есть большая угроза второй волны карантина, стоит бережно относиться к своему здоровью, носить маску и перчатки, но услышать учителей – вернуться в школу в новом учебном году, дети имеют пробел в полгода обучения. Есть ли у государства моральное право лишать их еще полугодом (или года) образования и ничем его не восполнить?

Глебова Софья Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
ветеринарной медицины, ассистент
Глобина Анна Константиновна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

«Я МОГУ ЧЕМ-НИБУДЬ ЕЩЁ ВАМ ПОМОЧЬ?»

О ПРОБЛЕМЕ ГИПЕРЭТИЧНОСТИ ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Современный мир экспансивно развивающихся компаний приходит к глобализации методов ведения бизнеса, организации корпоративной культуры и представления о реализации принципа клиентоориентированности. Часто эти принципы не вписываются в культурный ландшафт страны или конкретного города, на территории которого находится филиал компании. Если проблемы, связанные с достижением B2B целей уже начертаны на скрижалях по маркетингу и менеджменту, то проблема особенностей общения с «розничными» клиентами до сих пор остается темой для иронично-саркастичных комментариев в кулуарах, не более. Обостряется текущее положение все более артикулируемым запросом масс на искренность и неумелыми попытками компаний на этот запрос отвечать (в основном PR-механизмами).

Осложнения в процессе предоставления услуги приводят к тому, что консультант мягким голосом объявляет о причине возникшей проблемы клиенту, приносит свои извинения, и при удачном для пользователя раскладе или помогает устранить эту проблему (чаще всего силами самого пользователя), или же во всех подробностях объясняет, почему предоставление услуги в полном объеме на данный момент невозможно. Оговоримся, что, безусловно, существуют исключения.

При менее благоприятном раскладе два субъекта находятся на различных коммуникативных позициях причем векторы их целей параллельны и разнонаправленны. Задачей клиента становится получить услугу, задачей представителя компании – избежать конфликтной ситуации пользуясь доступными (лексическими) средствами, при этом сохранив лояльность, грамотно поработать с негативом. Менеджер по общению с клиентами, как правило, не учитывает степень восприимчивости к формальным эмоциям жителей конкретной страны. Сам клиент, не подозревая, что от него ожидают соблюдения норм внутренней корпоративной культуры, хотя бы потому, что

с кодексом этики он не знаком. Как бы ни старался консультант – сама цель коммуникации достигнута быть не может.

Клиент чаще всего в ответ на извинения апеллирует к категории должностования: заключая контракт с компанией, он ожидает получить уровень услуг, в обмен на честное исполнение обязательств с его стороны. В конце концов, клиент взывает к добродетелям (а именно к их активной, деятельной составляющей): чести, справедливости, правдивости и пр.

Консультант, не имеющий достаточно полномочий, квалификации или опыта, не может предоставить конкретное решение «здесь и сейчас», но лишь абстрактные извинения и надежды на улучшение ситуации, – из раза в раз отказывает в предоставлении клиенту конкретного источника ответственности, перекладывая ее на «экзистенцию» и «злой рок». Получается, что неспособный решить вопрос консультант, в собственной беспомощности, только ухудшает ситуацию, бонусы на балансе пользы тают на глазах у изумленной и страшно недовольной утилитаристской публики. Стоит уточнить, что в данном случае мы не говорим о службах спасения и специалистах на горячих линиях психологической помощи.

Дополнительным фактором давления на консультанта является еще и то, что этика становится важным элементом корпоративной повестки дня не эволюционно (вместе с приходящими в компанию специалистами), а революционно, на волне конфликтов и репутационных кейсов.

Остается два варианта: либо приравнивать уход от ответа к расписке в беспомощности и принимать его как естественные, неприятные, но независимые от клиента и консультанта обстоятельства; либо отказываться от гиперэтичного дискурса, как от ситуации, изначально неэтичной, нарушающей устремления личности и попирающие этические ценности и переходить к разделам «этика конфликта» или «этика насилия».

Глобина Анна Константиновна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет
SELF-LIFE MATTER?

Конвенциональной трактовки концепта «selfcare» нет, каждое новое его обсуждение приносит новые коннотации и аспекты: бодипозитив, непрерывное образование, психотерапия и даже формы ипохондрии (как педантичная забота о собственном здоровье). Именно поэтому важно рассмотреть этический и конфликтологический аспекты проблемы как с позиций «разумного», так и «гипертофированного» представления заботы о себе.

Интериоризация стандартов ответственного отношения к себе приучает выстраивать границы собственного комфорта с причитающимися озвучиваниями социальных ожиданий разговорами без недомолвок и затаенных обид и волевыми решениями. Это почти ницшеанский образ морали господ и «людей благородной культуры» и, кажется, все в выигрышной позиции до тех пор, пока такой подход к выстраиванию коммуникации не возводится до диктаторских замашек или компульсивного подгона действительности под собственные когнитивные шаблоны. Идеально выстроенный собственный мир – достаточно сомнительный плацдарм для переговоров, если индивид не готов уступать.

Тело и разум — это вверенный нам стартовый пакет участника марафона «человек разумный на Земле», подразумевающий как власть над собой и своим будущим, так и ответственность за толковое использование. Выводя себя на уровень целостной и

гармоничной личности, мы делаем реверанс обществу, преподнося ему приятного собеседника, надежного друга и, в конце концов, эффективную трудовую единицу. Не может быть и речи о том, что главная добродетель 2020- записаться к психотерапевту и в спортзал, это скорее правила игры, затеянной человечеством (в этом месте старательно избегается слово «долг», чтобы не поминать Иммануила нашего Канта всеу), но тенденция не превращать собственные проблемы в коллективную головную боль становится все более осязаемой. Игра в берновскую «деревянную ногу» оказывается раскрытой и разорванной.

Апофеозом обсуждений становится резонный вопрос «Этично ли быть привилегированным?», впрочем, риторический до тех пор, пока мы не договоримся о том, что именно понимается под привилегией. Если еще в 19-20 веке речь шла о «привилегированном меньшинстве» (в частности, сословных или классовых), то на сегодняшний день наблюдается сдвиг в противоположную сторону: теперь же мир за теми, чья идентичность артикулируется громче и наглее, что приводит к бесконечному перехвату флага общественно защищаемых «сверху вниз» и «снизу вверх». Если раньше «деньги» (как материальное благосостояние) считались мерилем статуса, то в современном мире мы имеем дело с номинальным капиталом: критерием распределения общественной эмпатии выступает степень «ущемлённости» той или иной групповой идентичности. И всё же, стыдно ли печатать доклад на новом ноутбуке, пока у кого-то один старенький ПК на всю семью? А иметь квартиру в 5 минутах от метро зная, что у кого-то вовсе нет дома? Жить хорошо? Нельзя не обратить внимание, что подобное стремление к скромности вербализуется в выражениях вроде «Счастье любит тишину», «не жили хорошо и нечего начинать», все еще бытующих на постсоветском пространстве, высвечивающих витающий в воздухе экзистенциальный страх навлечь беду и быть неготовым к ней, расслабившись от хорошей жизни. Достичь компромисса в вопросе об этичности «удобного» положения в обществе можно, сместив категориальный аппарат с глобальных вопросов о справедливости на индивидуально-психологический уровень. Тогда привилегии будут измеряться не количественно, а качественно: субъективно (уровень удовлетворенности жизнью) или объективно (состояние здоровья).

Головков Владислав Владимирович
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРИ ВОПРОСА СОЗДАНИЯ ЭТИЧНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Искусственный интеллект уже давно перестал быть плодом фантазий писателей-фантастов. С каждым годом данная технология занимает всё большую часть нашей жизни. В рамках своего научного исследования этики искусственного интеллекта, я выделяю три вопроса создания этичного искусственного интеллекта: формализация этики, выбор этических принципов и «отслеживаемость» (англ. traceability) соответствия действий машины заданным принципам.

С формализацией этики наблюдаются определённые проблемы, связанные с такими присущими морали явлениями как: а) расплывчатость формулировок; б) ситуативный характер морали; в) преимущественно, отсутствие чёткой структурности и взаимосвязи моральных суждений. По мнению робототехников, на данный момент уже существует необходимый для формализации этических норм математический аппарат и остаётся лишь сделать этику чёткой и однозначной. Но в этом случае мораль пре-

вернуться в право, будет лишена необходимого её компонента – свободы воли. Соответственно, я утверждаю, что данная проблема не является этической.

В связи с проблемой выбора этических принципов при создании искусственного интеллекта я рассматриваю два возможных подхода: составление этических кодексов и документов, содержащих этические принципы и рекомендации для их достижения; вывод необходимых этических законов, по которым будет действовать ИИ, на основе моральных интенций людей, которые они выражают через прохождение специального опроса. Собственно, этот вопрос и является одним из центральных для современной этики искусственного интеллекта.

Решение вопроса «отслеживаемости» соответствия действий машины задаваемым этическим принципам рассматривается двумя способами: тестирование наподобие теста Тьюринга; анализ действий машины на основе изучения процесса прихода к тому или иному решению через внедрение в систему «объяснительной компоненты». Так или иначе, оба подхода имеют свои недостатки и требуют доработки. С одной стороны, вопрос этот сугубо технического характера. С другой – применение таких методов отслеживания должно подвергаться этической рефлексии либо со стороны профессионала в сфере этики, либо со стороны робототехника, обученного этиками.

Таким образом, приоритетными для этической науки я выделяю две задачи: выбор этического «пути» в разработке и создании искусственного интеллекта и обеспечение сферы робототехники необходимым этическим знанием для создания и эксплуатации безопасного, как для пользователей, так и для окружающих людей, искусственного интеллекта.

Джабраилов Руслан Ильгарович
магистр философии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Школа философии и культурологии

ПОСЛЕДНЕЕ ТАНГО В ПАРИЖЕ: ЭТИКА ДЕ МЕСТРА И ХАОС МНОЖЕСТВА

Философия Просвещения, наследием которой является современное человечество (в частности, европейское), оставило неизгладимый след в мировой культуре и мыслях людей. На сегодняшний день уже практически невозможно представить себе человека, который в своей деятельности не использует такие категории, как «факт», «наука», «доказательство». «Выход из состояния несовершеннолетия», провозглашённый Кантом в его работе «Что такое Просвещение?», наглядно продемонстрировал ответственность каждого человека в руководстве своими поступками в не только в частной, но и публичной жизни. Результатом этого для европейской общественной мысли стала всем известная Великая Французская буржуазная революция 1789 – 1799 годов, в корне переписавшей историю традиционного уклада европейского образа жизни. Выдвигая таких лидеров, как Жорж Дантон, Максимилиан Робеспьер и Наполеон Бонапарт новоевропейская история показала нам совершенно новый тип властного управления – революционно-просвещённого управления. Убрав из функции общественной жизни переменную «сакральное», человек остался один на один с себе подобными. Как показывает опыт истории, последствия у этого бывают далеко не всегда положительными: Наполеон как «генерал революции» хотел распространить идеалы «свободы, равенства и братства» на всю Европу и впоследствии, как мы видим, Россию. Здесь можно задать закономерный вопрос: как то, что начиналось с призывов гармонии между людьми превратилось в общеевропейскую трагедию и чехарду политических режимов, до конца не понимающих чего они хотят? И здесь на сцену

выходит Жозеф де Местр, которого политическая философия называет одним из основоположников консерватизма. В многочисленных трудах этого автора мы видим и критику самой революции 1789 года и собственное видение автора по поводу её возникновения. В своих «Размышлениях о Франции» де Местр критикует реализацию на практике идей мыслителей-утопистов, мечтающих построить идеальное общество, где каждый человек может жить счастливо и полностью воплотить в жизнь свой творческий потенциал. По сути своей, отсюда и возникает заявленное в названии этого доклада словосочетание «хаос множества». Это нечто такое, что пытается выдать себя за то единственное, что может объединять и направлять разрозненные социальные группы и общественные интересы ради строительства нечего такого, что отражает интересы всех людей. На этом и строится современная демократия, считающая удовлетворение наиболее модных интересов своей первоочередной обязанностью в политической конъюнктуре мирового сообщества. Навязывание так называемых «интересов народа» уже давно стало навязыванием интересов тех, кто стоит над этим народом, ибо человек в своей повседневной жизни очень редко может возвыситься над другим по своим качествам. Решить проблему так называемого «хаоса множества» и призвана этика де Местра, пытающаяся предложить собственный подход к революции как противодействию революционно-просвещённому управлению.

Дробышева Анастасия Владимировна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

К ИССЛЕДОВАНИЮ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОКОЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Нравственная культура рассматривается в докладе как совокупность ценностных ориентаций и социальных установок, регулирующих межличностные и межгрупповые отношения. Тип нравственной культуры зависит от способа регулирования этих отношений. Эти способы связаны с историческими видами морали, формирующимися на аграрной, индустриальной и постиндустриальной стадиях общественного развития. В соответствии с этими ступенями в научной литературе выделяются три вида морали: традиционный, рациональный и пострациональный. Считается, что эти виды морали не вытесняют, а дополняют друг друга (В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов). Нравственная культура выражает специфику исторических видов морали. В реальном нравственном сознании населения определенной страны наблюдается сочетание различных типов нравственной культуры. С учетом особенностей современного этапа исторической трансформации России мы можем выделить два типа нравственной культуры. Старый (советский) тип нравственной культуры, соответствует условиям индустриальной стадии развития и имеет преимущественно институциональный характер. В рамках этого типа нравственной культуры отношения между людьми регулируются воздействием со стороны формализованных структур. Новый (постсоветский) тип нравственной культуры соответствует условиям перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии развития. В рамках этого типа нравственной культуры отношения между людьми регулируются их личными убеждениями. В научной литературе переход от институциональной морали к личностной морали считается одной из тенденций развития современных обществ (В.О. Рукавишников).

Старая (советская) нравственная культура характеризуется ориентацией на учет мнения других людей и помощь окружающим, высокой оценкой таких нравственных качеств как послушание и уважение к другим людям, нетерпимым отношением к морально спорным видам поведения.

Новая (постсоветская) нравственная культура характеризуется ориентацией на независимость от других людей и личный успех, высокой оценкой таких нравственных качеств как решительность и настойчивость, терпимым отношением к морально спорным видам поведения.

В реальном нравственном сознании и поведении населения России наблюдаются различные сочетания указанных типов нравственной культуры. У старшего поколения преобладают элементы старой нравственной культуры, у младшего поколения преобладают элементы новой нравственной культуры, у среднего поколения существует баланс элементов старой и новой нравственной культуры.

Еременко Татьяна Вадимовна

доктор педагогических наук, профессор

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

О СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ НАПОЛНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНОГО МОДУЛЯ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭТИКА СТУДЕНТА» В ЭИОС СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

РФФИ №19-013-00108 «Педагогическая модель формирования академического этоса студентов в информационно-образовательной среде современного вуза»

В рамках реализации научного проекта, реализуемого в РГУ имени С.А. Есенина при поддержке РФФИ, в среде дистанционного обучения университета создан информационно-справочный модуль «Академическая этика студента».

Важнейшая задача модуля состоит в том, чтобы сжато и понятно рассказать о нормах академической этики, которым студенты должны следовать при работе с информацией. Разделы модуля преподаватели могут рекомендовать студентам для того, чтобы последние могли максимально проявить уважение, ответственность и честность при работе с информацией в своих письменных работах; быть корректными в академической переписке; соблюдать этические нормы при публикации своих первых научных работ.

Разработка структуры модуля опиралась на данные и выводы, полученные на более ранних этапах проекта методами кейс-стади, фокус-групп и экспертного опроса [1, 2, 3]. Модуль открывается разделом «Что такое академическая этика?», носящим пропедевтический характер. В нем кратко изложены принципы академической этики, ее нормы в работе с информацией, виды нарушений этих норм.

Так как уровень информационной культуры студентов в значительной степени определяет степень сформированности у них норм академической этики, в структуру модуля включены разделы «Информационные ресурсы для учебной и научной работы» и «Оформление библиографического аппарата учебного и научного текста». Закономерно выделен раздел «Плагиат в учебных и научных работах», в котором дана характеристика понятия «плагиат», его видов, понятия и видов заимствований, обзор российских систем поиска плагиата. Представлен раздел «Академическое письмо», основной задачей которого является знакомство студентов со сравнительно новым для них концептом академического письма, его жанров и критериев оценки. Студентам, готовящим научные публикации, адресован раздел «Публикационная этика». Анализ рекомендаций преподавателей, высказанных в ходе экспертного опроса, обусловил появление раздела «Этикет академической переписки». В разделе «Требования РГУ имени С.А. Есенина к письменным работам студентов» размещены ссылки на локальные нормативные акты университета соответствующего содержания. Наконец, в разделе «Обратная связь» любой пользователь может высказать свое мнение о модуле, заполнив небольшую анкету или дав отзыв в свободной форме.

Практико-ориентированный подход к наполнению модуля определил включение в него большого количества примеров (файлы «Примеры подстрочных библиографических ссылок по ГОСТ Р 7.0.5-2008», «Примеры оформления прямого цитирования», «Примеры библиографических описаний для составления списка по ГОСТ Р 7.0.100-2018», «Примеры писем студентов»), а также тестов и интерактивных диалоговых тренажеров, сделанных с использованием конструктора электронных курсов и тестов iSpring Suite.

В настоящее время модуль «Академическая этика студента» рекомендован к использованию учебно-методическим советом РГУ имени С.А. Есенина. В перспективе по результатам обратной связи будет сделан анализ мнений и, при необходимости, проведена корректировка структурно-содержательного наполнения модуля.

Литература:

1. Еременко Т.В., Фулин В.А. Зоны повышенной этической напряженности в работе студентов с информацией: кейс-анализ на основе «треугольника академического мошенничества» // Книга. Культура. Образование. Инновации («Крым-2019»): Материалы Пятого Международного профессионального форума. Судак, 2019. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2019/disk/013.pdf> (дата обращения: 30.09.2020).

2. Еременко Т.В. Концепт «академический этос студентов» как средство конструирования педагогической реальности современного вуза // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 5. С. 10-14.

3. Мартишина Н.В. Студенты как акторы совместной ответственности при формировании академической этики в вузе (по материалам экспертного опроса) // Приоритеты и ценности воспитания и развития личности в современном социуме: материалы всероссийской научно-практической онлайн-конференции. Рязань, 2020. В печати.

Жадунова Наталья Владимировна

кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ)

РФФИ №18-011-00710 «Стратегии становления личности в пространстве глобального и локального: этический аспект»

Современные стратегии развития личности определяются совокупностью факторов, решающими из которых являются формирование внутренней позиции по отношению к происходящим событиям и противоречиям, а также изменения внешних условий социальной жизни, социальных практик, способствующих возникновению или разрешению внутренних моральных конфликтов. Кроме того, стратегия всегда предполагает «сознательное выдвигание целей и задач действия, анализ и оценку отношения этих целей и задач к целям и задачам разных групп, действующих в современности, анализ и оценку возможных последствий осуществляемого социокультурного действия [4].

«Выдвигание» целей и задач обусловлено системой нравственных принципов, норм и ценностей, сформированных и формируемых убеждений. Психологи и социологи, говоря о стратегиях, отмечают, что они зависят от гибкости, пластичности мышления человека, его социального окружения, его конформизма или бунтарства и умения видеть долгосрочную или краткосрочную перспективу [1, 2].

Стратегия определяет моральные поступки человека, механизм освоения и трансформации существующих социальных практик. Этико-философский анализ существующих концепций стратегий развития личности (жизненных стратегий) позволил выделить несколько «идеальных» моделей: деонтологическую, консеквенциалистскую, контрактарианистскую и экзистенциалистскую [3].

В основе этих стратегий лежат принцип долженствования; ориентированности на прогнозируемые последствия поступка; принципе взаимных обязательств (договоренностей); принципе свободы (самопроектировании личности).

Актуализация выделенных стратегий была осуществлена в ходе социологического исследования, проводимого среди студентов вуза Республики Мордовия в 2019 году. Полученные результаты показали, что в чистом виде на практике не реализуется ни одна из стратегий. Возможно выделить только поведенческие доминанты, обозначенные в ответах респондентов: ориентированность на долг, стремление договариваться и прогнозирование результатов поступков в достижении инструментальных ценностей. Менее выраженной в ответах респондентов была экзистенциальная стратегия как ориентированность на саморазвитие и самосовершенствование. Ответы демонстрировали эгоцентризм, неспособность принимать и поддерживать позицию других, агрессию.

Очевидно, что результаты исследования позволили получить только первый срез в описании моделей различных стратегий развития личности и моральных принципов, лежащих в их основе. Изучение этого вопроса является ответом на современные вызовы цифровых трансформаций ценностно-нормативных систем (возникновения «новых» этик, усугубление социальной аномии, межпоколенческих разрывов).

Литература

1. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности// Социс. 1995. №2 С. 100-105. URL.: http://ecsocman.hse.ru/data/381/829/1219/001_Reznik_100-105.pdf (дата обращения 13.02.2020).
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. — М., 2006. — 873 с.
3. Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Жадунова Н.В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.С. 66—93.
4. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997.- 642 с.

Зайцев Павел Леонидович

доктор философских наук, профессор

декан факультета теологии, философии и мировых культур
Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

АКСИОСФЕРА ДОМАШНЕГО ФИТНЕСА В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ: ТЮРЕМНЫЙ СЛЕД

Анализируя контент по фитнес – программам, что возможно реализовать в домашних условиях на видеохостинге YouTube, набиравший популярность, стремительно растущий в рейтингах в период самоизоляции, следует отметить, что большинство упражнений из этого контента почерпнуты их пропагандистами из двух основных печатных источников «Фитнес в одиночной камере» Чарльза Бронсона и «Тренировка заключенных» Пола Уэйда. Отмеченное верно как для отдельных упражнений, так и комплексов упражнений. Интерес пропагандистов фитнеса на самоизоляции к данным источникам объяснима исходя из самого их названия, предполагающего работу преж-

де всего с собственным весом, в ограниченном пространстве с минимумом подручных средств – дверной косяк, табуретка или стул, скрученное полотенце. То, что тюрьма как институт изоляции и исправления не исключима из этики и культуры человеческих отношений в свое время убедительно доказал Мишель Фуко. Однако тюремная этика и тюремная культура всегда воспринимались как нечто обособленное, удаленное, зарешеченное от общечеловеческой этики и культуры. Переход из одного мира в другой четко регламентирован, традиционные варианты переноса «тюремных» ценностей в аксиосферу повседневных человеческих отношений достаточно изучены и, по возможности, купированы культурой, идет ли речь о рекрутских кино-сериалах 90-х.: «Бумер», «Бригада», «Бандитский Петербург», или шансонной тюремной лирике. Они имеют определенного зрителя и слушателя. В 90-е он был достаточно массовым, чего нельзя сказать о сегодняшнем дне. Однако, период вынужденной самоизоляции, ограничив наших сограждан в их привычном времяпровождении и способах коммуникации привел к появлению новых каналов призонизации (приобщения к тюремным ценностям и культуре). Одним из таких каналов стало распространение мультипользовательских игр криминальной направленности, позволяющих примерить робу заключенного в виртуальном мире (осуществляя при этом реальную коммуникацию с другими игроками). В качестве примеров здесь можно привести мультипользовательские стратегии: «Mafia City» от разработчика Yotta Game (50 млн. скачиваний в Google play на 30.09.2020 г.), «Крестный отец» от FT Games (1 млн. скачиваний в Google play на 30.09.2020 г.), «Crime Coast YD» от Brain Vault (100 т. скачиваний в Google play на 30.09.2020 г.), а также игры в жанре экшен: «Hitmen Sniper» от разработчика Square enix ltd (10 млн. скачиваний в Google play на 30.09.2020 г.), Gangstar: Новый Орлеан от Gameloft se (10 млн. скачиваний в Google play на 30.09.2020 г.). Другим каналом призонизации становится освоение техник тела, характерных для тренировок заключенных в «домашних» условиях. Эффективное выполнение комплекса физических упражнений невозможно без подключения мотивационного ресурса, который, так или иначе отсылает приверженцев домашнего фитнеса к отцам-основателям методик тренировки заключенных, работы которых насыщены информацией об их «особом» понимании жизни. Анализ аксиосферы домашнего фитнеса, и, особенно, его источников позволит избежать тех ошибок, что были допущены в 90-е годы в отношении подвальных тренажерных залов, в подавляющем большинстве своем являвшихся не только институтами призонизации, но фабриками для производства пушечного мяса для криминальных группировок. Падение доходов горожан, продолжение работы на удаленке для части офисных работников, делающее посещение тренажерного зала отдельным и довольно затратным мероприятием, выработка привычки тренироваться дома – все это указывает на наличие перспектив развития домашнего фитнес – контента на популярных видеохостингах и социальных сетях, а значит и его этического и конфликтологического сопровождения.

Захарова Анастасия Антоновна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕДИАЦИЯ РОВЕСНИКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ШКОЛЬНИКОВ

Школа на сегодняшний день является значимым социальным институтом, с которым сталкивается каждый человек, она неразрывно связана с существующими в ней конфликтами – явлением естественным и повсеместным. Наиболее важными функциями школы являются обучение и социализация. Существующие противоречия и

конфликты в школьной среде, не разрешающиеся своевременно, могут негативно влиять на эти базовые функции – учебную концентрацию, мотивацию посещения учебного заведения и построения отношений со сверстниками и взрослыми. Довольно часто выпускники вспоминают школьные годы как нечто отягощающее и некомфортное и ощущают облегчение, освобождение от сложностей после выпуска. Данная информация подтверждает необходимость грамотной работы по урегулированию школьных конфликтов.

Эффективным вариантом работы со школьными конфликтами является одна из разновидностей медиации – медиация ровесников (или peer mediation). Кроме того, peer mediation является частью программы поддержки ровесников peer support. Peer support представляет собой объединение различных методов по борьбе с буллингом, насилием, унижением в школе. Программа предполагает обучение школьников навыкам коммуникации и выражению своих чувств в ненасильственной форме, что позволяет сохранять психологическое и эмоциональное здоровье детей, а также поддерживать доброжелательную атмосферу в школе.

Peer mediation представляет из себя процедуру, роль посредников в которой, как правило, выполняют школьники среднего и старшего звена одного возраста с клиентами (обращающимися школьниками) или старше. Однако базовое обучение медиации возможно с 3-4 класса. Эффективность медиации ровесников состоит не только в использовании медиативной технологии, но больше в возможности подрастающему поколению самостоятельно научиться разрешать возникающие конфликты и проблемы, а не избегать их.

Проведенные опросы среди школьников, обученных принципам медиации ровесников, показывают, что ценностные установки после прохождения курсов меняются. До обучения медиации преобладающими формами поведения в конфликте у подростков являются оскорбления, распространение сплетней, уход от обсуждения, использование силовых методов. Обращение к таким методам воспринимается учениками как норма, вследствие чего формируются неконструктивные установки поведения. После обучения и работы в качестве медиатора ценностные установки школьников меняются.

Доминирующими способами взаимодействия детей не только в конфликте, но и в обычной жизни становятся прямое обсуждение противоречий, поиск взаимовыгодных вариантов решения проблемы, стремление общаться спокойно и уважительно. Полученные навыки позитивно сказываются на их школьной и внешкольной жизни, а также способствуют трансформации ценностей и норм.

В данной статье рассматриваются особенности медиации ровесников, её преимущества при разрешении и урегулировании школьных конфликтов, а также влияние на личностные качества учеников, познакомившихся с программой. Демонстрируется возможность трансформации и переосмысления сложившихся ценностных установок школьников относительно возникающих трудных жизненных ситуаций и взаимоотношений с окружающими людьми.

Зеленкина Анна Андреевна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО И КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА, ПРОБЛЕМА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И УСПЕХА

Корпоративная культура компании должна включать в себя ту модель поведения, которая будет приниматься как должная и необходимая мера регуляции поведения сотрудников на рабочем месте. При этом этический лидер оказывает прямое воздей-

ствие на данную составляющую компании, утверждая этические нормы, принципы и правила поведения и наблюдая за тем, чтобы они соблюдались. Важно учитывать, что заинтересованность лидера проявляется не только в получении более высокой прибыли, но и в усовершенствовании внутренней системы организации. Этическое поведение руководителей обладает потенциалом влияния на членов команды. Лидеры должны осознавать состояние организации, чтобы они могли предпринять меры по информированию о важности этических практик. Через сообщения об этическом поведении лидеры могут развивать организационную культуру, что способствует становлению самого этического лидерства и влиянию на других членов компании. Кроме того, что лидерство включает в себя разработку необходимых документов, высшее руководство также должно демонстрировать свой авторитет, чтобы каждый строго соблюдал законы, основывался на этическом поведении и учитывал ценности сообщества. Важную роль в распространении моральных норм будут играть обучающие беседы, основанные на преодолении моральных дилемм или противоречивых требованиях заинтересованных сторон. Подобная инициатива позволяет лучше узнать возможности своих подчиненных и использовать их потенциал в нужном направлении. Помимо вышесказанного у сотрудников появляется представление о необходимости этической составляющей при разрешении конфликтных ситуаций.

Ценности и нормы, которые транслирует лидер, говорят о том, полагается ли руководитель на роль этических компонентов в своей системе управления. Мера использования этого компонента в принятии управленческих решений олицетворяет имидж компании, ее культуру. Распространение этических ценностей позволяет представить профиль компании, но с условием информирования персонала о проводимой политике. Степень уверенности лидера, его решимость и настойчивость передается коллективу, который является своего рода продолжателем того, на что ориентируется главное лицо. Эффективность этического лидерства можно определять по тем результатам, которые приносят бонусы организации. Важнейшую роль здесь сыграет поведение сотрудников на основе подражания, что происходит благодаря построенным доверительным и справедливым отношениям между лидером и другими членами компании. Именно поэтому так важно не только транслировать этические нормы и привлекать подчиненных к ответственности за их поведение, но и выполнять заданные требования самому лидеру.

Таким образом, этический климат и корпоративная культура компании играют немаловажную роль в формировании этического лидерства. Благоприятный этический климат влияет на этичность намерений менеджеров при принятии решений, а культурные факторы, в основе которых лежит справедливое отношение к сотруднику, ориентация на него самого, способствуют этическому поведению.

Зубковская Анастасия Александровна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ «МОРАЛЬНЫХ РЕЛИГИЙ» В СОВРЕМЕННОМ ЭВОЛЮЦИОННОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

Проблема происхождения «богов-моралистов» исследуется в современном религиоведении с точки зрения эволюционных подходов. Отметим, что данное понятие используется для обозначения богов, через веру в которых происходит легитимация моральных норм. Научная дискуссия разворачивается вокруг вопроса о связи генезиса «моральных религий» и сложных обществ, в частности о том, является ли религиозная система морального надзора, поощрений и наказаний фактором культурной эволюции, определяющим переход от простого общества к сложному.

Исследователи указывают, что объяснений, использующих аргумент, вызывающий к просоциальному поведению человека, реципрокному альтруизму и, в целом, механизмам группового отбора, недостаточно для указания причины появления сложных обществ, поэтому, с этой точки зрения, система религиозно-морального надзора может быть принята в качестве дополнительной предпосылки, необходимой для возникновения такого рода комплексных объединений. Осмысление связи генезиса «моральных религий» с социальной природой человека является одной из исследовательских задач современного эволюционного религиоведения.

Идея о том, что религиозные ритуалы играют позитивную роль в человеческой кооперации, несомненно, не является новой, и адресуется в работах некоторых классиков социологии и антропологии религии (Э. Дюркгейм, Р. Раппапорт, В. Тернер). Современные теоретики эволюционного религиоведения (Д.С. Уилсон, А. Норензаян и др.) предпринимают попытку привести концептуальную новизну, рассматривая социальные функции религии с перспективы дарвинизма и когнитивных наук.

Углубляясь в психологическую проблематику, исследователи предлагают описание когнитивных механизмов, ответственных за восприятие «высших существ», осуществляющих надзор над людьми. Наиболее актуальной, при этом, является склонность человека к антропоморфизации (С. Гатри), благодаря которой восприятие выстроено таким образом, что человек интуитивно обнаруживает антропоморфное в нечеловеческих сущностях и, в целом, природных объектах. Благодаря этим и другим особенностям природы человеческого мышления, становится возможным религиозное ощущение того, что за человеком наблюдают «высшие существа». И, в конце концов, именно такая психологическая характеристика составляет основу религиозно-морального надзора. В этом смысле большое значение имеет тривиальный принцип, согласно которому поведение людей, за которыми наблюдают со стороны, становится более конформным, нежели если бы за ними никто не наблюдал. При этом, как отмечают исследователи, если в малых сообществах с легкостью осуществляется социальный надзор такого рода, то в обществах комплексной природы эту функцию выполняют «боги-моралисты». Кроме того, такое обеспечение конформного поведения, по мнению теоретиков, способствует повышению уровня кооперации между людьми, когда они объединяются на основании единой системы моральных правил.

С другой стороны, рассматриваемая проблематика адресуется современным исследователям новые вопросы, в частности, о том, какова природа религиозного конфликта. Иными словами, как религия может способствовать не только установлению сотрудничества и доверия между людьми, но и провоцировать недопонимание, и, даже приводить к насилию? Эти и подобные вопросы еще ждут тщательного исследования с позиций моральной философии и разных научных дисциплин.

Каньшева Ольга Альбертовна

кандидат философских наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина

ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ДИЗАЙНЕРА

В эпоху Возрождения зарождается дизайнерская этика. Выражение «disegno intero» обретает популярность в 16 веке и предполагает рождение идеи в голове художника под влиянием воли Бога, который ее внушает [1].

В это же время появляется слово «design». Понятия «художник» и «desiner» имеют общую основу, в своей основе – творческую, демиургическую деятельность, «божий дар».

Современная этика дизайнерской деятельности оформилась в международный профессиональный кодекс чести дизайнера, который был принят в 1965 г. На IV конгрессе ICSID в Вене [2].

Литература

1. Этика художественного творчества: философско-эстетический аспект: антология. Ч.1. -М.: МГУКИ,2006. – 271 с.
2. <http://design-nw.ru/links/>

Коваль Екатерина Александровна

доктор философских наук, профессор

Средне-Волжский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ:

ИШПОКРЕНА ИЛИ ОМУТ ДЛЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА?

РФФИ №19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии»

Поиск источников социальных норм в целом и норм морали в частности сохраняет актуальность на протяжении долгого времени. Принципиальное значение имеет участие человека как разумного волевого существа в этом процессе. Ответ на нормативный вопрос (Почему я должен быть моральным?) во многом зависит от ответа на вопрос «Откуда берутся нормы?». Появляются ли они стихийно или человек принимает творческое участие в их появлении? В поисках ответа на данный вопрос можно обратиться к феномену социального воображаемого, представляющего собой комплекс представлений о ценностно-нормативной структуре общества, его целях, месте в нем Я и Другого, особенностях их взаимодействия. Это ценностно-нормативная картина мира, которая существует в коллективных представлениях о сущем и должном. Она репрезентуется не в социальной теории, а в мифах, легендах, историях (Ч. Тейлор).

Моральные нормы – один из существенных элементов социального воображаемого. Если они образуются стихийно, то для человека нет нормотворческих перспектив. Все, что можно сделать, это нырнуть в омут социального воображаемого и вытянуть оттуда представления о допустимом, возможном или обязательном, а потом облечь в новую словесную формулировку и, например, изложить в формате этического кодекса или в виде отдельного этического принципа (категорический императив, алмазное правило морали, принцип предосторожности и т.п.). Тогда социальное воображаемое выступает своеобразным нормативным первичным бульоном, откуда социальные нормы выходят на сушу и постепенно эволюционируют.

Или же социальное воображаемое является источником для морального нормотворчества, и личность черпает вдохновение для того, чтобы в каждом поступке или в ситуации моральной дилеммы делать свой творческий вклад в появление или изменение нормы морали?

Более популярной является точка зрения о социально-историческом нормообразовании, однако могут быть сформулированы аргументы и в пользу нормотворчества. Центром нормотворческой концепции является личность, но для расширенного воспроизводства нормы необходимо не индивидуальное, а социальное воображаемое, которое только и способно творчески породить нормативную реальность. Только общая норма поведения, обобщающая единичные требования, может быть моральной нормой (О.Г. Дробницкий). К. Касториadis называет субъектом творчества общество, однако подчеркивает, что такое творчество не может быть абсолютно произвольным. Оно обязательно, хотя бы отчасти, сознательно. Таким образом, можно предположить, что существует, как минимум, два механизма нормообразования: 1) нормы морали появляются и исчезают стихийно, образуясь в социальном воображаемом и, при условии соответствия общему моральному порядку, мигрируя затем в практики, меняющие, в свою очередь, социальное воображаемое; 2) нормы морали являются результатом коллективного творчества, осознанной творческой деятельности.

Также можно предположить, что обозначенные механизмы сосуществуют в социальном воображаемом, порождая разные виды моральных норм.

Козин Трофим Владимирович

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НЕОРЕСПУБЛИКАНСКАЯ КРИТИКА ИСАИЙ БЕРЛИНА

Большинство авторов, подвергающих критике две концепции свободы (негативную и позитивную), обозначенные Исайей Берлиным в одноименном эссе, основываются на следующем понимании его работы: 1) по мнению Берлина, концепция свободы как отсутствия вмешательства наиболее предпочтительна; 2) обе концепции присутствуют в истории философии именно в том виде, в котором они представлены в вышеназванном эссе.

На сегодняшний день наиболее успешной и обоснованной является критика Берлина со стороны представителей неореспубликанизма – Квентина Скиннера и Филипа Петтита. Первый критикует выведенные им две концепции с точки зрения историка, второй – с точки зрения политического философа. По мнению Скиннера, ошибка Берлина состоит в упущении некоего третьего понимания свободы, не являющегося ни негативным, ни позитивным. Позже Петтит назовет это понимание недоминированием (*non-domination*) в противовес либеральному пониманию свободы как невмешательства (*non-interference*).

Если Скиннер настаивает на допущенной Берлиным исторической неточности, то Петтит подвергает сомнению достаточность негативной концепции (понимая ее как невмешательство) для того, чтобы считать человека свободным. Для этого необходимо обеспечить условия, при которых ничья воля не может оказать влияние на принимаемые человеком решения. Так, отсутствие вмешательства хозяина в жизнь своего раба вовсе не делает его независимым.

Обе эти линии критики – историческая (Скиннер) и философская (Петтит) – основаны на описанной в начале интерпретации текста Исайи Берлина. Однако, такое понимание по меньшей мере грубо, если не сказать – ошибочно. Во-первых, выведенные Берлиным концепции вовсе не претендуют на охват всей истории философии, о чем он вполне ясно заявляет в самом начале эссе. Речь идет лишь о том, чтобы «рассмотреть только два значения, но центральных, имеющих большую историю» [Берлин, 2014, с. 125]. По-видимому, Берлин хотел путем выделения двух укрупненных классов свободы внести в длительную дискуссию чуть больше ясности и последовательности. Как совершенно верно отмечает Чарльз Тейлор, эти классы свободы суть две ее

крайние формы [Тэйлор, 2013], и было бы серьезной ошибкой рассматривать их как единственные, так как и негативная, и позитивная концепции в реальной жизни имеют множество отличных друг от друга вариаций и модификаций.

Во-вторых, Берлин вовсе не настаивает на преимуществе или желательности понимания свободы исключительно как невмешательства. Напротив, он утверждает, что сама по себе возможность делать выбор между альтернативами недостаточна «для того, чтобы мои действия были свободными (хотя они могут быть добровольными) в нормальном смысле слова» [Берлин, 2014, с. 135]. Это, в свою очередь, демонстрирует, что Берлин ничуть не хуже Скиннера и Петтита понимал парадокс свободного раба, не питая иллюзий относительно негативной свободы.

Таким образом, можно заключить, что предложенная Берлиным классификация пониманий свободы не исключает, как это может показаться, республиканской концепции (недоминирование). Наоборот, как позднее признает сам Скиннер, негативная концепция включает в себя последнюю, как нечто вроде подкласса или разновидности [Скиннер, 2015]. Свобода как недоминирование отличается от крайней формы негативной свободы, представленной в эссе Берлина, однако от этого она не перестает быть негативной по своей сути.

Литература:

1. Берлин И. Два понимания свободы // *Философия свободы*. Европа. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 122–185.
2. Скиннер К. О свободе республик // *Современная республиканская теория свободы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 25–42.
3. Тэйлор Ч. Что не так с негативной свободой? // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2013. № 2 (92).

Кондуров Вячеслав Евгеньевич
преподаватель-исследователь

Тимошина Елена Владимировна
доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

«ТИРАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ» В КОНСТИТУЦИОННОМ И НАДНАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВОСУДИИ

РФФИ №18-011-01195 «Действительность и действительность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации»

В последние полвека как в правовой доктрине, так и в политике толкования институтов «высокого правосудия» (конституционные, верховные и наднациональные суды) господствующей стала интерпретация конституции как системы ценностей. В судебной практике данная идея впервые была сформулирована Федеральным конституционным судом ФРГ в знаменитом «деле Люта» (1958). Истоки такой конвертации правовых норм и принципов в ценности, с целью удобства их судебного взвешивания, связывают с антипозитивизмом Г. Радбруха, неотомизмом Г. Дюринга и интегрализмом Р. Сменда.

Однако генезис «ценностного» подхода и его экспансия из философии в юриспруденцию и судебную практику мало изучен. Как, когда и почему произошли утрата понимания деонтологической природы правовых норм и правовых принципов, превращение их в волюнтаристски – актом судебного толкования – устанавливаемые ценности и трансформация институтов конституционного и наднационального правосудия в органы их установления и продвижения, зачастую весьма агрессивного?

«Эмансипация ценностей» в правосудии связана с дискредитацией понятий законодателя и закона: сначала произошла демифологизация «воли законодателя» в качестве цели судебного толкования и основы правопорядка, а вслед за ней – и самого закона, ставшего в условиях плюралистического общества пустой формой, закрепляющей сиюминутный компромисс противоборствующих сил. Таким образом, под лозунгом «верховенства права» законодатель, а вслед за ним и закон, были дискредитированы, а представление об объективности и справедливости права стало ассоциироваться с судьями и их усмотрением, не связанным утратившим доверие законом.

Закон стал рассматриваться как повод для волюнтаристского конструирования его смысла судьей – смысла, отсутствующего в законе до акта судебного «толкования». В риторическом подходе толкование закона заменяется выстраиванием системы аргументов, призванных убедить «аудиторию» в правильности принятого решения. При этом парадоксальным образом эмансипация судебной власти, наделение ее полномочием создавать общие нормы и волюнтаризация толкования проходили под лозунгом «господства права», что обосновывалось волюнтаристским происхождением закона при игнорировании того, что и решение суда также имеет волевой характер. Напротив, «судейское право» мыслилось чем-то объективно и «стихийно» возникающим, а волевая природа, равно как и тайная процедура вынесения судебного акта – игнорировались.

Представление о праве как об инструменте защиты ценностей в соединении с идеей свободного судейского нормотворчества, наиболее радикальной версией которой стал юридический реализм – «юстиция без права», явились причиной радикальной прагматизации права, завершением которой стал метод «взвешивания» ценностей и тест на пропорциональность. Последние были бы невозможными без экспансии логики ценностей в правовую реальность.

Проект радикальной критики данного подхода попытались осуществить Карл Шмитт и его ученики: Эрнст Форстхофф и Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде. С точки зрения Шмитта, следующего здесь за М. Хайдеггером, ценностный дискурс представляет собой эрзац утраченной метафизики, предполагая редукцию различных категорий (блага, права, идеалы и т.д.) в единое поле ценностей, которое делает возможным их сравнение, конвертацию, иерархию и, следовательно, ситуативное снятие «высшими» ценностями – «низших». Этот механизм немецкий юрист называет «тиранией ценностей», а непосредственное применение судами системы ценностей – агрессивной идеологией и даже террором. Дополняя критику, его ученики подчеркивали, что ценностный дискурс превратил правоприменение в политику толкования, лишил конституцию свойств правового акта, а в условиях плюралистического общества суд, апеллирующий к ценностям, по сути принимает идеологическое решение в пользу конкретной ценностной системы, устраняя другую. Тем самым суды принимают решения о конкурирующих правах, которые основаны на колеблющихся консенсусах, определяемых теми, кто доминирует в дискуссиях о социальных ценностях.

Костина Ольга Викторовна

доктор философских наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

НРАВСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПЫТА В МЕДИЙНУЮ ЭПОХУ

Приоритетное направление философских исследований постметафизического дискурса – практическое, что подразумевает совместимость в интеллектуальных стратегиях имманентизма и универсализма.

Опыт как способ присутствия человека в мире задает не только способ практической ориентации в культуре, но и предполагает полноту и единство переживаний человека, которые не складываются как выводной и дискурсивный результат, или набор полезных конструкций и действий, а требуют экзистенциального напряжения и этических горизонтов.

Онтологическое содержание современности как медийной эпохи – наличие особой культурной среды обитания, сконструированной реальности, которая, воспринимаясь как объективная, трансформирует важнейшие формы ориентации человека в мире. Человек, включенный в это пространство, подпадает под общие конфигурации медиатизированной реальности. Медиасобытия становятся важным фактором разыгрывания инсценировок мира, где значимые события формируются искусственно, оказывая влияние и на внутреннюю содержательность нашего опыта.

В этом контексте нравственное измерение опыта в медийную эпоху – это пространство культуры, пронизанное трансцендентным измерением. Его основные смысловые характеристики отсылают нас к иерархически организованному универсуму, где направленности и связанности опыта, а не мозаика его отдельных элементов определяют богатство и напряженность человеческого самостояния, которое обращено не к миру прирученных вещей, обрезанных по формату медиасобытия, а – к глубине и к возможности принять иное.

Нравственный опыт невозможен без онтологического напряжения, мест неразрешимости бытия, подлинной трагедии, способствующей экзистенциальному возрастанию человека. Подобный драматизм отличен от того, что В. Беньямин называет шоком. Он пишет о скудости опыта в современности. Гибридные основания культуры в виде смешения стилей и мировоззрений нивелируют не только личный опыт, но и опыт человечества вообще. Новое варварство, по Беньямину, связано с урезанными смысловыми территориями культуры, сознательным конструктивизмом в пику органичности традиции, это мир, лишенный дали и высоты, мир Микки – Мауса как мечты современного человека. Значимо для нашей темы различие, по В. Беньямину, опыта (*Erfahrung*) и переживания (*Erlebnis*). Опыт укоренен в традиции, он представляет собой целостность, где все элементы связаны, переживания же существуют автономно, они вырваны из общего контекста культуры, вызывают к не связанному повествованию, а к информации, которая отстраняет человека от собственного опыта.

Представляется, что нравственность возрастает на путях не «плоского» мира, в пространстве существования подлинного опыта, не отчужденного от самости человека.

Краева Вероника Дмитриевна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

Современный мир глобализован. Практически любые события способны найти отклик во всем мире и выйти за пределы того локального пространства, в котором они произошли. Любое локальное событие может повлечь за собой глобальные последст-

вия. Особенно актуальной данная проблема стала после того, как в число наиболее эффективных инструментов глобализации вошел Интернет. Пространство виртуальной реальности заняло важное место в жизни современного общества. С ее появлением возникли новые проблемы, в том числе этического характера, изучение которых представляет собой значительный исследовательский интерес.

Количество этических проблем Интернет-пространства достаточно велико. Данный доклад посвящен проблеме так называемой «культуры отмены», обретшей достаточно широкую популярность в последнее время. Культурой отмены принято называть способ привлечения к ответственности за различные правовые, социальные или этические нарушения широко известных лиц путем их публичного осуждения и отказа от поддержки в социальных сетях. Культура отмены является способом саморегуляции виртуального пространства, созданным непосредственно самими пользователями Интернета.

Фактически культура отмены является формой бойкота, объявляемого конкретному известному лицу, так или иначе представленному в медийном пространстве, от имени остальных пользователей Интернета. Наиболее часто этот бойкот осуществляется в пространстве социальных сетей. Тем не менее, в последнее время участились случаи, когда последствия подобного бойкота не ограничивались исключительно потерей популярности в социальных сетях, но также влекли за собой различные санкции в реальной жизни. Кроме того, в последнее время средства борьбы с некорректными поступками и высказываниями начали принимать облик, не вполне соответствующий этическим нормам. Таким образом, можно сказать, что культура отмены начинает приобретать черты новой цензуры в пространстве социальных сетей. Необходимо также отметить, что появление культуры отмены повлекло за собой возникновение новых проблем, а именно проблему этичности средств, которыми она осуществляется; проблему следующих за ней санкций за пределами виртуальной реальности; проблему справедливости применения культуры отмены. Целью данного доклада является исследование этичности культуры отмены. Поставленные перед нами задачи включают в себя изучение способов и форм проявления культуры отмены в виртуальной реальности, рассмотрение последствий культуры отмены за пределами виртуального пространства, исследование значимости культуры отмены для социальных сетей.

Исследование производилось на основе анализа случаев применения культуры отмены в отношении известных медийных лиц, таких как Дж. Роулинг, Х. Вайнштейн и Дж. Стар. Методы исследования включают в себя компаративный анализ и междисциплинарный подход. Теоретической базой данного доклада послужили работы У. Бека, Р. Робертсона и М. Фезерстоуна о проблемах глобализации и соотношении глобального и локального в культуре.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

- 1) Культура отмены приобретает характер новой цензуры в современном Интернет-пространстве.
- 2) Последствия культуры отмены могут выходить за пределы виртуальной реальности и приобретать характер санкций, в том числе правовых.
- 3) Тяжесть последствий культуры отмены не всегда соразмерна тяжести совершенного нарушения.
- 4) Культура отмены не всегда носит характер справедливого возмездия.
- 5) Культура отмены может привести к ограничению свободы слова в пространстве социальных сетей.

Литература и источники:

1. Бек, Ульрих. Что такое глобализация? — М., Прогресс-Традиция, 2001.

2. Matei, Adrienne. «Call-out culture: how to get it right (and wrong)» — The Guardian, 2019.

3. Mike Featherstone, Scott Lash, Roland Robertson. Global Modernity. — Sage, 1995-01-01. — 306 с.

Кувцев Александр Анатольевич

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

ФЕНОМЕН ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕЁ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Из определения религии в целом в «Новой философской энциклопедии» важно упомянуть, что «адекватное формально-логическое определение религии дать вообще невозможно; её сущность постигается лишь в результате выявления её конкретных многообразных форм и существенных характеристик» (Л. Н. Митрохин) .

Определение гражданской религии, её сходство и отличие от обычных видов религий. Относятся ли гражданские религии к нетрадиционным видам религий? Краткая история гражданских религий: от Ж.-Ж. Руссо (автор термина; «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (книга IV, глава 8 «О гражданской религии»), 1762) и Э. Дюркгейма («Элементарные формы религиозной жизни», 1912) до Р. Беллаха («Гражданская религия в Америке», 1967) и «Black Lives Matter» (USA, 2020). Определения гражданской религии:

«1. Согласно Ж.-Ж. Руссо... – совокупность убеждений, символов, ритуалов и институтов, которые создают социальную солидарность, придают легитимность социально-государственной системе. 2. Согласно Э. Дюркгейму... – совокупность национальных символов, ритуалов, традиций и т. д., которые в условиях современной секуляризации выполняют роль религиозных символов, обеспечивающих социальную солидарность. 3. Согласно Роберту Беллаху... – набор общих вер и традиций, которые объединяют американцев независимо от их религиозных убеждений, например, вера в американский образ жизни, американскую мечту, в особую американскую миссию в мире, значимость событий американской истории, государственной символики, праздников и т. д. Эта вера функционирует наряду и на равных со своеобразным симбиозом иудео-христианской религиозной веры и в условиях плюрализма культур, обеспечивает социальную солидарность, свойственную американскому обществу» (Социология культуры. Краткий словарь. 2011) .

Определение двух типов гражданских религий согласно принципам книги Анри Бергсона «Два источника морали и религии». Описание условий, в которых существуют статический (закрытый) и динамический (открытый) типы гражданской религии.

Этические последствия формирования и существования закрытой гражданской религии, определяемой как лжерелигия, и её опасность для общества:

- «Экстритерриториальность» (полная или частичная) в морали и логике: изъятие из действия моральных норм, нравственных оценок, связей с ценностями; из действия законов логики; из обыденного здравого смысла и житейской мудрости.

- Гражданская лжерелигия как вид морального, интеллектуального и духовного насилия. Двустороннее насилие: мягкое насилие совместимое с жёстким насилием.

- Общее с мифологией. Проследивание данного феномена в «Мифологиях» Ролана Барта. Национальные черты лжерелигий. Утопизм и строительство утопии как попытка объективации лжерелигии.

- Советская форма лжерелигии. СССР как «культовый синдром». Большеизм. Можно ли существовать негодяем не только под видом порядочного человека, но и

ровно так же, как и порядочный человек, то есть пытаюсь утверждать зло как добро? Игра в безнаказанность.

- Сектантский характер гражданских лжерелигий. Их гибридность по бесплодному типу. Стихийность и неконтролируемость этих форм религии даже для их адептов, несанкционированность, анонимность. Их распространение на общество и способы этого распространения. Гражданская религия и СМИ. «Родноверие».

- Их опасность для обычных религий. Нарушение разделения Божия и кесарева. Мимикрия.

Лисанюк Елена Николаевна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБОСНОВАНИЕ И УБЕЖДЕНИЕ В ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ
РФФИ №18-011-00895 «Логическое исследование сигнификативных явлений: семантика и прагматика»

В докладе обсуждается вопрос о критериях отбрасывания аргументов в делиберативной аргументации, в свете которого предлагается использовать понятие ложного аргумента как сильно непригодного по трем критериям – приемлемости, релевантности и достаточности, или ARS- (ППД-) критериям, используемым в неформальной логике и критическом мышлении, где проводится граница между теоретической и делиберативной аргументацией, в отличие от формальной логики, где от нее отвлекаются.

Делиберативная, или практическая, аргументация – это аргументация о действиях, о том, что делать или как поступить в той или иной ситуации, в отличие от теоретической аргументации, где посредством аргументов стремятся преодолеть расхождение во мнениях по поводу истинности какого-либо предложения. Изучение делиберативной аргументации особенно важно в морали и праве. В делиберативной аргументации стороны спора обсуждают не вопрос о том, в чем состоит линия поведения для достижения данной цели – этот вопрос относится к теории принятия решения, а не к аргументации, но вопрос о том, эффективность какой линии поведения из обсуждаемых в диалоге более убедительна в споре относительно этой цели. В отличие от теории принятия решения, нацеленной на генерирование в уме актора линии поведения, ведущей к достижению определенной цели, делиберативная аргументация – это конкуренция обоснований относительно имеющейся линии поведения и ее цели, разделяемой агентами диалога. Посредством конкуренции обоснований в делиберативной аргументации осуществляется убеждение.

Под обоснованием мы понимаем защиту точки зрения в диалоге, включающую отклонение критики и контраргументов. Убеждение – это изменение точки зрения агента диалога, подразумевающее две вещи: отказ от ранее выдвинутой точки зрения, защитить которую в споре не удалось, и принятие взамен нее новой точки зрения, аргументы в поддержку которой оказались более эффективными в отклонении аргументов в пользу противоположной точки зрения, вследствие чего ее пришлось отбросить. В теоретической аргументации убеждение реализуется в смешанном споре, где нет пассивной стороны, сомнения которой нацелена развеевать активная сторона посредством обоснования своей точки зрения. В смешанном споре каждый агент предъявляет собственную точку зрения и играет активную роль, защищая свое мнение или критикуя другие мнения. В делиберативной аргументации возможен только смешанный спор, где каждая из сторон отстаивает свою точку зрения или критикует другие точки зрения, и невозможен несмешанный спор, где одна из сторон не имеет своего мнения по

обсуждаемому вопросу и потому играет пассивную роль. Сомнение одного агента в отношении точки зрения другого агента по поводу того, как поступить или что делать, подразумевает, что сомневающийся агент воздерживается от линии поведения, отстаиваемой другим агентом, что равнозначно противоположной линии поведения относительно той же цели.

Таким образом, делиберативная аргументация оказывается не разновидностью теоретической аргументации, а наоборот, теоретическая аргументация есть такая разновидность делиберативной, где допускается несмешанный спор, в котором один или несколько агентов не имеют мнения об истинности обсуждаемого предложения и потому играют пассивную роль аудитории. В свете аргументации в морали и праве подобная позиция сомнения или незнания невозможна.

Возникает вопрос, что является критерием отбрасывания аргументов в делиберативной аргументации? На основе примеров по сюжету кинофильма «Хвост виляет собакой» и притчи А. Стриндберга «Священный бык или Торжество лжи» мы показываем, каким образом можно использовать понятие ложного аргумента для моделирования обоснования и убеждения в делиберативной аргументации. Мы демонстрируем, что обычно применяемое понятие слабой непригодности на основе одного критерия не годится для отклонения аргументов в диалогическом подходе, характерном для делиберативной аргументации, хотя его достаточно для выводного подхода. Мы обсуждаем процессуальные и процедурные аспекты ложного, или сильно непригодного, аргумента, а также механизмы имплементации полученного понятия в формализмы для моделирования делиберативной аргументации.

Марина Мария Васильевна

директор Музея инженерного дела

Воронежский государственный технический университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ

В настоящий момент происходит переосмысление роли музея в глобальном и национальном контекстах.

Национальный контекст в России связан со стратегией управления наследием и выразился в принятом в 2018 г. Национальном проекте «Культура». В соответствии с ним основная цель музеев – это создание условий для укрепления гражданской идентичности на основе духовно-нравственных, культурных ценностей народов РФ. Однако в современной музейной практике нет единства: кто решает, какую историю рассказывает и на чей авторитет опирается музей, каким образом музей укрепляет единство нации. Исчезла система рецензирования, обсуждения, экспертных оценок. Не во всех музеях сохранились научные советы.

Поскольку музеи подчас не могут выполнять функции института памяти и интерпретатора историко-культурного наследия, эту роль берут на себя другие институции.

Например, исторический парк «Россия — моя история». Концепция проекта основана на идее сильного государства, тесно связанного с православием; обращено внимание на развитие региональной истории в контексте общероссийской, что зачастую отсутствует в экспозициях большинства историко-краеведческих музеев. Организаторы проекта поставили задачу распространения таких исторических парков во многих крупных городах страны.

Существует ещё одно альтернативное направление трактовке и презентации российской истории. Его курируют члены Вольного исторического общества – создатели музея Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге. Во главе угла трактовки отечественной истории

— концепция тоталитарного государства, начиная с эпохи Ивана Грозного и заканчивая социалистическим периодом.

Сегодня музей потерял своё место объективного транслятора истории на основе научного подхода. Преобладает политика, причём зачастую не связанная с национальными интересами; идёт борьба за то, что и как представлять в музее.

Помимо существования в столь сложном национальном контексте, музеи испытывают на себе существенное давление глобального контекста, выражающегося в политике ICOM, в деятельности различных фондов и грантодателей. В этом ракурсе всё больше внимания уделяется социальной роли музеев и ценности его для общества. На последних конференциях прозвучали заявления, что ICOM озабочен категорией, которая должна рассматриваться в музее — благополучие (музеи следует понимать как «полифонические пространства, связанные с планетарным благополучием»). Сюда относятся: психическое здоровье граждан, пожилые люди, маргиналы, инвалиды. Сегодня это — одна из стратегических задач создания инструментария для измерения ценности музеев для общества. Музеи рассматриваются в качестве площадок для встреч и обмена опытом с целью развития социальной сплочённости и гражданского участия.

В связи с борьбой за новое определение социальных функций музеев 27 января 2020 г. ICOM выпустил «Заявление о независимости музеев». Музеи являются пространствами для передачи культуры, межкультурного диалога, обучения, обсуждения и подготовки кадров.

Попытки пересмотреть модель музея как уникального социального института уже предпринимались в 1980-1990-е гг. В этот период сформировалась концепция «открытого музея» — культурно-досугового и образовательно-развлекательного центра, ориентированного на коммерческие цели, на получение от общества моральной и финансовой поддержки.

Увлечение концепцией «музея для всех» подвергает сомнению понимание миссии музея, направленной на интерпретацию историко-культурного наследия, образование и просвещение, что в итоге превращает музей в культурно-досуговый центр.

Современный музей находится в политической, правовой, социальной и экономической средах, которые оказывают на него влияние, но сам музей на них влиять не может. Можно сказать, что основная проблема для музея в настоящее время — борьба за саму сущность музейной институции, её социальных функций, за совершенствование методов презентации истории и новых форм работы с наследием, разработку стратегического, тактического и оперативного управления музеем.

Мартынова Марина Дмитриевна
кандидат философских наук, доцент
Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА В РАМКАХ ПАРАДИГМЫ СТРАТЕГИЙ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

РФФИ №18-011-00710 «Стратегии становления личности в пространстве глокального и локального: этический аспект»

Нравственное развитие личности во все времена было связано с трудностями само-становления человека. Особенности процесса создания самого себя всегда определялись обстоятельствами социальной жизни. Глобальный мир в своем локальном измерении ставит перед молодым человеком необходимость самоопределения в рамках

парадигмы стратегий нравственного развития в силу масштаба тех возможностей и инструментов, которые стали ему доступны в цифровом измерении. Амбивалентность цифрового мира состоит в сочетании широких возможностей самовыражения и возрастания разного рода зависимостей, как производных этого мира. Это создает трудности для личности в принятии ключевых решений, когда самостоятельное этическое решение заменяется непровольным следованием цифровой манипуляции. Целью манипуляций являются формирование мотиваций поведения – потребности, нормы, ценности, стереотипы, которые определяют поведение человека. Токсичный контент интернета целенаправленно проводит обесценивание фундаментальных ценностей, направлен на снижение веры в авторитет, в частности родительский авторитет и авторитет учителей.

Рост манипулятивных цифровых угроз для личностного развития инициировал новый концепт, получивший название «цифровая гигиена», связанный с необходимостью безопасного поведения в сети. Концепт «цифровая гигиена» используется для обозначения безопасного поведения молодежи в цифровом пространстве. Авторы этого движения обеспокоены свободным распространением в сети информации, пропагандирующей деструктивное поведение (наркотики, скулшутинг, суицид и т.п.) и манипулирующее массовым сознанием. Современная молодежь «живет» в сети, черпает оттуда информацию для обучения и для досуга, что формирует ее мировоззрение и жизненную позицию. Наличие беспрепятственного доступа к любому контенту приводит к тому, что подросток самостоятельно формирует свою среду, которую тщательно оберегает от вмешательства взрослых, и соответствующее видение мира.

Опасности, с которыми сталкивается молодежь в цифровом мире, можно разделить на внешние и внутренние. К внешним относятся все виды мошенничества, способы вовлечения людей в деструктивные на разных основаниях сообщества, недостоверность информации в виде фейков и недоброкачественной, в том числе научной, информации. К внутренним опасностям можно отнести ограничение социального общения, что особенно ярко проявилось во время пандемии, психологическую зависимость от гаджетов, зависимость от соцсетей, соблазн предоставления ложной информации о себе. И это только ключевые этические ситуации, которые могут возникнуть в связи со включенностью в цифровую социальность, в которых причинение вреда человеку очевидно.

Виртуальный мир обладает многими характеристиками, среди которых очевидны характеристики открытости, доступности и широких возможностей сохранить анонимность для пользователя, что сопряжено с большим количеством лазеек для сокрытия своих проступков. В реальном мире моральное сознание человека формируется на основе его очевидных поступков, которые сопряжены с честностью, долгом, ответственностью и т.д., что сразу же с очевидностью определяется сообществом и на основе чего формируется репутация личности.

Очевидна необходимость защиты молодежи от токсичного контента цифрового мира, где основная роль отводится родителям и учителям для формирования навыков безопасного поведения в цифровом пространстве. Особое значение имеет формирование информационной грамотности молодежи, способности анализа и оценки предлагаемого контента, умение соблюдать анонимность и приватность, целостность цифрового образа, защищать репутацию, противостоять кибербуллингу и нежелательным знакомствам, быть внимательным к финансовым онлайн-транзакциям и счетам.

Следует также отметить, что в связи со стремительностью роста вовлечения человека в цифровой мир вследствие цифровой трансформации жизни общества мы не в

состоянии перечислить весь спектр потенциальных этических проблем, которые возникают в цифровом пространстве.

Масланов Евгений Валерьевич

кандидат философских наук, научный сотрудник

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

НЕГУМБОЛЬДТОВСКИЕ ЗОНЫ ОБМЕНА КАК ПРОСТРАНСТВА СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

РНФ №18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

Развитие научного знания и его все более активное проникновение в общество приводит к складыванию новых пространств взаимодействия между профессиональными учеными и людьми, не связанными с наукой. В этом случае происходит формирование новых специфических пространств коммуникации – негумбольдтовских зон обмена, в которых происходит согласование деятельности и убеждений различных участников коммуникации. Важным элементом подобного согласования становится выстраивание специфических правил коммуникации, которые могут рассматриваться как набор этических и эпистемологических норм. Коммуникация должна строиться на основе использования коммуникативной рациональности и коммуникативного действия (Ю. Хабермас). Однако специфической особенностью подобных пространств становится наличие пограничных объектов – артефактов, которые были произведены одной из социальных групп участвующих во взаимодействии. Обычно подобные артефакты оказываются связаны с наукой и произведены учеными, участвующими во взаимодействии. Эти материальные и когнитивные объекты могут рассматриваться как специфические посредники-медиаторы. Их использование помогает наладить диалог между профессиональными учеными и людьми, профессионально с наукой не связанными. Артефакты позволяют последним на собственном опыте получить представление о том, каким образом научное знание может быть использовано при создании различных технологических решений.

Использование артефактов дает возможность представить науку как специфическую деятельность по производству знаний. В этом случае становится все более очевидным, что важным элементом современного развития науки оказывается формирование новых решений, которые могут быть «вынесены за пределы лабораторий». Однако знакомство с историей формирования различных научных приборов, технологий и технологических решений, совершивших этот выход, дает возможность показать и их социокультурную обусловленность, выявить элементы социокультурной обусловленности научного познания. В результате, непрофессионал вполне может увидеть в деятельности ученых по созданию технологий сложную работу, которая требует учета большого количества различных факторов. Знакомство с наукой через систему артефактов позволяет непрофессионалам поставить вопросы и о необходимости выстраивания процедур социогуманитарной экспертизы различных научно-технических проектов. Именно в зонах обмена негумбольдтовского типа и возможно выстраивание подобных стратегий экспертизы, формируясь как пространства согласования деятельности и убеждений различных акторов они дают возможность использовать разные стратегии взаимопонимания. Согласование деятельности и убеждений может идти не только через «узнавание» Другого, понимание его точки зрения и выстраивание общих стратегий поведения. Подобные пространства дают возможность обсудить и возможные риски использования различных научно-технологических решений, а сам процесс подобного обсуждения и может рассматриваться как формирование общих

этических и эпистемологических перспектив, т.е. как согласование деятельности и убеждений различных участников зон обмена.

Мачкарina Ольга Дмитриевна

доктор философских наук, профессор

Мурманский государственный технический университет

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО: НОВОЕ «ВИДЕНИЕ ДОБРА»

РФФИ №20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ»

Каждый новый этап развития общества и общественных отношений сопровождается переосмыслением человеком ценностей и идеалов, поиском возможных вариантов развития общества, переосмыслением содержания моральных категорий добра и зла, нравственного долга и ответственности, свободы, справедливости и других. Кризис, с которым сегодня столкнулось человечество, как следствием пандемии и политического противостояния, сопровождался нравственным кризисом, крушением кумиров и размыванием ценностей, формированием общества «циников», находящегося в состоянии *ressentiment* (П. Слотердайк), «общества потребления» (Ж. Бодрийяр), в котором отношение потребителя к миру проявляется как отношение любопытства и незнания, и должен быть воспринят нами, как возможность выработки нового варианта развития общества, как перспективы коренных изменений условий жизнедеятельности человека и решения жизненно важных проблем.

Попав в новые условия, человек вынужден переосмыслить накопленный исторический опыт, для того чтобы выработать для себя возможные варианты «будущего» с соответствующей системой ценностей и идеалов, соотносимых с универсальными ценностями, такими как свобода, справедливость, нравственный долг, добро, зло и другие. П.И. Линицкий (1839-1906), профессор-богослов Киевской духовной академии писал, что настоящее имеет связь с прошлым и в значительной степени является его последствием [1, с.174], когда в российском обществе возникла необходимость создания модели духовно-нравственного воспитания личности, ориентированной на православные ценности и социальный опыт человечества. В качестве основы нравственности он принимает веру в добро и в человека. Линицкий предлагает обратить внимание на поступки человека, побудители которых заложены в человеческой природе и зависят от выбора самого человека, поскольку человек обладает свободной волей.

«Руководительным» началом деятельности русский философ считал чувства, рас-судок или разум, сообразно которым и формируются нравственные принципы: удовольствие, пользы или нравственного долга. Эвдемонизм Линицкий раскрывает на основе этических идей Эпикура, Платона, Аристиппа, подчеркивая, что человек руководствуется в своем выборе действий не только чувствами, но и разумом. [2, с. 225-226] Утилитаризм, в основе которого этика пользы, философ определяет в человеческом поступке как расчет, выгода, польза. Однако принцип пользы не может быть «общегодным», поскольку полезно каждому свое. Общее благо принимается им только как источник личного счастья.

Система нравственного долга представлена П. Линицким на основе идей Сократа и Аристотеля. Действительно Аристотель утверждал, что человек как нравственное и разумное существо, сообразует свое поведение с нравственным идеалом, с представлением о добре и зле, с намерением выбрать «добро ради добра», и способен нести ответственность за свою судьбу. Поступки, совершаемые сообразно добродетели, называются им благоразумными. [3]

Свое время Линицкий характеризует как эпоху прагматизма, когда истине предпочитается факт, правде – успех, совести – особое мнение о себе, добродетельности – практическая деятельность. Он подчеркивает ослабление роли веры, которая, по его мнению, сплотила бы общество. Человека нужно воспитывать и обучать, что осуществляет философия, которая «придает смысл раздробленному человеческому знанию». Только человек способен противостоять своей природе (подобно И. Канту) и благодаря свободе осуществить свободный выбор. Рассудок позволяет человеку соотносить разные побуждения и осуществить выбор сообразно своему пониманию добра. Человеку необходимо постоянно учиться. Моральный прогресс возможен тогда, когда наши действия согласуются с универсальными ценностями добра, человеческого достоинства, свободы, знания нравственного начала.

Литература

1. Линицкий П.И. Философия как наука // Вера и разум. 1894. Т.2.Ч.1.
2. Линицкий П.И. Обзор философских учений. Киев, 1874. 245с.
3. Аристотель Никомахова этика // Сочинения в 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. С.53-294

Мишаткина Татьяна Викторовна

кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Международный государственный экологический институт им. А.Д.Сахарова

Белорусского государственного университета

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ЭТИКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Термин «экстремальная этика» введен современным российско-американским этиком и философом М. Н. Эпштейном в связи с пандемией коронавируса–2019, которая поставила перед человечеством множество этических проблем – как тактических, которые приходится решать медикам каждый день и каждую минуту, так и долгосрочных, стратегических, нуждающихся в серьезной умозрительной рефлексии. Причем в современных условиях эта рефлексия все более смещается в сторону «профаных» размышлений, порождающих зачастую, с точки зрения профессионала, «завирусные» идеи, но и дающих импульс к дальнейшему поиску проблем. Так, для профессионального биолога вирус – не форма жизни. А что это? И как к нему относиться, с каких этических позиций? Что означает борьба с вирусом? Его уничтожение? Но возможно ли полностью уничтожить тот или иной вид вируса? И нужно ли это?

Отношения с природным миром не могут бесконечно строиться на противостоянии и борьбе, тем более что борьба эта бесперспективна, поскольку всеобъемлющие объективные природные условия сильнее и могущественнее человечества – этой временной формы существования материи. И что должно стать конечной целью этой борьбы: уничтожение «ненужных» или «вредных» (с точки зрения человека) объектов природы – таких, как, например, сорняки или вирусы? Но вспомним учение О. Леопольдо о природной пирамиде, согласно которому изъятие из нее даже одного кирпичика может привести к ее полному обрушению. Так, может быть, все-таки не борьба и насилие, а нечто иное?

Разрабатывая пути эффективной политики по сохранению человечества в экстремальных условиях глобального изменения климата, в качестве основных задач в решении этой проблемы ЮНЕСКО предлагает считать следующие:

- поиск и разработку путей и методов противостояния этим изменениям;
- адаптацию к ним человеческого сообщества;
- соблюдение при решении этих задач прав человека и природы.

Обратите внимание: основные задачи – не борьба с изменениями климата (это невозможно и бессмысленно), а «поиск и разработка путей и методов противостояния» им, «адаптация к ним человеческого сообщества». Независимо от того, носят ли глобальные изменения (климатические или вирусологические) антропо-техногенный или стихийно-природный характер, человечество должно незамедлительно искать методы и средства диалога с природой. Причем такой подход является, на наш взгляд, справедливым и необходимым по отношению к любым природным катаклизмам, угрозам и рискам, которые упорно возникают (и скорее всего, будут возникать и дальше) на планете Земля. А это требует смены ментальной парадигмы, переосмысления принципов взаимоотношений человека и природных условий, что является не прикладной, сиюминутной, а глубокой этико-теоретической проблемой.

Сегодня это требование справедливо и по отношению к ситуации, связанной с пандемией COVID-19. Как ни кощунственно это звучит, но бессмысленно говорить о «борьбе» с вирусом под лозунгом «Мы победим». Ведь он – не враг, он не хочет зла человеку, он просто реализует, как может, свое стремление к выживанию, более того, он «заинтересован» в человеческой жизни (а не смерти). Безусловно, это не означает, что мы должны его холить и лелеять согласно принципу «благоговения перед жизнью». Нет, человечество должно противостоять ему, минимизируя его смертельный вред для человека, и, вместе с тем, искать пути адаптации к этой и неизбежно идущим за ней следом другим формам вирусных инфекций. Ведь нам, скорее всего, придется жить вместе с ними и, возможно, долго. Поэтому изменение парадигмы предполагает направленность не столько на поиск средств и методов борьбы с подобными вирусами, сколько на поиск путей и способов сосуществования с ними.

Мухутдинов Олег Мухтарович
кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет

**«МОЯ СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ ТАМ,
ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ СВОБОДА ДРУГОГО»**

РФФИ №19-011-00925

О понятии свободы говорится в различных значениях. Опыт естественного морального сознания, закрепленный в языке повседневности, ориентируется на усредненное понятие о сущности свободы. Свобода проявляется в действительности свободной воли. Понятие воли обозначает: 1) основание возможности совершения действия или поступка; 2) в субъективном смысле – неограниченную свободу; 3) в опыте русского языка понятие воли является синонимом понятия свободы. При этом возникает опасность, связанная со стремлением к смешению второго и третьего значений понятия воли. Свободная воля понимается как субъективное основание произвола отдельного индивида, понятие свободы вообще отождествляется с произволом.

Указанный опыт свободы не имеет ничего общего с ее действительным понятием.

Исходная точка зрения заключается в том, что свобода рассматривается как «субстанция» человеческого существования. Это означает, что идея практической свободы как способности определять волю к поступку посредством одного только разума в качестве практически действующей воли, рассматривается как основополагающая онтологическая характеристика сущности человека. Разум в теоретическом смысле есть способность мыслить истину сущего в целом. Разум как по преимуществу практическая способность есть в таком случае способность действовать в универсальном горизонте, определяющем существование не только человека, но и любого разумного существа. Движение, благодаря которому становится возможным тематическое обна-

ружение универсального горизонта, начинается с максимы широкого образа мышления, предполагающего способность становиться на точку зрения другого человека (иного разумного существа), что является условием возможности понимания горизонтов собственного мира этого человека и вместе с тем – основанием для представления общих горизонтов двух – или более – личных миров. В полном смысле свободной (в кантовском понимании – моральной) является такая воля, которая изначально действует в универсальном горизонте всемирности. Взаимосвязь различных волей, действующих в этом горизонте создает особое коммуникативное пространство свободного взаимодействия индивидов.

В этом случае свобода отдельного человека первоначально обладает статусом онтологической возможности. Эта свобода становится действительной в отношении к другому человеку. Однако непреложным условием осуществления такой свободы является свобода другого, понятая как способность действовать в том же универсальном горизонте. Поэтому моя свобода не заканчивается там, где начинается свобода другого человека. Необходимо указать, что таким образом ограничивается наивное субъективное представление о свободе как о произволе. В действительности же моя свобода начинается там, где начинается свобода другого.

Неаполитанский Максимилиан Сергеевич
обучающийся бакалавриата, 2 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА И ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современном этическом дискурсе всё чаще встают проблемы, связанные с кризисом антропоцентризма и с влиянием на человека большого числа нечеловеческих агентов. В процессе развития новейших технологий – от умных городов и молекулярных машин до искусственного и гибридного интеллектов, – вопрос о структурном кризисе центрального положения человека в мире становится по-настоящему актуальным. Безусловно, кризисные процессы, связанные с идеями гуманизма, существовали с самого начала их теоретического обоснования, однако сам факт этического осмысления идентичности человека в контексте постгуманизма и новой субъектности, а также связанных с ними трансформаций морали ещё не проводился.

Становление постгуманистической этики обусловлено развитием теории деконструкции и акторно-сетевой теории Б. Латура, в рамках которых человек как конструкт был изменён или вообще перестал существовать. Изменённый технологический ландшафт и новые социальные реалии, а также появление так называемых «чужих» и «искусственных» субъектов стало драйвером к развитию кибернетической и акселерационистской гипотез, которые, в свою очередь, заменили классическую этическую парадигму, основанную на гуманизме.

Современные концептуальные течения в философии (транс- и постгуманизм, киберфеминизм и др.) являются триггером для постантропоцентрического взгляда на многие этические проблемы. Подобный процесс также имеет свою проблематику, границы которой могут быть обозначены следующими пунктами: коллективная интенциональность субъектов как один из путей к новой морали, усталость от «ускользания реальности» и этические проблемы нового материализма, а также актуальность бессубъектных онтологий в контексте пересмотра современной аксиологии.

Можно наблюдать рост академических исследований, посвящённых постгуманизму и, в частности, постгуманистической этике. Вместе с этим вопрос о человеке в

мире нечеловеческих агентов имеет и практическую составляющую. Как говорит об Н. Бостром, у нас уже есть опыт общения с людьми, радикально изменившими своё тело, но этот опыт не может быть обозначен в категориях толерантности – скорее, наоборот. В то же время поднимается вопрос и об этических основаниях поведения искусственного интеллекта.

Таким образом, можно увидеть, что исследование постгуманистической этики в контексте новейших технологий находится ещё на этапе постановки вопросов, однако уже сейчас видны почти все перспективы данного направления, а сам постгуманизм как философский концепт становится в полной мере конгруэнтен проблемам современного общества.

Оводова Светлана Николаевна

кандидат философских наук, доцент
заведующий Научно-исследовательской лабораторией
социальных и институциональных исследований

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

ЭТИКА МЕТАМОДЕРНИЗМА И ДЕКОЛОНИАЛИЗМА

Грант Президента РФ №1512.2020.6 «Влияние эстетических и этических установок метамодернизма на современные философские концепции культуры»

Метамодернизм – одновременно феномен культуры и концепция культуры, находящиеся в становлении. Однако метамодернизм уже оказывает значительное влияние на современное искусство, медиадискурс и т.п., что сопровождается трансформацией этических и эстетических взглядов современного человека. В метамодернизме проводится анализ психологического состояния сознания в атмосфере изменений «правил игры» и принятия сущности человека. Идея «новой искренности», концепция «изменений правил игры», порождённые и культивированные теоретиками метамодернизма Р. ван дер Аккером и Т. Вермюленом, позволяют отнести к объекту исследования как единице принципиально новых социальных условий. Метамодернизм связан не только со сферой искусства, но и проявляется как интеллектуальная практика (что по нашему мнению инициирует трансформацию этических оснований анализа), влияет на медиадискурс (где начинает актуализироваться концепция новой искренности). В концепции метамодернизма заметны пересечения с деколониальным дискурсом, что проявляется в отказе от однозначных этических оценок культурных явлений и в критике западноевропейской модели науки. Представители decolonial turn говорят о различии колониализма как исторического факта и колониальности как схем мышления, продолжающих воспроизводить доминирование и подчинение в культуре. Несмотря на то, что колониализм как факт остался в прошлом, тем не менее, властные механизмы угнетения продолжают действовать. Представители decolonial option критикуют postcolonial studies за то, что те обозначили проблему угнетения и доминирования, но для описания этой проблемы используют западные интеллектуальные образцы. Деколониальный поворот ставит вопрос о категориях восприятия культурной реальности, акцентируя внимание на том, что привычные теоретику культуры понятия и категории, в большинстве порождены западной наукой (М. Глостанова). Деколониальный дискурс позволяет зафиксировать в культуре не только гибридность, но и транзитность, т. е. не только процессы формирования культуры на стыке двух самодостаточных культур, но и процессы расшатывания привычных категорий, осуществляющиеся между глобальным современным знанием и локальностью. Развивая идею дисциплинарной близости деколониальной оптики и метамодернистского подхода к осмыслению реальности, мы идентифицируем принципиально новые участки дискурсивных про-

странств. Совпадение отдельных положений метамодернистского и деколонизального дискурсов демонстрирует наличие в культуре процессов трансформации этических установок, отражаемых в разных теориях. Произшедшие изменения в социокультурной реальности начала XXI в. породили запрос на новый тип этики и эстетики. На появление метамодернизма оказали влияние глобальные террористические угрозы, критика капитализма, экологические катастрофы, – все эти проблемы в равной степени порождают со стороны метамодернистов как критику модерна, так и критику постмодерна, что выражается в одновременном отказе и принятии этих (модернистской и постмодернистской) тенденций в культуре. Метамодернистский и деколонизальный подходы позволяют обратиться к слепым зонам в культурах, давая возможность зафиксировать интеллектуальные «не-места», ускользающие от западной теории, но еще не схваченные в иных категориях. Проблематизация такого подхода видится нам в отказе представителей метамодернизма от великих целей модерна, от однозначных и жестких этических и эстетических суждений. Однако в противовес постмодерну метамодернизм фиксирует возрождение искренности и интереса к универсальным истинам. В рамках метамодернизма соединяются искренность модерна и ирония постмодерна, что порождает специфическую чувственность метамодернизма. В отечественной практике академическое теоретическое осмысление феномена метамодернизма еще не состоялось в полной мере. Критический настрой исследователей по отношению к данному культурному феномену детерминирован как его процессом становления и развития, так и неоднозначным исследовательским подходом, заключающимся в колебании между разнообразными системами ценностей.

Овчинникова Елена Анатольевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦЕННОСТИ И ОЦЕНКА В ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

РФФИ №8-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

В современных этических исследованиях этическая экспертиза представляется достаточно дискуссионной проблемой, в рамках которой формируется ряд не только практических, прикладных вопросов, но, прежде всего теоретических задач, обращенных к прикладным этическим исследованиям. Одной из таких задач нам видится проблема ценности и оценки в этической экспертизе. Эта тема не нова для этической мысли, но актуализируется она в связи с необходимостью рефлексии уже существующего опыта этических экспертиз в разных областях человеческой деятельности. Особый интерес эта проблема вызывает в контексте междисциплинарных подходов и методологий, как, например, в исследованиях современных лингвистов (работах Арутюновой Н.Д., в коллективном исследовании «Категория оценки и система ценностей в языке и культуре.» М., 2015), в современной гуманитаристике, апеллирующей не столько к этической, сколько более широко, гуманитарной экспертизе. В оценке всегда присутствует проблема обоснования, раскрытия ее содержания, соотнесения оцениваемого предмета/ явления с идеалом/ образцом/ стереотипом/ нормой /ценностью. Эти очевидные теоретические положения актуализируются в связи с запросом на этическую экспертизу, экспертную оценку.

Не стремясь раскрыть все многообразие подходов и концепций, хотелось бы наметить ряд теоретических проблем, которые нуждаются в обсуждении применительно к этической экспертизе.

Одна из проблем видится в методологическом основании экспертной оценки – как возможно в экспертном суждении сочетание субъективизма эксперта и универсально-

го характера предметного поля моральной оценки, апелляция к объективно значимым моральным ценностям (в этом контексте вспоминается проблема фундаментальной неоднородности морали, сформулированная О.Г. Дробницким в работе «Понятие морали»). Другая проблема – это вопрос, обращенный к ценностному основанию оценки – как возможна оценка в этической экспертизе в ситуации многообразия ценностных систем, в ситуации «моральной неопределенности», ценностной релятивности.

И еще одна проблема возникает при анализе этической экспертизы в контексте поставленной задачи. Оценочное суждение в экспертизе позволяет выявить, обнаружить в предметном поле оценки моральные ценности, характеризующие современное состояние общества, общественную мораль. Однако, для этической экспертизы важно, на наш взгляд, не только обнаружение, описание ценностной составляющей предмета оценки, но и возможность практического воздействия на общественную мораль, моральное сознание общества. В таком случае, задача экспертизы, ее смысл и назначение – моральная оценка, в которой обосновывается, утверждается моральная ценность. Этот вопрос заставляет задуматься о месте этической экспертизы, ее назначении в современном обществе.

Ольшанская Татьяна Дмитриевна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТЫ «ЧЕСТЬ» И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ОМЕРТЫ

Институция мафии, которой нередко приписывают немотивированную жестокость как по отношению к членам «семьи», так и по отношению к людям, в этот круг не включенным, фактически базируется на идеологической основе. Все ее качественные характеристики (как фактические, так и мнимые), обычаи и практики, в т.ч. практика насилия, имеют под собой конкретное обоснование, закрепленное в кодексе чести. Кодекс чести – собственно, омерта (с итальянского языка «omertà» обыкновенно переводится как «круговая порука»), – служит в качестве строгого регламента, определяющего нормы поведения мафиози, универсальные и потому обязательные для исполнения каждым участником институции, независимо от положения во внутренней его иерархии.

К основным из центральных концептов Омерты с наибольшей очевидностью можно отнести «честь» и «справедливость», с опорой на которые формируются аксиологические координаты данной организации. И то, и другое понятия в контексте омерты приобретают дополнительные коннотативные значения. Например, в попытках произвести самоидентификацию мафиози достаточно часто именуется себя не иначе как «человек чести», что явственно подразумевает опору на этические установки морали и совести и следование им. Закономерен вопрос о том, в какой степени эти установки, значительно трансформированные, коррелируют с принятыми в дискурсе современной этики.

В дискурсе «мафиозном» категории «честь» и «справедливость» обозначают в первую очередь соблюдение кодекса, предполагающее главным образом слепое исполнение приказов, подчинение вышестоящим мафиози, а также превознесение интересов институции («семьи») над собственными. Таким образом, человеком чести называется тот, кто неотступно следует программе организации, готов к исполнению любых поручений и идеалистически верит «делу» мафии, не предполагая наличия альтернативы. Словосочетание «человек чести», ставшее фразеологическим, впервые расширило коннотативное поле, включив в него такие полярные атрибуты как честность, преданность, послушание и при этом жестокость, бесчеловечность, преступность.

Как и в случае с религией, отступление от догм мафии влечет за собой серьезные последствия, которые целесообразно рассматривать в контексте концепта «справедливости». Система поощрений за добросовестное соблюдение кодекса чести не предусмотрена, однако выстроена предельно четкая пенитенциарная система.

Четкий регламент, определяющий мафию как предельно структурную организацию, предоставляет широкое поле для ее романтизации. Италия как родина данного феномена, на момент его зарождения и развития не отличалась сильной внутренней политической организацией. Как следствие, именно «честь» и «справедливость», понятия о которых среди мафиози и народа не были тождественны, однако мыслились таковыми, позволили культуре сконструировать образ мафиози-романтика, существующий вплоть до современности.

Перова Нина Вадимовна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ РИСКИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЕВГЕНИКИ

Либеральная евгеника является новым этапом развития методов и технологий улучшения человека. Она основывается на принципах репродуктивной свободы и плюрализма. В отличие от авторитарной, или классической, евгеники, активно развивавшей в конце 19 – начале 20 веков, либеральная опирается исключительно на результаты исследований и использует экспериментально проверенные методики. Помимо изначально заложенного проекта физического улучшения, в последнее время сторонники либеральной евгеники интересуются возможностью нравственного улучшения человека.

В контексте либеральной евгеники наибольшее затруднение связано с установлением неких границ ее использования. Отсутствие каких-либо ограничений может привести к использованию пренатального скрининга с корыстными целями, просто «для веселья» или, даже если с наилучшими намерениями со стороны родителей, к значительному ухудшению качества жизни ребёнка. Возникает проблема «генетического супермаркета», где люди могут выбрать абсолютно любые качества для своего ребёнка, будь то положительные или отрицательные. При этом отсутствие регулирования может привести к усилению дискриминации и увеличению социального расслоения.

Ряд ученых говорят об использовании либеральной евгеники в контексте нравственного долга обеспечивать наилучшую жизнь своему потомству. Здесь появляются вопросы, связанные со свободным выбором, а также уточнением границ этого самого долга. Что именно обязаны делать родители? Какие качества они должны выбирать своим детям? А если именно «должны», то что отличает либеральную евгенику от классической? В контексте нравственного долга зачастую идет речь о неких «общепринятых» хороших нравственных качествах, которые следует выбирать абсолютно всем детям. На каком основании определяется их «хорошесть»? Почему, даже если большинство признают полезность некоторых качеств, таких как, например, альтруизм или сострадание, эти качества необходимо выбирать для всех?

Большие сомнения вызывает безопасность использования технологий генной модификации, особенно в контексте нравственного усовершенствования. Каким образом эмбриональные изменения проявят себя через 10-15-20 лет после рождения? Исследований на эту тему нет. Да и в целом, экспериментальное использование пренатальной генной инженерии связано с большим количеством юридических ограничений, преодоление которых пока не представляется возможным.

Новая евгеника изменяет характер отношений между родителями и детьми. Дети, выбранные как «по каталогу» и рождение которых является предоставляемой услугой, становятся в некотором смысле товаром. При этом отношения между родителями и детьми нельзя строить по принципу покупатель-товар. Особую актуальность данная проблема получает именно в контексте нравственного усовершенствования, где развитие и изменение нравственных представлений человека может вызвать особое напряжение, в связи с недовольством «покупателей» их «товаром».

Петрушихина Анастасия Константиновна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДЫ НА ОСНОВЕ НРАВСТВЕННОСТИ И РАЦИО. ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ИДЕЙ К.Э.ЦИОЛКОВСКОГО

К. Э. Циолковский (1857-1935) — ученый, изобретатель и автор собственной космической философской теории. В своих работах Циолковский стремился показать взаимозависимость Человека и Космоса. Учёный предвидел угрозы экологической катастрофы, демографической проблемы, космические катаклизмы, истощение сырьевых ресурсов. Он подчеркивал, что человек не является центром мироздания, а будучи носителем Разума, несет нравственную ответственность за свою деятельность по отношению к окружающей природе, самому себе и космосу.

К. Э. Циолковский был одним из первых, кто обратился к космизации этики. Как отмечает П.И.Леонтьев, освоение космоса ученый рассматривал «как путь совершенства этики человечества, его нравственности». Выход в Космос для Циолковского означал не только практическое освоение космического пространства, но и становился инструментом для объединения людей во имя достижения высокой цели, которая заключалась в устранении всяких страданий, становлении человека более разумным, совершенным в духовно-нравственном отношении, и достижении бессмертия и вечности человеческого существования.

Проблемы космической этики получили свое развитие в работах американского астронома Х.Шепли, французского физика Ж.Шарона, одного из руководителей Национального научного фонда США Х.Стивера. Ж.Шарон говорит о «космическом гуманизме»; Х.Шепли подчеркивает необходимость интеллектуального и духовного роста в противовес количественному развитию.

В 1970-е годы идеи Циолковского вновь стали востребованными в связи с экологической проблематикой. Философ А.П. Огурцов включает экологизм, в качестве конститутивного принципа космизма, в философское понятие внутримирового феномена. Последнее заключается в ориентации на постижение многообразия и увеличение многообразия природных экосистем. Экологическая проблематика была обострена не только нарастающим загрязнением окружающей среды, но и угрозой ядерной войны. В те годы видные отечественные ученые и писатели обращаются к философии и идеям русских космистов (например, физик Н.Н. Моисеев). По мысли А.П. Огурцова, при обострении экологической угрозы и связанной с ней жизнью человека актуализировался «первый принцип философии космизма – принцип единства человека и Космоса, макрокосма и микрокосма, антропокосмизм».

Начавшееся с середины XX века освоение космического пространства оказалось включено не только в сферу науки, но и стало предметом коммерческих и военных интересов. Прекращение космической гонки в её прежних формах, тенденция к многополярности, межкультурному диалогу основана на принципах, схожих с идеями Циолковского. Возникшие ранее экологические проблемы привели к тому, что в на-

стоящее время ведутся дискуссии о создании экологической этической парадигмы для космической деятельности. Например, комитет по Исследованию Космоса (COSPAR) и организация Планетной Защиты (Planetary Protection policy) разработали положения о защите внеземной среды от загрязнителей с Земли и защите самой Земли от загрязнения и инопланетных микроорганизмов. Однако на данный момент они не являются общепринятыми.

Нравственные и рациональные основания в деятельности человека вытесняются менее совершенными политическими и экономическими интересами. Принципиальность взаимовлияния и двунаправленная зависимость человека и Вселенной продолжают актуализироваться в моменты преобразования природы, близкие к критическим последствиям.

Поденков Андрей Олегович
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОСОЗНАННАЯ ПОЗИЦИЯ. ПОРТРЕТ ОТВЕТСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Философская энциклопедия, определяет ответственность как «понятие, отражающее объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований»[1]. Ответственность представляет собой осознанный подход к своим действиям, принятие возможных последствий.

Одной из возможных трактовок концепта ответственности является рассмотрение его как результата эволюции человека. Биологический вид, мотивируемый витальной необходимостью сохранения и увеличения потомства, создает и генетически закрепляет правильные родительские поведенческие модели. Возможно, сформировавшись именно в этом ключе, это качество претерпело позитивную трансформацию и обрело более важные функции. Например, честное исполнение своих обязательств, укрепляющее общественные связи. Ответственность в данном примере порождает доверие – основополагающий параметр восприятия человека как потенциально близкого.

Определим источники и этапы становления ответственности. Прежде всего, это семья, что подчеркивается в статье «Воспитание ответственности с точки зрения педагогики и психологии» К.В. Косарев[2]. Она закладывается на этапе воспитания и является результатом правильного подхода к нему, то есть предоставление разумной самостоятельности ребёнку и воспроизведение родителями адекватной реакции при неоправданных ожиданиях, так как реакции родителей кажутся ребёнку «естественными и правильными»[2] примерами для подражания. На более поздних этапах влиянием на становление ответственности обладает социум, к которому человек постепенно приобщается посредством социальных контактов и на основе более удачных реакций создает своей поведенческий репертуар [2]. В дальнейшей жизни большую роль будет играть и персональное принятие, признание ответственности на более высоком уровне, которое происходит за счёт полноценного самоанализа, регулярной рефлексии, скрупулёзной проработки специальной литературы – самовоспитания.

Однако даже при наличии всех указанных стадий и предпосылок, полноценное формирование крайне остается сложнейшим процессом, зачастую «дающим сбои». Аппарат ответственности оказывается недоразвит. Ошибки в его становлении являются одной из причин бессознательной жизни и проявляются в двух основных формах: принятие чужой ответственности и избегание своей. Избегание реализуется в стремлении ухода от ответственности посредством её переноса на другого человека,

оправдания за счет непреодолимых обстоятельств, а принятие чужой – это возложение ответственности на себя не только за свои действия, но и за поступки других людей в поисках, нередко в поисках общественного одобрения.

Таким образом, портрет ответственного человека, прошедшего все указанные этапы развития, включает осознание настоящего, принятие того факта, что жизнь протекает в реальном времени и каждый поступок, будь то действие или бездействие, чреват результатом, на который мы не можем влиять полностью. Этот человек постоянно работает над собой, эмпатически воспринимает окружающий мир и твердо следует своим убеждениям.

Литература:

1. Философский энциклопедический словарь. М., 2001.
2. Косарев Кирилл Викторович Воспитание ответственности с точки зрения педагогики// Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. №3 (3). С. 33-41.

Положенцев Андрей Михайлович
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА: МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФЛЕКСИИ

Убийство как факт с одной стороны предельно прозрачно и юридически определено, однако, с другой стороны, существуют определенные аспекты, которые оставляют его за рамками традиционных форм социальной рефлексии. Убийство по определению нечто абсолютно ужасное и невозможное для разумного существа, и изучение его не должно приобретать нежелательные формы, так как может спровоцировать включение некоторых механизмов, которые надежно подавлены современной культурой, и активировать которые просто опасно.

Мы начнем не с самого убийства, а с причин социального табуирования рефлексии об этом предмете. Примечателен скрытый запрет на оправдание и исследование убийства. Преступник видится нам как некая противоположность культуре, как стихия, которую необходимо усмирить или уничтожить, как не-человек. Наша классификация мира впадает здесь в противоречие, и это противоречие начинает определять правовые и моральные дилеммы, в которые мы оказываемся вовлечены. Убийца своими действиями поставил себя по ту сторону человека, но мы вынуждены продолжать видеть в нем человека. Однако за этим подходом часто можно рассмотреть определенного рода агрессивность по отношению к преступникам, психология делает успешные попытки по их дегуманизации, они представляются большими, убогими в социальном плане, аутичными, ненормальными, психопатами и пр. Убийц принуждают к норме, а норма – понятие репрессивное.

С точки зрения метода в случае убийства мы имеем дело с воображаемой субстанцией, даже когда дело идет о реальных убийствах. Данный вид опыта нельзя передать. Жертва уже ничего не сможет сказать, а убийце не дается никакого иного слова, кроме раскаяния. То есть – саму процедуру убийства окружает молчание. Молчит не только жертва, молчит и преступник. Убийце нечего сказать, по крайней мере, в современной культуре. Он стигматизирован, его положение навсегда унижено. Убийство «герметично» и со стороны жертвы (нам не хочется) и со стороны убийцы (мы так никогда не сделаем). Этот акт является настоящей «черной дырой» для рефлексии. Убийство действительно вытесняется из сознания, остается за границами мыслимого.

Если мы взглянем на «прагматику» убийства, мы найдем множество его форм, которые не считаются ненормальными и даже незаконными. Однако эти конвенциональные практики (А.Я. Флиер) лишь паразитируют на некоей склонности. На фоне биомедицинских, психологических и антропологических исследований (Лоренц, Фромм, Жирар, Дж. Шоу) удивительна не патологическая страсть человека к убийству, а наша противоположная черта – попытка построить социальную жизнь без совершения этого деяния, и даже на чем-то противоположном ему – на любви, уважении, заботе. Ведь не только социальные репрессии нас сдерживают, в большей части это выбор нашей воли. Мы – «люди добрые», а такие не убивают. Но это «понятие» уже не биологическое, а нравственное. И нет плохих людей, если они мыслят, если они ставят себе цели. Даже если они замыслиют зло, они полагают, что для определенной части человечества, зачастую и для самой их жертвы, их поступок будет благом.

Наша воспитательная и социальная система переоценивает возможности личной ответственности и переполнена презумпциями о том, что человек способен контролировать свою активность с помощью сознательных ограничений. Я бы вспомнил в этой связи понятие ressentiment, введенное Ницше, но в интерпретации Макса Шелера. Рессентиментальность – не врожденная человеку черта характера, а результат действия в современных культурах определенных репрессивных социально-политических практик. Вместо желаемой высокой ответственности они порождают чувство бессилия и вины, которые зачастую реализуются через неуправляемую агрессию. Может статься, что вытеснение убийства, постулирование его принципиальной невозможности и является основным его источником.

Полякова Наталья Валерьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ВАТИКАН В УСЛОВИЯХ COVID-19:

НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ОПН №20-011-31077 «Этнополитические процессы в современном мире: постсоветский контекст»

В последнее время многие религиозные институты вынуждены были сформировать и озвучить собственную позицию относительно тех вызовов, в т.ч. и этических, которые возникли перед человеческим сообществом в условиях пандемии COVID-19. Католическая церковь, стремясь ответить на данные вызовы, активно включилась в этот процесс буквально с первых месяцев распространения коронавируса, предлагая собственное религиозно-этическое видение сложившейся ситуации.

Уже с первых дней папа Франциск посвятил свои проповеди, проходившие с марта 2020 г. в формате он-лайн, а также свое пасхальное обращение «Граду и миру» разным аспектам пандемического кризиса: подвигу врачей и медперсонала, страданиям заразившихся, переживаниям людей, близкие которых скончались от инфекции, а также задачам правительств и политических лидеров, вынужденных принимать сложные и зачастую непопулярные решения.

Основной акцент в выступлениях как большинства высокопоставленных лиц Ватикана, так и в опубликованных по этой теме официальных документах был сделан на идее утверждения всеобщего братства и солидарности в условиях пандемии, которая обнажила ранее не очевидную для большинства «хрупкость» нашего мира (см.: «Пандемия и всеобщее братство» от 30 марта 2020 г.). В опубликованном 22 июля 2020 г. Папской Академией жизни документе «Humana communitas в эпоху пандемии» были обозначены три ключевых установки, определившие стратегию католической церкви

в условиях пандемии: развитие этического подхода к оценкам риска посредством выработки «этики риска», подразумевающей конкретные обязанности по отношению к людям, здоровье, жизнь и достоинство которых подвергаются наибольшему риску; международное сотрудничество в вопросах обеспечения доступа «к качественному медицинскому обслуживанию и базовым лекарственным средствам»; поощрение ответственной солидарности, основанной на равном достоинстве всех людей.

В своем недавнем выступлении на онлайн-сессии Генеральной Ассамблеи ООН Папа Римский Франциск, выбрав тему пандемии COVID-19 в качестве основы для своей речи, обратил внимание на тот факт, что современный мир стоит сегодня перед выбором между двумя альтернативными путями развития, имеющими явно выраженную этическую окраску. Это либо мультилатерализм как выражение обновленного чувства глобальной совместной ответственности, либо национализм и протекционизм как безответственная практика коллективного индивидуализма и эгоизма, разрушительная для человечества. В целом, Ватикан рассматривает пандемию как время для переосмысления прежнего опыта человеческого существования с точки зрения пределов самодостаточности и всеобщей уязвимости, как время «выбора того, что действительно имеет значение». Согласно официальному дискурсу Католической Церкви, солидарность, основанная на справедливости, глобальная ответственность и мировторчество – вот те принципы, которые могут стать опорой для выхода человечества из ситуации «ковидного» кризиса и человеческого сосуществования в будущем.

Прокофьев Андрей Вячеславович

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

ОБОСНОВАНИЕ ОСОБЫХ ДОЗВОЛЕНИЙ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: ПОДХОДЫ И ТРУДНОСТИ

Особые дозволения и обязанности и представляют собой серьезную проблему для нормативной этики. Они являются результатом уникального жизненного нарратива, который превращает одних людей в более близких для деятеля, чем другие. Различная удаленность тех, чьи интересы затрагивает его поведение, может определяться личной симпатией, родством, общей принадлежностью к культурным, территориальным, политическим сообществам. Если предположить, что особые дозволения и обязанности морально обоснованы, то под вопрос попадает фундаментальное для морали требование: «Беспристрастно относись ко всем людям как обладателям равной внутренней ценности». Общераспространенные моральные убеждения предполагают, что предпочтения близким людям допустимы и в некоторых случаях являются долгом (обязанностью). Психологические исследования подтверждают этот факт. Именно поэтому этическая мысль пытается снять противоречие между универсальным и партикулярным содержанием морали. Существует три подхода, претендующих на решение этой задачи. Первый снижает требовательность долга перед любыми людьми и рассматривает особые обязанности в качестве договорных. Второй усматривает в особых обязанностях прямое ситуативное выражение общих. Третий связывает обоснованность особых дозволений и обязанностей с их ролью для функционирования общества полезных институтов (семьи, государства и проч.) Однако все эти подходы наталкиваются на феноменологическое возражение. В моральном опыте признание предпочтений в отношении близких людей допустимыми, равно как и признание нормативной силы особых обязанностей, не опосредствовано доводами, восходящими к беспристрастному отношению к каждому человеку или общему благу. Близкие люди (супруги, дети, родители, друзья и т.д.) ожидают от деятеля непосредствен-

ной и безусловной верности. Таким образом, эти подходы, пользуясь словами Бернарда Уильямса, вмещают деятеля «одну лишнюю мысль». Существуют четыре этических концепции, которые пытаются сохранить феноменологическую точность в этом вопросе: концепция, связывающая партикулярное содержание морали с полной и добродетельной жизнью деятеля, концепция внутренней ценности базовых индивидуальных проектов, концепция внутренней ценности близких отношений, концепция внутренней ценности самих близких людей. Их анализ показывает, что ни одна из них не может снять противоречие между универсальным и партикулярным содержанием морали. Это позволяет говорить о теоретическом тупике, который мог бы быть преодолен только в том случае, если феноменологическое возражение оказалось бы менее значимым для этики, чем это представлялось Бернарду Уильямсу.

Пронских Виталий Станиславович

кандидат философских наук; кандидат физико-математических наук

Национальная ускорительная лаборатория им. Э.Ферми, научный сотрудник

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ:

ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Проблемы прикладной этики тесно примыкают к междисциплинарной области, называемой социальной оценкой техники, и более непосредственно относятся к сфере философии техники. Основу социальной оценки техники, развивающейся в Европе и США, составляет анализ политико-экономических, социально-психологических, социокультурных и этических аспектов развития техники и технологий, а также их создания и внедрения. Исследования в области прикладной этики составляют необходимые предпосылки для подобной социальной оценки. В докладе будут обсуждаться этические проблемы, возникающие в ходе развития ядерных технологий, и сопутствующие вопросы радиационной безопасности, а также этические дилеммы и их возможные решения. Реконструированы соответствующие дискуссии, ведущиеся, в первую очередь, в зарубежной литературе и обсуждена их специфика в отношении переноса в российские условия. Рассмотрены этические дилеммы, связанные с исчерпанием запасов урановых ресурсов, обращением с ядерными отходами, рисками для настоящего и будущих поколений. Оценивая допустимость доз облучения как для сотрудников объектов ядерной энергетики, так и населения регионов, где строятся атомные электростанции или располагаются хранилища ядерных отходов, на практике опираются на комбинацию деонтологического подхода (минимизацию дозы для индивида) и утилитаристского (минимизацию дозы для группы). Среди выходящих на первый план проблем меж- и внутрипоколенческая справедливость и проблема идентичности будущих поколений; проблемы коллективности и индивидуальности в оценке допустимых радиационных доз для работников ядерных предприятий и населения. Показывается, что неоднозначности в выборе технологий ядерных реакторов (и ядерно-топливного цикла), выборе между длительным захоронением или переработкой ядерных отходов, подходах к гендерным аспектам коррелируют с культурными различиями. Любые радикальные изменения в технологиях, включая добычу сырья и способы производства энергии и обращения с ядерными отходами, могут повлечь за собой последствия на больших временных масштабах и напрямую связаны с проблемой идентичности населения. Одно из представляющихся важными наблюдений состоит в том, что в разных культурах преобладают различные представления о том, какие поколения населения заслуживают большей защиты от рисков: если в России развиваются технологии быстрых реакторов и рециклирование ядерных отходов, потенциально снижающие риски для отдаленных поколений за счет более снижения

безопасности для нынешнего (в силу более высокой рискованности подобных технологий), то в большинстве остальных стран мира предпочтение отдается открытому ядерному циклу, то есть захоронению ядерных отходов с минимальной переработкой. Нам представляется, что объем таких дискуссии в российской философской литературе весьма незначителен, притом что уровень развития ядерной энергетики в стране и мире требует анализа потенциальных рисков, которые эти технологии несут нынешнему и будущим поколениям. Подчеркивается приоритетность социогуманитарного обсуждения этических проблем ядерных технологий и радиационной безопасности.

Пряничников Никита Олегович
магистрант, 1 курс

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
**КОГНИТИВНАЯ СВОБОДА КАК РАСШИРЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ
МЫСЛИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОЭТИКИ**

Исследуя когнитивную свободу – один из интереснейших аспектов современной нейроэтики – следует, в первую очередь, отметить её связь с классической проблемой свободы воли, а также со свободой мысли и совести как фундаментальным правом человека. Проблема свободы воли, как известно, является одной из древнейших во всей истории человеческой мысли, и всегда оказывала сильнейшее влияние на этику, поскольку напрямую связана с вопросом об ответственности человека за свои поступки. Великое множество вариантов решения проблемы свободы воли было предложено на протяжении истории, однако к объективному знанию о свободе воли человечество почти вовсе не приблизилось. Даже наука в этой области пока даёт больше вопросов, чем ответов (достаточно вспомнить хотя бы эксперимент Либета). Однако, в Новое и Новейшее время в западной философской традиции постепенно сформировалась концепция свободы мысли и совести как фундаментального, незыблемого права каждого человека. После Второй Мировой войны данная концепция окончательно перестала быть отвлечённым этическим суждением, поскольку была закреплена в важнейших международно – правовых актах (статья 18 Всеобщей декларации прав человека, статья 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также в конституциях большинства государств мира. Можно сказать, что человек, не имея полных достоверных данных о биологической стороне свободы или несвободы собственной воли, не имея этой важнейшей экзистенциальной точки опоры, приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить хотя бы социальные условия для такой свободы, сделав ограничение свободы мысли и совести своего ближнего преступлением.

Такой сдвиг в общественном сознании, безусловно, можно назвать великим достижением человечества, на котором и сегодня базируется наша социальная жизнь, однако уже в конце XX – начале XXI века для некоторых специалистов в области нейроэтики стало очевидным, что концепция свободы мысли нуждается в дополнении и расширении. Так появилась концепция когнитивной свободы, предложенная нейроэтиком Сентенцией Рай и юристом Ричардом Гленом Буаром в 1999 – 2004 годах, которая развивается многими другими исследователями сегодня.

Бурное развитие фармацевтики, а также электронных систем, так или иначе связанных с человеческим мозгом и человеческим сознанием, отслеживающих функционирование мозга, ставит перед человечеством вопросы более тонкого характера, нежели вопрос о свободе мысли. Насколько человек свободен в изменении собственного сознания, в том, чтобы испытывать различные состояния сознания? Должно ли общество ограничивать эту свободу, и если да, то каковы пределы такого ограничения? В сущности, эти вопросы уходят корнями в работы таких известных исследователей

изменённых состояний сознания, как Тимоти Лири и Терренс Маккена. Несмотря на высокую актуальность для современного общества, когнитивная свобода пока остаётся лишь предметом философской и научной дискуссии, поскольку не закреплена ни в одном правовом акте какого – либо государства или международной организации. Особый интерес вызывает фармакологический аспект когнитивной свободы. На сегодняшний день человеку доступно огромное количество фармакологических средств, ускоряющих мышление или увеличивающих способности мозга к запоминанию информации – стимуляторов и ноотропов. И если в спорте вопрос с допингом уже давно решён путём жёсткого его запрета, то бизнес – сообщество или научное сообщество пока не достигли консенсуса на этот счёт в своей сфере. Допустимо ли использование подобных веществ в этих областях, и если да, то до какой степени, каким образом следует регулировать их использование? Представляется, что без деятельного рассмотрения и решения этих вопросов развитие науки, промышленности и общественной мысли может серьёзно замедлиться.

Разин Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой этики

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВОЕ ОБЩЕСТВО

РНФ №19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико- нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации»

Известно, что с развитием технологий менялась социальная организация общества. Когда стал неэффективен рабский труд, возникло феодальное общество, которое тоже развивалось вместе с развитием технологий. В частности, технологическая революция X в. привела сначала к возрастанию независимости отдельных социальных единиц, развитию рыцарства, затем возникновению вассалитета. Но уже в XIII в. когда появилась возможность собирать налоги в денежной форме, началось освобождение крестьянства от крепостной зависимости. Одновременно с этим стали возникать централизованные государства, абсолютные монархии. Возникновение мануфактурного производства, а затем – промышленная революция привели к возникновению капитализма.

Капитализм создал систему новых стимулов труда, как для непосредственных производителей, так и для капиталистов, организующих систему производства в целом. Однако в традиционном капитализме XVII – XIX веков собственник средств производства фактически рисковал всем своим имуществом за принимаемые им бизнес решения. Он мог полностью разориться, стать нищим и даже бездомным. В современном капитализме предприятиями управляют советы директоров, профессиональные менеджеры. Они принимают коллективные решения, пользуются при этом уже достаточно хорошо разработанной наукой управления, но даже если какое-то предприятие разоряется, его высшее руководство все равно сохраняет свою собственность в виде привилегированных акций, государственных облигаций, недвижимости и т.д. Т.е. они фактически мало чем рискуют. С одной стороны это выглядит гуманно, может рассматриваться как защита интересов собственника, но с другой стороны, очевидно, что это снижает традиционные стимулы развития капиталистической экономики.

В то же время ясно, что если само управление бизнесом становится наукой и осуществляется коллективно, оно вполне может осуществляться и в интересах всего общества.

Анализируя современные тенденции развития капитала можно обратить внимание на его социализацию. Это многосторонний процесс, проявляющий себя в распылении акций, в появлении предприятий, коллективными собственниками которых являются рабочие, увеличение размеров государственной собственности. Можно по-разному оценивать эти процессы, но совершенно ясно что возникновение новой социальной организации общества уже началось.

Сейчас развитие новых технологий осуществляется в основном не крупными монополиями, а малыми предприятиями и так называемыми венчурными фирмами. Это представляет собой стихийный процесс и сдерживает темпы научно-технического прогресса.

Для ускорения темпов научно технического прогресса необходимо создать систему мощные инновационных фирм, в которых будут сочетаться фундаментальные и прикладные разработки, создаваться временные научные коллектив (под разработку некоторой идеи) осуществляться параллельные разработки. Работа будет осуществляться через систему банков, работающий под контролем государства и предоставляющих под научные разработки льготные кредиты. Возвращение кредитов будет свидетельствовать об эффективности разработок и должно влиять на систему поощрений участникам проекта.

Экономическая система, соединяющая свободный рынок, сеть коммерческих банков (с государственным участием) и предприятий с инновационными фирмами сможет сохранить влияние государства на развитие производства и в то же время – избежать таких нежелательных явлений, как двойной счет или наращивание производства ненужных вещей, потому что в ней сохраняется роль рынка как конечной контрольной инстанции. Преимущество такой системы также заключается в возможности постепенной трансформации общества в сторону увеличения элемента планового развития производства, исключая какие-либо социальные революции, связанные с экспроприацией собственности. На наш взгляд, именно желание построить такую систему может на современном этапе объединить интересы разных социальных сил, вернуть утраченную нашим обществом перспективу прогрессивного исторического развития.

Робин Иван Леонидович

обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

АКТУАЛЬНОСТЬ ЭТИКО-КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Начало XXI века сопровождалось ростом гражданской активности во всем мире. Текущий год не стал исключением: массовые беспорядки во Франции, США и Гонконге, стихийные протесты в Хабаровске и Стерлитамаке, наконец, всплеск гражданского сопротивления в Белоруссии. Какие-то из них носят мирный характер, какие-то сопровождаются столкновением с полицией, но объединяет их одно: в условиях, когда некая социальная группа не верит в перспективность традиционных форм участия в политике, массовый протест становится в ее глазах не только наиболее действенной, но и оправданной формой отстаивания своих прав.

Попытки применить к ним этический анализ выделяют следующую группу вопросов:

Насколько оправданны такие действия с точки зрения конечного результата, а именно: стоило ли предпринимать усилия в тех случаях, когда достижение целей либо сопровождалось неоправданно большими затратами (и даже жертвами), либо вовсе не увенчалось успехом?

Насколько оправданно представление о своей исключительной правоте и о нравственной порочности противоположной стороны (от государства в целом до конкретных представителей органов правопорядка), разделение по которым сопровождают как лозунги протестующих, так и общественную дискуссию вплоть до социального раскола?

Допустимо ли применение силы протестующими, если она осознается ими не как нарушение правопорядка, а как самозащита от произвола властей, и если да, то в каких конкретных случаях, а также в какой форме и размере?

Как соотносится чувство гражданской ответственности протестующих по отношению к идеалам, которые они преследуют во имя общих целей, и их личная ответственность по отношению к родным и близким, благополучие которых может прямо или косвенно пострадать из-за их деятельности?

Наконец, по каким критериям можно обозначить точку этической бифуркации в самосознании сотрудников полиции, которые руководствуются, с одной стороны, присягой и выполнением долга, а с другой – своим нравственным чувством? И каковы в этой ситуации могут быть этические регулятивы в разрешении подобного внутреннего конфликта?

В настоящее время эти вопросы находят свое всестороннее освещение в научной литературе, но, как правило, они не выходят за пределы правовых, политологических, психологических и социологических исследований. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть их под углом зрения прикладной этики и конфликтологии, что позволит придать им более интегративное измерение и разрешить их на уровне не только социального конфликта, но и на уровне конфликтов внутриличностных, профессиональных, групповых, мировоззренческих и т.д.

Рыбакова Дарья Павловна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ:

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ В МЕДИА-ПРОСТРАНСТВЕ

В современном обществе все большее значение приобретает информация, а также стремительно развиваются и совершенствуются инженерно-технические средства, предназначенные для коммуникации и распространения информации на огромную аудиторию. Информация выступает движущей силой формирующегося медиапространства.

Социум «пронизывается» масштабными телекоммуникационными системами. Вместе с увеличением скорости передачи огромного количества информации возрастает и скорость трансляции ценностей, идеалов, нарративов поведения, которые вырабатываются неосознанно и прочно закрепляются в сознании. СМИ служат «каналами», через которые осуществляется формирование, навязывание стереотипов, в том числе этнических.

Этнический стереотип отражает упрощенное/неточное убеждение о мышлении, психологии, ценностях представителей этнической группы, на основании которого складывается «непоколебимое» мнение одной народности о другой. Этнический стереотип формирует самосознание индивида, разделяет общество на «своих» и «других», создает образ «чужого». Такие стереотипы обязательны в условиях развития «культурного диалога, поскольку этническое самосознание проявляется через именно позиционирование себя, осмысление «себя» как отличного от «другого».

Однако наиболее частой формой транслирования стереотипов становится публикация в СМИ сюжетов, содержащих описание того или иного этноса, сведение под единый знаменатель характеристик менталитета, темперамента, образа жизни представителей народности. Нередко такие публикации носят насмешливый или презрительный характер. Обобщение свойств национального характера, унижение образа жизни людей, представляющих разные этнографические группы, утверждение их неполноценности, появляющееся в СМИ – это основной путь передачи негативно окрашенных этнических стереотипов и предрассудков.

Так называемую «неосторожность» СМИ можно наблюдать на примере следующей истории. В 2000-х годах в официальной газете Чувашии вышла заметка под названием «Табор в кредитах», описывающая суд, связанный с банковскими задолженностями нескольких цыган. Автор текста высмеивал финансовую необразованность этих людей, вероятно, находясь под воздействием старого стереотипа – ведь в обществе «цыган» зачастую приравнивается к «мошенику». Переносить единичные случаи и субъективное восприятие на всю нацию и публиковать такой насмешливый текст неправильно с позиций этики, поскольку подобные действия способствуют нетерпимости.

Специалисты масс-медиа часто поднимают в своих публикациях проблему притока рабочей силы – а вместе с ней и «криминальных личностей» – из стран ближнего зарубежья. Таким образом, в сознании граждан закрепляется стереотип о «неблагополучных» мигрантах из стран Средней Азии и Кавказа и появляется необоснованное предубеждение и страх перед ними.

Многие публикации СМИ, написанные о терроризме и деятельности запрещенных организаций, создают враждебный образ «чеченцев» и «кавказцев». СМИ используют религиозные понятия при описании террористических актов, что способствует появлению неверных представлений о культуре ислама и недоверию к мусульманам.

Информация, транслируемая СМИ, может нарушать целостность истинной картины. Социальная реальность искажается в глазах зрителя, погруженного в медиа-среду. Медиапространство, особенно с появлением и развитием интернет-процессов, играет большую роль в формировании этнических стереотипов ввиду его регулятивной силы, возможности конструировать социальное взаимодействие. Так, средства массовой информации могут поддерживать развитие ксенофобии, и наоборот – способствовать преодолению негативных этнических стереотипов и повышению уровня толерантности современного общества. Возникает необходимость регуляции ответственности СМИ, в том числе, в части формирования стереотипов и манипулирования моральным сознанием общества с их помощью.

Саввина Ольга Владимировна
кандидат философских наук, доцент
Российский университет дружбы народов

ЕВГЕНИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В РАМКАХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Во время Второй мировой войны евгеника запятнала себя бесчеловечными экспериментами и антигуманными законами. До 1945 года в Германии евгенические практики контролировались государством, а расовая идеология была отражена в законодательстве.

Сегодня евгенические практики сильно изменились. Большинство правительств не ведут евгеническую политику, в их законодательствах отражен принцип равенства всех людей во всем независимо от их пола, расы и других особенностей. Государственному регулированию подвергается лишь применение вспомогательных репродуктив-

ных технологий (ВРТ). В странах, где разрешены суррогатное материнство, донация гамет, экстракорпоральное оплодотворение и другие ВРТ как по медицинским показаниям, так и без, спрос потребителей этих технологий играет ключевую роль в выборе донорского материала и суррогатных матерей. Криобанки гамет, как женских, так и мужских, пытаются угодить клиентам и предоставить «качественный материал», вырабатывая критерии, по которым набирают доноров.

Например, Криобанк Калифорнии (California Cryobank), подразделение американской компании Generate Life Science, крупного игрока на рынке, предъявляет следующие критерии к мужским донорам: физически здоровый, возраст от 18 до 38 лет, рост – не ниже 5'8 футов (172,72 см), образование – высшее или студент колледжа. За отдельную плату клиенты могут получить информацию о болезнях членов семьи донора вплоть до третьего поколения, актуальные и детские фото и многое другое [Become a sperm donor / California Cryobank. URL: <https://www.cryobank.com/services/become-a-sperm-donor/> (дата обращения 25.08.2020)]. Требования к женским донорам несколько отличаются: здорова, возраст от 21 до 33 лет, нормальная масса тела, студентка или выпускница колледжа [Become an egg donor / California Cryobank. URL: <https://www.cryobank.com/services/become-an-egg-donor/> (дата обращения 25.08.2020)]. Как мужчины, так женщины должны обладать правом легально работать в США, стране, где располагается криобанк.

Требования к здоровью доноров понятны, но критерии включают, во-первых, рост, что не является показателем здоровья, а, во-вторых, высшее образование, которое никак не передается по наследству и скорее является показателем платежеспособности или социального статуса донора, нежели интеллекта. Эти критерии – выражение вкусов (высокий рост) и верований, не подтвержденных научными данными (высшее образование) клиентов криобанка. Спрос рождает предложение, которое отражает среднестатистический запрос на рынке гамет, и именно этот спрос становится основой новой евгеники, искусственного отбора. Здесь нет ограничений по расе или сексуальной ориентации, как это было до середины XX столетия, хотя желания клиентов практически такие же, как и государственных деятелей национал-социалистической партии, и те и другие желали или желают, чтобы отпрыск был здоров, красив и умен.

Столь разные критерии отбора при схожих целях говорят об отсутствии каких-либо объективных критериев искусственного отбора, кроме физического здоровья. Понятия красоты и ума не только сильно зависят от культуры, но зачастую науке не ясны механизмы их наследования. Однако, это не мешает таким критериям как «высшее образование» быть востребованными.

Севастьянова Алина Дмитриевна
магистр прикладной этики, ассистент

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
СЕКСУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ И ПРАВО

Страдания людей и ограничение свободы есть зло. Поэтому вопрос о поддержании морали при помощи права требует обоснования. Возможно ли, чтобы аморальное поведение становилось причиной для правового наказания? И аморальность как таковая является ли преступлением?

Целью доклада будет анализ позиции Герберта Харта по вопросу о пределах вмешательства права в частную жизнь, а именно – в сферу сексуальной морали. Данная позиция выражена в трех лекциях, прочитанных в Стэнфордском университете в 1962 году и объединённых в работе «Право, мораль и нравственность» [2]. Истоком лекций

послужил спор Харта с известным юристом и судьей Патриком Девлином после доклада комиссии Вулфендена в 1957 г. по вопросу легализации проституции и гомосексуализма.

Джон Стюарт Милль формулирует принцип «непричинения вреда» в эссе «О свободе» утверждая, что применение силы (права) к другому индивиду против его воли возможно только с целью «предотвращения вреда другим». Собственное благо индивида (моральное или физическое) не служит достаточным основанием для принуждения [1, с. 11]. Однако, существуют разрушительные виды аморального поведения, касающиеся как индивида, так и общества. Должно ли законодательство в таком случае предотвращать подобное поведение, предписывая наказания, занимаясь в таком случае улучшением «моральной экологии»?

В результате Харт разрабатывает модель права, в которой совмещается моральное оправдание права и его практическое применение. Харт разграничивает правовое принуждение на два вида: юридический морализм (с целью поддержания норм общественной морали) юридический патернализм (с целью защиты индивида от самого себя). Последний, по Харту, имеет право на существование.

Литература

1. Милль Д.С. О свободе // Наука и жизнь. 1993. (11). С. 10–15.
2. Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль / Г.Л.А. Харт, 2020. 136 с.

Серегин Борис Викторович

научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории по социологии,
культурному туризму и прикладной этике

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого
**ЭТИКА СПОРТА КАК ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА В УСЛОВИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА**

Спорт, как важнейшая часть современной культуры, приобретает новые социально-культурные смыслы в период формирования цифрового общества [3, 116-118]. В этой связи особенно актуальным становится осмысление этических и аскиологических аспектов спорта.

Основной идеей спорта является телесное совершенствование, ведущее и к духовному совершенству индивида, и к некой духовной цели. Эта идея скрыта в культурной истории спорта: так, спортивные практики древности могли отождествляться с религиозными ритуалами, предполагающими как игру, так и жертвоприношение; спортивные практики выступали как попытка приобщения к божественному. По сути, целью спортивных соревнований является достижение равенства (спорт уравнивает участников соревнований на старте, социально уравнивает зрителей) и установление справедливости (как итог соревнования).

Важное социокультурное значение спорта заключается в том, что спорт выступает в качестве межкультурной коммуникации, способствуя объединению нации или разных национальных культур, являясь способом проявления патриотизма и психологической разрядки. В этом смысле спорт может использоваться в качестве орудия манипуляции общественным сознанием, и это обстоятельство тоже подлежит этической рефлексии.

Как один из видов прикладной этики, спортивная этика представляет собой (если следовать определению термина «прикладная этика» А.А. Гусейнова [1, 153-166]) область моральных проблем и знаний, связанных со спортом и спортивным поведением, которая имеет пограничный и открытый характер, формируя нравственные принципы и моральные дилеммы.

Основываясь на этом определении, можно сказать, что спорт является, с одной стороны, частью массовой культуры, формируя конфликты ценностей, когда ценности спорта (такие, например, как равенство, справедливость, честность) вступают в конфликт с ценностями массовой культуры. С другой стороны, спорт транслирует универсальные нравственные ценности, лежащие в основании спортивных кодексов и ставшие критериями разрешения этических конфликтов [2, 99].

Спорт этически связан с различными сферами современной общественной жизни: этика спорта может быть проанализирована в контекстах этики международной политики; этики публичной политики; этики бизнеса; этики искусства; гендерной этики и так далее. На границе перечисленных сфер жизни этика спорта формирует специфические моральные дилеммы.

Процесс формирования цифрового общества, активно происходящий в последние годы, накладывает на этику спорта специфический отпечаток, благодаря чему могут формироваться следующие проблемы:

- этические проблемы спорта в рамках цифровой индустрии развлечений;
- этика спорта в виртуальной реальности;
- этическая допустимость цифрового спортивного образования;
- достоверность информации о спорте и способы ее подачи;
- этические правила спортивных цифровых сообществ и т.д.

В конечном итоге, наиболее интригующим станет вопрос о самой идее спорта, заключающейся в совершенствовании тела, духа, равенстве и справедливости [4,100] – как эта идея трансформируется в условиях цифрового общества? Останутся ли соревнования и спортсмены реальными? Будут ли новые созданы этические правила, с учетом трансформирующейся спортивной реальности? Все эти вопросы могут быть предметом философской рефлексии, и, в конечном итоге, сформировать представление о новой спортивной этике, которая, впрочем, будет часто трансформироваться, вместе с развитием новых цифровых технологий. Поэтому можно сказать, что современная этика спорта ситуативна, динамична и нуждается в частом этическом мониторинге.

Литература

1. Гусейнов, А.А. Размышления о прикладной этике // Вестник Нучно-исследовательского Института прикладной этики. Вып. 25: Профессиональная этика / Под ред. В.И.Бакштановского и Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИПЭ, 2004. – 256 с.

2. Серегин, Б.В. Аксиология спорта в контексте прикладной и профессиональной этики // Валеевские чтения: научно-философское наследие Д. Ж. Валеева: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию со дня рождения доктора философских наук, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, основателя башкирской этической школы Д.Ж. Валеева (г. Уфа, 24 апреля 2020 г.) / отв. ред. З.Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – 172 с.

3. Смелова, А. А. Этика современного общества через призму спорта: обзор социологических традиций // XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)». Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2019. – 188 с.

4. Coubertin, P. The Olympic Idea: Discourses and Essays. – Lausanne: Carl-. Diem-Institut, Editions Internationales. 1966. – 217 p.

Синюкова Наталья Алексеевна
младший научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
**ЭВОЛЮЦИЯ ПРАКТИК ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В КЛИНИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ**

Пограничный случай медицинской практики как ситуация тяжелой и/или хронической болезни, характеризуются радикальными нарушениями в организме человека, возникновением угрозы для его нормального функционирования и необходимости в переходе к специфическому образу жизни. В пограничных случаях болезни требуется длительное медицинское лечение с применением инновационных и одновременно агрессивных, токсичных и рискованных средств с серьезными и часто необратимыми последствиями для человека, его полноценной жизни. Лечение не всегда желательное для самого больного. Важно, что в пограничных случаях отсутствует готовая, непротиворечивая схема лечения, отсутствует четкая связь между средствами и результатами лечения. Соответственно актуализируется проблема защиты больного от рискованных, чрезмерных и несправедливых медицинских вмешательств.

С середины XX века в обществе складывается такая социокультурная ситуация, когда на фоне внедрения технологий и новых методов в практики лечения и сдвига в ценностной структуре общества требуется выработка механизма защиты больного и ответственности за последствия рискованных медицинских действий. Требуются соответствующие механизмы и практики защиты и опеки больного. С 60-х годов XX века в США запускаются процессы институционализации практик защиты больного: возникают первые экспертные советы по медицинской этике, индивидуальные консультанты, этические комитеты.

Развиваясь как новый институт и практика, первоначально в форме экспертных индивидуальных или групповых консультаций, этическая экспертиза постепенно расширяется до процессуальной модели или практик совместного принятия решений, в которых участвуют представители всех агенты лечебного процесса, включая самого больного в тех случаях, где это возможно. В рамках данной модели допускается, что в процессе обсуждения, поисков стратегии лечения участники-агенты осознают собственную ответственность и действуют как социально ответственные акторы.

Процесс групповых поисков стратегии лечения «проявляет» интуитивно данные позиции каждого агента медицинского случая, а совместный процесс обсуждения под компетентным руководством экспертов способствует их трансформации, согласованию в совместную точку зрения в выработки оптимальной стратегии лечения. Отличительными характеристиками процессуальной модели этической экспертизы, таким образом, является направленность на структурирование процесса обсуждения медицинского случая, в идеальном случае для достижения консенсуса. Г. Маркманн анализируя используемые в Германии методики структурирования процесса экспертизы выдвигает два общих структурирующих элемента — медицинская разработка стратегий лечения или оценка «фактов» и ценностно-нормативная оценка возможных стратегий лечения. При этом единый, универсальный и непротиворечивый критерий ценностно-нормативной не выработан.

С одной стороны, этическая экспертиза защищает право пациента на самоопределение, особенно в тех случаях, когда пациент не в состоянии самостоятельно выразить свою волю. Но как показывает критическое осмысление института и практик ЭЭ, лишь небольшая часть практик этической экспертизы связана с защитой больного. Более того по мнению некоторых исследователей практики разработки рекомендаций в клинических этических комитетах способствует принятию «аморальных решений» в

процессе лечения, усугубляющихся отсутствием ответственности. Развиваясь как индустрия оказания коммерческих услуг в кризисных и рискованных ситуациях болезни и приобретая крен в производство норм, создание новых стандартов клинической этики, становление ЭЭ обернулось утверждением новых властных институтов в области здравоохранения, интересы которых вступают в противоречие с интересами больного, с обеспечением его права на самоопределение. Кроме того, не менее важно, что в рамках этической экспертизы не разработаны механизмы, способствующие выработке самоопределения больного. Тем не менее в связи с усложнением пограничных случаев болезни и совершенствованием медицинских технологий, такие механизмы представляются необходимыми в процессе оказания и получения медицинской помощи.

Скрипник Анатолий Петрович

доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой философии и истории

Саровский физико-технический институт, филиал НИЯУ МИФИ

ПОНЯТИЕ УМЕРЕННОГО ЭТИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Одним из перспективных вариантов теоретической этики мне представляется умеренный этический конструктивизм. Это специфическая позиция касательно онтологического статуса морали. Она отличается и от морального реализма, и от радикального конструктивизма. В отличие от первого умеренный этический конструктивизм предполагает, что мораль не дана человеку изначально, а создается его творческой деятельностью. Данный тезис является конструктивистской составляющей. В отличие от второго умеренный этический конструктивизм признает, что мораль не является фикцией. Она создается из реального материала и обладает особой формой бытия, выступает социальной реальностью не менее прочной, чем природные объекты и материальные артефакты. Это реалистическая составляющая.

Мораль создается людьми и для людей. Из этого следует, что если какая-то нравственная норма не может быть выполнена в реальности, то менять надо эту норму, а не людей, призванных ее выполнять. Таким образом, умеренный этический конструктивизм есть своеобразная форма гуманизма.

Становясь нравственным, человек выходит за пределы самого себя, но при этом устанавливает для себя новые пределы. Это происходит потому, что мораль конструируется в процессе дискурса, в котором я участвую наравне с множеством других людей. Творение морали – это плетение сети взаимосвязанных понятий и социальных институтов. Данная сеть и образует эти новые пределы.

Приемы, которые используются в творении морали, заимствованы из языка и применяются в речевой деятельности. На раннем этапе антропогенеза язык и мораль развиваются, взаимодействуя друг с другом.

Мораль реальна, но не вещественна. По своему бытийному статусу она подобна своеобразному полю, оказывающему силовое воздействие на поведение существ, которые оказались в той или иной его точке. Эти существа должны обладать специфическими способностями, пребывать на определенной ступени развития. Точнее сказать, мораль представляет собой синтез реального и идеального.

Умеренный этический конструктивизм допускает возможность онтологического обоснования морали. Решение данной проблемы связано с выяснением бытийного статуса ценностей. Ценности обладают идеальным бытием. Они тесно связаны с нормами и являются пределами, которые налагаются на деятельность человека, обладающего речью, сознанием и волей, наличием других людей, обладающих теми же

способностями. В глубинной структуре бытия ценностям соответствует гармония между когерентностью и автономией, т.е. пределы, в которых реализация одной не наносит ущерба другой. В человеческом бытии ценности объединяют субъектов в различные целостности, сохраняя качественное своеобразие каждого из них.

Своим существованием ценности обязаны языку как форме коммуникации, ибо только слово позволяет соединиться, сохраняя дистанцию. В языке и доязыковых способах коммуникации когерентность обеспечивается сигналами, несущими импрессионную нагрузку, автономия же – автографами и экспрессивными сигналами. Язык существует благодаря тому, что отдельные слова способны сцепляться друг с другом, образуя качественно новые смысловые единицы. Ноам Хомский назвал основную языковую операцию «merge» («сцепление»). Данная языковая операция позволяет устанавливать когерентность различных фрагментов и сторон реальности. В результате этой операции возникают новые уровни бытия. Сцепляясь друг с другом, различные фрагменты реальности приобретают свойства, которые отсутствовали у них, взятых в отдельности. Это можно понять как преимущественный способ, каким развивается жизнь и культура.

Конструктивный характер придает этике статус нормативной науки. Этика не только предлагает теоретическую модель функционирования нравственности, но и служит практическим руководством в реальной жизни.

Соловьёва Виктория Максимовна

магистрант, 1 курс, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

В данной работе рассматриваются философско-этические последствия медиатизации реальности для медиаобразовательной концепции медиакомпетентности и медиаграмотности.

Одна из самых обсуждаемых концепций в медиа сегодня – это теория медиатизации. Фридрих Кротц смог показать в своих исследованиях, что изменение медиасреды зависит не только от технического развития, но и от медийной практики участников медиа. Наиболее значимым аспектом данной теории является то, что с этим изменяющимся и развивающимся использованием средств массовой информации меняется и способ человеческого общения. Это влияет на сегодняшнее человеческое самопонимание и на образование в целом. Вместе с тем претерпевают трансформацию и этические вопросы, которые непосредственно связаны с участниками образовательного процесса.

Медиаобразование в современном мире можно рассматривать как процесс развития личности с помощью средств массовой коммуникации, целью которого является формирование определённых стратегий общения с медиа, критического мышления, полноценного восприятия, анализа и оценки медиатекстов, а также обучение различным формам самовыражения через взаимодействие с медиатехниками, обретая при этом медиаграмотность.

На данном этапе развития современной медиакультуры всё чаще можно отметить переход от образовательной парадигмы, которая сформирована устной речью и печатными материалами, к форме образовательной практики, где происходит работа с медийными носителями и в сети интернет, и она [работа] принимает главенствующую позицию. Данный образовательный переход ставит под угрозу традиционные понятия образования как такового.

В первую очередь, это касается диалога между преподавателем и учащимся. Медиаобразование здесь становится тем источником формирования личности ученика в

условиях диалогического взаимоотношения с учителем, в результате которого выстраивается направление совместной научной деятельности, единое поле взаимодействия в различных вопросах, поддержка и уровень взаимопонимания. В настоящее время, где преподавателя «заменяют» мультимедийные технологии, место диалога не уходит, но претерпевает трансформации, которые впоследствии окажут (и уже оказывают) достаточно сильное влияние на образовательный процесс и на этические стороны диалога. Также стоит отметить, что роль учителя в качестве субъекта образовательного процесса. Возрастающий темп изменений в образовании, спровоцированный развитием медиатехнологий, принуждает учителей находится в постоянном соревновательном процессе за самые актуальные данные. Это приводит к изменению взаимоотношений между учеником и учителем, точнее, к трансформации норм участников образовательного процесса.

С помощью теории медиатизации можно попытаться понять и решить часть вопросов, которые стоят сегодня перед современным медиаобразованием в эпоху меняющейся медиакультуры.

Старовойтова Снежана

магистр социальных наук

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ETHNIC MOBILITY AS A MEAN

TO CREATE A MORE HOMOGENEOUS SOCIETY

РФФИ №20-311-90025

This paper seeks to highlight the main features of ethnic cleansing as a tool to create more homogenous societies and internal stability in many countries. This research will present the positive and negative examples of ethnic cleansing.

The twentieth century witnessed numerous ethnic cleansing, occurred especially in Europe and in the Middle East. Positive examples of forced population transfers include the expulsion of ethnic Germans from Eastern Europe in the end of the Second World War (primarily, from East Prussia). In East Prussia, at the first stage, it was a planned evacuation organized by the German leadership in connection with the oncoming of the Soviet troops. Subsequently, about two thirds of the refugees – ethnic Germans were resettled in the occupying zones of the United States and Great Britain, the remaining third was resettled in the Soviet zone. This example illustrates the positive effect of forced population transfer because refugees have made a positive contribution to economic and social modernization, especially in relatively underdeveloped areas such as Bavaria and Schleswig-Holstein. Moreover, resettlement of ethnic Germans in the historically German lands served the interests of Poland – Germany and Czechoslovakia – Germany, since these actions contributed to creating three ethnically homogeneous societies and, therefore, more internally stable states.

However, despite positive examples, there were also negative ones. A vivid example of ethnic cleansing can serve a mass expulsion of Turks and Greeks who inhabited the island of Cyprus during the civil war 1974 and during Turkish invasion. The invasion occurred in 1974 became a reason for creation of two ethnically homogeneous parts of the island – Greek part and Turkish part. As a result of the island division into two parts about 200,000 people became internally displaced persons.

Another disappointing example occurred as a result of the collapse of Yugoslavia in the 1990s. Forced population transfers were associated with two different events – wars in Bosnia and Herzegovina and Croatia and Kosovo conflict. As a result of wars in Bosnia and Herzegovina and Croatia, 2.8 million people became refugees and internally displaced

persons. During the Kosovo conflict Kosovo Albanians were forced to leave their homes, as a result of the Serbian campaign against the Kosovo Liberation Army and as a result of NATO air strikes in the first half of 1999. As a result of ethnic cleansing, tens of thousands Serbs, Croats, Bosnian Muslims and Albanians were expelled from their homes.

Thus, having considered various cases of ethnic cleansing that caused forced population transfers, there are exist positive and negative examples. On the one hand, forced population transfer can contribute to the economic development of regions (the case of ethnic Germans in Bavaria and Schleswig-Holstein), as well as to the creation of ethnically homogeneous societies but on the other hand, forced displacement of the population is always associated with a high level of violence; often deliberate humiliation of those who will be displaced has long-term negative consequences, as this will negatively affect their return and / or bilateral and intercommunal relations.

Стрежнева Кристина Олеговна
обучающийся бакалавриата, 2 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОЭТИКЕ

Проблема свободы воли интересовала людей на протяжении длительного времени, и если раньше она занимала умы преимущественно философов, сейчас разные науки затрагивают вопрос о свободе воли (нейробиология, нейроэтика, психология, помимо философии) и он актуализировался вследствие технологического прогресса, с помощью которого нейрочёные могут изучать строение нашего мозга и механизмы его работы.

Свобода воли – это возможность человека делать выбор вне зависимости от обстоятельств, причём как внешних (принуждение, вознаграждение), так и внутренних (инстинкты, стереотипы, выработанные под влиянием окружающей социальной среды и т.д.). Если человек действует свободно, то он несёт моральную и правовую ответственность за свои действия. Сразу же созревает вопрос –а если у человека нет свободы воли, он несёт ответственность за свои поступки? Этот вопрос крайне важен как для этических учений, так и для общества в целом.

Вопрос о свободе воли человека также тесно связан с вопросом о детерминированности нашего мира – предопределено ли всё, что мы делаем и вся наша жизнь, причинно-следственными связями, необходимостью и закономерностью? Мнения людей разнятся, и основные взгляды можно разделить на следующие группы. Первая группа- компатибилисты, они считают, что свобода воли у человека есть и она сосуществует с детерминизмом. Вторая группа, инкомпатибилисты, утверждают, что они не совместимы. Инкомпатибилист может как признавать свободу воли и отрицать детерминизм (метафизические либертарианцы), так и отрицать свободу воли и признавать детерминизм (жёсткие детерминисты). Третья группа не имеет общепринятого названия, но обычно её называют скептиками- они считают, что человек ни свободен, ни детерминирован.

Чтобы доказать наличие (или отсутствие) свободы воли у человека, учёные начали проводить опыты в сфере нейрофизиологии. Одни из самых знаменитых опытов были проведены Бенджамином Либетом в 1980ые годы. Бенджамин Либет пришёл к выводу, что свобода воли человека существует только после осознания желания, в промежутке 100 мс, в течение которых человек способен наложить так называемое «вето» на побуждение к действию, т.е. с точки зрения ученого сознание обладает реальной каузальной силой и может влиять на мозг. Общество начало трактовать его опыты доказательством детерминизма, но это некорректно, ведь даже по самим опытам оче-

виден тот факт, что сознание может отменить «запланированное» мозгом действие, чего при детерминированном мире быть не может.

У Либета появились последователи, которые проводили более сложные опыты с применением более прогрессивной техники, но вопрос о наличии свободы воли у человека у учёных решить так и не получилось и до сих пор, а ведь от его решения зависит вопрос о том, несёт ли человек моральную ответственность за свои действия, или нет.

Свобода воли играет значимую роль в устройстве нашего общества, ведь и законы, и социальные отношения основаны на том, что каждый человек – сознательный автономный субъект, отдающий себе отчёт о своих поступках, и, пока в современной нейробиологии нет обоснованных опровержений существования свободы воли человека, самым логичным будет придерживаться мнения, что свобода воли человека скорее существует, и каждый человек (за исключением людей с болезнями, психологическими отклонениями, с повреждённым мозгом (и то далеко не всегда) и других исключительных обстоятельств) должен нести ответственность за свои поступки, как моральную, так и правовую.

Сунами Артем Николаевич

кандидат политических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МАНИФЕСТАЦИИ РИСК-РЕФЛЕКСИЙ

РНФ №19-18-00115 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Риск-рефлексия, понимается нами как постановка вопросов и комплексное осмысление ситуаций, возникающих в жизненном пространстве различных участников «общества риска», что выражается в определенных интерпретациях этими акторами старых и новых рисков и, соответственно манифестации ими отношения к угрозам. При этом, разрабатываемая нами конфликтологическая интерпретация риск-рефлексии основывается на ряде первоначальных гипотез.

Мы полагаем, что каждый риск конфликтен по своей сути, ибо любая проблема, которую реалистично маркировать как риск может быть отождествлена с чьими-нибудь интересами. Также, мы убеждены, что влияние риск-рефлексии на адаптацию индивидов и социальных групп к изменяющимся условиям амбивалентно, то есть может нести как позитивный, так и деструктивный потенциал. И, наконец, что манифестация риск-рефлексии как особая дискурсивная практика обладает высоким манипулятивным потенциалом для формирования повестки дня, определения способа защиты от угроз, персонификации рефлексии субъектами фрустрирующего их риска.

Вместе с этим, немаловажным является вопрос об этике такой манифестации, поиск ответа на который, как мы полагаем, необходимо начать с того, а что же собственно есть этического в риске, другими словами какие существуют этические подходы к экспликации понятия риска.

Как утверждает Дуглас Маклин, до недавнего времени философы-моралисты в значительной степени игнорировали вопросы этики действий, продуцирующих риски, которые, в конечном счете, могут или не могут привести к фактическому ущербу [1]. И это несмотря на то, что многие из наших действий явно связаны с риском и навязыванием риска другим.

Видимо Роберт Нозик был первым в современной моральной философии, кто подробно обсудил этические вопросы, связанные с риском [2]. Признавая, что ни одна

теория естественного права не сформулировала окончательного вердикта в отношении прав в ситуации риска, Нозик сводит все возможные реакции к трем альтернативам. Первое, рискованное действие категорически запрещено даже при наличии возмещения ущерба лицам, подвергающимся потенциальной опасности. Второе, рискованное действие разрешено при наличии компенсации лицам фактически пострадавшим от этого действия. И, последнее, рискованное действие разрешено при наличии компенсации всем лицам, подвергающимся опасности, вне зависимости от фактического ущерба.

Третья альтернатива представляется наиболее интересной для дебатов. С одной стороны, такого рода институционализация риска дает людям большую свободу в плане выбора манифестации риск-рефлексии. С другой, маркирует любой риск как разновидность вреда, даже если он никогда не будет нанесен, что следует считать деструктивным. Полагаем, что этический разбор данной дилеммы можно считать магистральным в дальнейшей дискуссии об этических факторах манифестации риск-рефлексий

Литература

1. MacLean, D. (2012) Ethics and Risk, In Roeser, S., Hillerbrand, R., Sandin P., and Peterson, M. (eds.) Handbook of Risk Theory Epistemology, Decision Theory, Ethics, and Social Implications of Risk. Springer Science and Business Media B.V.
2. Nosick, R. (1974) Anarchy, State, and Utopia. Basic Books, N.-Y.

Сычев Андрей Анатольевич

доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

ОРИЕНТИРЫ МОРАЛЬНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

РФФИ №19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии»

Создание моральных норм – сложный и длительный исторический процесс, в ходе которого постоянно происходили изменения субъектов, механизмов, целей, способов обоснования нормотворчества. В ряде случаев эти изменения были связаны с духовными кризисами и последующими кардинальными изменениями нормотворческих ориентиров. В истории европейской культуры подобные нормативные революции происходили, как минимум, трижды: в «осевое время», в период распространения христианства и в эпоху Модерна. Сегодня мы находимся в ситуации очередного кризиса, выход из которого предполагает поиск новых ориентиров для морального нормотворчества.

Первоначальным субъектом нормотворчества являлось коллективное «Мы», полностью подчинявшее поведение индивида своему диктату. Механизмом вменения норм являлась суггестия в разных формах, а инструментом их обоснования служила мифология. Изменение и развитие норм обеспечивалось, прежде всего, эволюционным отбором, в ходе которого преимущество получали те общины, чьи нормы (как правило, направленные на обуздание спонтанных импульсов) наилучшим образом способствовали групповому выживанию.

Накопление знаний и развитие способностей индивидов к контрсуггестии привело к сдвигу источника нормотворчества от «Мы» к «Я». В эпоху «осевого времени» выделяются личности (пророки, мыслители, моралисты), закладывающие основы новых моральных систем. Ведущей формой обоснования норм становится философия (в первоначальном понимании этого слова), а их развитие обеспечивается в дискуссиях различных школ и направлений философской мысли. Преимущества при этом полу-

чали те, кто был способен привести убедительные аргументы в поддержку своих идей, как теоретического плана, так и на примере собственной жизни (что предполагало выработку практик «заботы о себе»).

Развитие индивидуализма и критического мышления поставило под угрозу эмоциональное единство людей друг с другом, восстановлением которого занялась религия. Христианство объявило основным источником нормотворчества любовь, перенеся тем самым фокус морали от «Я» к «Ты». Человек в религиозном понимании обладает свободой выбора, но моральным его выбор является только в том случае, если он эмоционально ориентирован на Другого – как ближнего, так и Бога.

В эпоху Нового времени социальные взаимодействия становятся более сложными и многомерными: в камерные отношения «Я» и «Ты» вторгается «Он». Экономические и политические интересы различных людей требуют согласования на рациональных основаниях и с учетом признания всеобщего равенства. Наиболее адекватным механизмом такого согласования объявляется право, а основной доктриной, определяющей правильность отношений и действий, становится концепция универсальных прав человека. В итоге индивидуальные (прежде всего, гражданские и социально-экономические) права получают приоритет перед правами и интересами групп, государства, человечества в целом, а автономным законодателем моральных норм вновь признается индивид.

Сегодня концепция прав человека сталкивается с рядом проблем, которые ставят под вопрос ее претензии на место основного морального ориентира для общества. Не в последнюю очередь эти проблемы вызваны абстрактностью и формализмом представлений о человеке как носителе прав, лишенном культурного, национального, личностного своеобразия. В ситуации кризиса необходим поиск таких ориентиров для нормотворчества, в которых универсальные требования равенства могли бы сочетаться с признанием уникальной идентичности каждого человека, а свобода индивидуального выбора – с принципами, обеспечивающими выживание человечества в ситуации глобальных угроз.

Тимофеева Анна Владимировна
магистрант, 2 курс

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
**КОНЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ
В ОПТИКЕ НАУЧНОГО ИСКУССТВА**

Одна из главных особенностей современной интеллектуальной и творческой деятельности заключается в новой форме ее организации. Попытки подчинить множество режимов знания и опыта друг другу, выстроив их по уровням иерархий в духе Ф. Бэкона, или слить в единое целое на основе общих аксиоматических допущений раскрыли свою несостоятельность как в теоретических исследованиях, так и на практике. Это потребовало организации человеческой деятельности по принципу распределенной сети, при которой ответственность и экспертность размещаются между центрами компетенций, не усиливая ни один из них до такой степени, чтобы охватить другой.

Одним из примеров данной организации является сформировавшееся в лоне современного искусства в течение последних десятилетий направление, называемое научным искусством. Задействуя при создании произведений научного искусства весь технологический арсенал современности, их авторы направляют свой конструктивный взгляд на самые актуальные идеи и концепции, требующие длительной коллективной рефлексии с участием представителей философского знания. Центральным вектором при этом зачастую выступает антропологический, в котором традиционный

вопрос о человеке под влиянием идей антигуманистов и постгуманистов за последние полвека сменился вопросом о постчеловеке и той нестабильной границе, которая отделяет (отделяет ли?) его от других органических и неорганических существей.

Сообразуясь с новым вектором, художники и теоретики научного искусства заявляют о возможности представить нечеловеческое как человеческое, то есть сохранить уникальность субъективности, но гипостазировать ее вовне: на машины, животных, вирусы и другие живые и полуживые виды существ — акцентируя внимание на той степени, в которой она может быть им присуща. Они приветствуют многогранный симбиогенез всех видов существ, не отказывая в совместном проживании даже тем, кто был создан в лаборатории.

Благоприятный контекст для подобных изменений был создан в XX-XXI веках усилиями экологических движений, зоозащитных организаций и писателей-биологов, которые в доступной форме представили собственные размышления, соответствующие логике гуманизации животных. Среди современных примеров творческих практик, направленных на исследование отношений человеческого и нечеловеческого и осмысление их с позиций этики мы можем выделить произведения зарубежных авторов, представленные на выставке «Новое состояние живого» (музей PERMM, февраль — декабрь 2019, куратор — Д. Булатов). Этическая проблематизация, присущая подобным проектам, будет представлена автором в ходе работы секции.

Углева Анастасия Валерьевна

кандидат философских наук, Ph.D., доцент
руководитель Школы философии и культурологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕИЗМ

В современной эпистемологии нередко придается особое значение понятию интеллектуальной или эпистемической ответственности. Под ней понимается либо контроль ментальных состояний с точки зрения эпистемической ценности той или иной высказываемой идеи; либо сопоставление научного положения с определенным образом понимаемой правильной жизнью. Вторая интерпретация, по сути, предполагает подчинение когнитивной жизни субъекта всеблагому Богу. Так, для Декарта истинное знание атеисту недоступно вовсе. А с точки зрения аналитической теологии, знание о Боге как всеблагой Личности естественно для человека (4). Такая позиция ведет к эпистемологическому теизму. Эпистемология предполагает усилие философского разума, направленного на обоснование истинности верования, которое становится таким образом знанием. Это то, что Р. Чисхолм (3, 62-63) назвал «проблемой критерия». Некоторые философы, например, Т. Вильямсон (6), утверждают, что между верованием и знанием есть принципиальная разница, тогда как другие, напротив, полагают, что, если кто-то что-то знает, он в это верит, но мы часто верим в том, что пока не знаем, то есть у нас нет достаточного основания для признания истинности этого верования. Соответственно, возникает проблема критерия, позволяющего определить то, что обеспечивает переход от верования к знанию. Можно выделить три базовых критерия (2, 214-215): внутренняя непротиворечивость, объективность и непосредственность. В сущности, это тот набор критериев, с которым согласилось бы большинство крупных европейских мыслителей — Декарт, Беркли, Локк, Кант и др. Из этого убеждения следует, что ничто внешнее по отношению к разуму не может служить эпистемическим критерием. Когерентность наших представлений о мире и возможности достижения согласия по поводу критерия объективности знания, — достаточное

основание для обеспечения рациональной приемлемости истинного знания (5). В этой эпистемологической модели эпистемическая операциональность не направлена на познание внешнего мира, но на анализ ментальных состояний и их эпистемологический контроль. И цель здесь – достижение уверенности в полученном знании, то есть отсутствие сомнения в его истинности. В конечном итоге, это рефлексивное состояние ума – контроль разума над самим собой – образует основу для формирующегося знания и является условием эпистемологической честности. Противоположностью интернализму является экстернализм, ключевая идея которого выражена в понятии «эпистемической надежности» (Э. Голдман). Эпистемическое обоснование заключается не в поиске критерия, который субъект познания применяет к своим ментальным состояниям, а в выработке обоснованных верований. Восприятие, память, рассуждение этому способствуют, прежде всего. Обосновать – это, таким образом, не значит выработать критерии оценки истинности того или иного верования. Надежность когнитивного процесса предполагает, что агент обладает определенными способностями, компетенциями и добродетелями. Добродетели в данном случае способствуют достижению истины. То есть, знание обусловлено эпистемическими добродетелями, под которыми понимаются такие способности, как восприятие, память, рассудительность и интроспекция. В докладе будут сопоставлены эпистемологическая концепция, согласно которой, внутренний контроль ментальных состояний необходим для обоснования их объективности, и концепция надежности, которая рассматривает формирование убеждений как процесс. В этой второй концепции исчезает эпистемическая ответственность разума перед самим собой, под которой понимается деонтологическое требование следовать эпистемическим правилам и нормам, что характерно для интернационалистской эпистемологии. В качестве альтернативы обеим концепциям будет предложена третья, нормативная, предлагающая свое видение правильной когнитивной человеческой способности, которая видится в реализации *virtus* как «совершенства в бытии ради блага» (1), в данном случае эпистемического. Эпистемическое благо состоит в рациональности агента и в достижении истины.

Литература:

1. Adams R.M. *Atheory of Virtue. Excellence in Being for the Good*, Oxford, Oxford University Press, 2006.
2. Cardinal Désiré Mercier, *Critériologie générale ou Théorie de la certitude*, Paris, Alcan, 1911, 6e éd.
3. Chisholm R. *Foundations of Knowing*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1982.
4. Plantinga, A.C. *Warrant and Proper Function*, New York: Oxford University Press, 1993.
5. Putnam H. *Reason, Truth and History*, Cambridge, 1981.
6. Williamson T. *Knowledge and its Limits*, Oxford, Oxford University Press, 2000.

Федорова Кристина Александровна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Русский символизм, как основной смыслообразующий стержень Серебряного века, представляет собой интересное явление в культуре и этической мысли. Данное направление пришлось на непростое, пограничное время, потребовавшее обновления не только искусства, но и господствующих идей; оно было не просто связано с историческим развитием России, но буквально пронизывало его, тем самым трансформируя сознание.

Во многом Серебряный век перекликается со Средневековьем – он также является собой стык двух эпох (порой даже сами символисты называли себя декадентами, намеренно подчеркивая, что за упадком культуры кроется новое и важное основание. Аналогично, согласно Умберто Эко, средневековая культура обладала чувством нового, но стремилась его скрыть «за завесой повторений»). И именно из этих «Темных веков» символисты заимствуют многие образы, через которые стараются переосмыслить кризис культуры и привести народ к красоте – как пример, идея и образ Прекрасной Дамы, вылившийся в культ Вечной Женственности (примечательно, что обозначенный образ соединяется с Софией, воплощающей и женское начало, и посредника между божественным и мирским), рыцарская культура, Святой Грааль (как средоточие доброты, чести и достоинства), Божественный Свет. Особенно интересна смена угла зрения, разделяющая взгляды старших символистов (ориентировались на панэстетизм) и младосимволистов (толчком для хода эстетической рефлексии послужила религиозность, при этом последнее рассматривалось не как вовлеченность в определенную религию, но как «путь возврата к вере», т.е. в философии символизма господствовала не религиозная, а эстетическая составляющая).

Одна из основных тем русской этической мысли – взаимоотношение человека и Бога, приобретает в русском символизме особое значение (так, например, у Андрея Белого в романе «Петербург» появляется образ Белого Домино как Иисуса, противостоящего идее насилия и террора). Желая достичь новой духовной культуры и найти в ней конкретную роль человека, символисты обращаются к религиозности, мистицизму, антропософии и гностическим учениям. Царящая в воздухе атмосфера порождает стремление познать взаимосвязь материального и оккультного, приобщить людей к истинной красоте. Под веяниями реализма и романтизма деятелей культуры начинают иначе волновать вопросы дихотомии добра и зла, весомое значение приобретают идеи революции (как сущности вселенной), апокалиптичности и статичности как вечности (образы Древнего Египта), при этом отмечается некий Уроборос в исторических процессах, повторяемость и замкнутость на самом себе.

В довершение ко всему это время облекается в невероятно сильную взаимосвязь между историей и языком, при которой, однако, возрастает недоверие к слову. Именно поэтому этическая мысль находит свое выражение исключительно через символ.

Хамидов Алишер Асламович

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

АРГУМЕНТ К НЕЗНАНИЮ В ПРЕЗУМПТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

РНФ №20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»

Ключевым аспектом презумптивной аргументации является неполнота данных о ситуации, в которой она осуществляется. Агенты делают допущения в условиях отсутствия сведений об обратном. Если такие сведения обнаружатся, от сделанных выводов надлежит отказаться. Аргументы к незнанию относятся к презумптивной аргументации, они лежат в основе многих общеизвестных презумпций, например, осуществляющихся в гражданском праве: презумпция смерти, презумпция невиновности ответчика. Д. Уолтон, разработчик таксономии схем аргументации для презумптивных аргументов, приводит следующую схему аргумента к незнанию:

Если бы А было истинным, А было бы известно в качестве истинного.

А не является известным в качестве истинного.

Следовательно, А – ложно.

Для проверки обоснованности презумптивных рассуждений используют критические вопросы к схемам аргументации. Презумптивный аргумент обоснован, только если его заключение совместимо с ответами на критические вопросы к нему. Критические вопросы для этой схемы таковы:

WCQ 1 Насколько полон поиск знаний в ходе расследования?

WCQ 2 Насколько полными должны быть знания, чтобы адекватно поддержать аргумент?

Презумптивный аргумент часто выражен энтимемой, и чтобы определить вид аргумента и схему аргументации, его необходимо реконструировать. Соотношение презумптивных рассуждений, основанных на предположениях в условиях отсутствия знаний, и аргумента к незнанию является проблематичным. Попытка дать определение аргументу к незнанию как особому презумптивному аргументу вызвала научную полемику, где основной мишенью критики оказалась формулировка «быть известным в качестве истинного».

М. Д. Хинтон предлагает более детализированную схему аргумента к незнанию и уточняет вопрос к ней:

Нет достоверных доступных нам данных (evidence) о том, что р.

Разумно ожидать, что, если бы р было истинно, имелись бы достоверные доступные данные о р.

Следовательно, р не истинно.

XCQ 1 Действительно ли нам недоступны эти данные?

XCQ 2 Обоснованно ли ожидать что эти данные станут доступны нам?

Мы предлагаем CQ 2 разделить:

XCQ 2.1 если допустить, что р имеет место, повлечет ли это поступление данных, свидетельствующих о р?

XCQ 2.2 Будут ли эти данные доступны нам?

Это позволит проверить два различных фактора незнания: первый относится к положению дел и к его способности порождать свидетельства (данные), второй – к самому агенту. Только если оба эти фактора имеют место, мы получаем значимое отсутствие свидетельств (данных), которое и будет свидетельствовать в пользу того, что мы имеет дело с аргументом к незнанию.

Другой значимой проблемой является использование аргумента к незнанию в практической аргументации – о том, как следует поступить в данной ситуации, и теоретической аргументации – об истинности предложений. В практической аргументации заключение аргумента выражает намерение совершить действие, наиболее разумное в сложившихся обстоятельствах. В аргументации об истинности предложения речь идет о том, истинно или нет утверждение, описывающее какую-либо ситуацию. Аргумент «Если вы не знаете, заряжен ли пистолет, разумно считать, что он заряжен» правильно отнести к практической аргументации. Он обосновывает не тот факт, что пистолет заряжен, а необходимость вести себя, как если бы он был заряжен. Этот аргумент – энтимема, и возникают сложности с отнесением его к той или иной схеме аргументации. Его можно считать аргументом к плохим последствиям, если акцентируется возможность нечаянно застрелить кого-то, либо аргументом к популярному мнению, если обратиться к господствующему в обществе осторожному отношению к оружию.

Храмцова Полина Евгеньевна

магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТ «НАСИЛИЕ» В ХИП-ХОП МУЗЫКЕ

Сегодня мы уделяем огромное внимание борьбе с насилием, но боремся чаще всего с его наглядными и ощутимыми проявлениями. И не замечаем (или не хотим замечать) его в тех феноменах, которые окружают нас ежедневно и повсеместно. Например, в современной музыке. В докладе будет рассмотрена этиология концепта «насилие» в хип-хопе как музыкальном направлении, обозначены пути выхода насилия из образного в буквальное, поставлен вопрос об этической и жанровой сообразности использования данного концепта в хип-хопе.

Основные положения доклада:

1. Хип-хоп – жанр современной музыки, который ориентирован на реалистичное отражение действительности в районах гетто. Неотъемлемые компонентами хип-хоп-текстов выступают темы преступности, наркотиков, бедности, и, в частности, насилия.

2. Анализируя хип-хоп-тексты, можно выявить два контекста, в которых используется концепт «насилие»:

- насилие как элемент объективной реальности, в которой существует лирический герой;

- насилие как действие, которое лирический герой планирует совершить или уже совершил. Этот контекст будет рассмотрен далее.

3. Дисс – одна из форм хип-хоп произведений, заключающаяся в словесной атаке и высказывании неуважения к оппоненту, является средоточием нескольких видов насилия: психологического (унижение, насмешки) и косвенно физического (красочное описание сцен физического насилия над оппонентом и его близкими).

4. Дисс уходит корнями в архаические практики ритуальных оскорблений, в которые в странах Западной Африки вкладывался сакральный смысл. Однако то, что и сегодня в основе словесного унижения лежит глубинный смысл, вызывает сомнение.

5. Рэп-война Западного и Восточного побережья Америки на рубеже веков показала, что конфликт со словесного уровня переходит на улицы, и приводит к печальным последствиям – лидеры обеих сторон были жестоко убиты.

6. Сегодня хип-хоп – один из самых популярных жанров, и те установки, что он транслирует, закрепляется в сознании людей.

7. В 2001 году ЮНЕСКО был предложен проект «Хип-хоп Декларации о Мире», где в первой строке говорится: «Данная Хип-Хоп Декларация направляет хип-хоп на путь свободы от насилия...». Соответствие текстов этому документу обеспечило бы не только чистоту жанра, но способствовало снижению насилия в мире.

Цуркан Евгений Геннадьевич

заведующий Лабораторией информационных систем в гуманитарном образовании

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ЭТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ «ПРИВАТНОЙ ПУБЛИЧНОСТИ» И «ПУБЛИЧНОЙ ПРИВАТНОСТИ»

РФФИ № 18-011-00980 ««Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания»; РФФИ № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива»

Под влиянием современных цифровых социальных медиа происходит взаимная конвергенция приватной и публичной сфер, что не приводит к их полному слиянию,

но заставляет участников коммуникации переопределять ситуации, традиционно считавшиеся публичными/приватными, что нередко приводит к коммуникативным неудачам и/или конфликтам. Исследовательница Зизи Папахарисси в произведении «Приватная сфера: Демократия в Цифровой век» с целью фиксации обозначенной трансформации вводит понятия «публичной приватности» и «приватной публичности». Мы воспользуемся данными концептами, но зададим собственную дефиницию исходя из перспективы нашего исследования.

Под коммуникативным актом, обладающим характеристикой «приватной публичности», мы понимаем такой, который по форме и содержанию обладает свойствами приватного, но по факту размещения на публичной странице является публичным.

Индивиды, социализировавшиеся в условиях, когда интернет и социальные сети ещё не были распространены, не всегда отдают себе отчёт в том, что размещая какой-то контент на своей публичной странице, пользователь делает публичное заявление. Публичное тесно переплетено с политическим. Интернет позволяет привлекать внимание к проблемам ранее вынесенным из публичного поля в сферу приватного. Публичное заявление может быть рассмотрено в качестве политического представителями власти, отсюда мировая практика формального негативного санкционирования определённого типа высказываний в интернете, будь то штраф или лишение свободы. Негативные санкции за «hate speech» и иные формы социально неодобряемых высказываний могут поступать не только со стороны представителей власти, но и от социального окружения и фирм-нанимателей, которые рассматривают интернет-активность своих сотрудников как часть имиджа компании.

Пользователь также может сознательно включаться в игру различий между приватным и публичным, например, когда выкладывает на свою страницу откровенные фотографии, нацеленные на широкую аудиторию, но заявляющиеся в качестве «личных». Наконец, пользователь может представлять факты своей интимной жизни на суд общественности в политических целях. Например, чтобы общественная норма, разграничивающая сферы публичного и приватного, была пересмотрена.

Существует общественный запрос на политизацию некоторых тем и ситуаций, традиционно считавшихся приватными. Примером служит движение «MeToo», направленное на изменение социальных норм снизу. Движение «MeToo» манифестирует, что придавать огласке случаи мужского угнетения и злоупотребления властью – это долг, только так психологическое страдание жертвы опрессии может получить статус социального факта. Вынесение фактов харассмента из приватного в публичное поле стало способом политической борьбы за переопределение ситуации.

Факты из жизни индивида, которые становятся публичными без его ведома и вопреки его воле мы обозначим как обладающие характеристикой «публичной приватности». Работа алгоритмов, которые ежесекундно собирают количественную и качественную информацию о пользователях; GPS, который мы постоянно носим в кармане; системы городского видеонаблюдения превращают социальный мир в своего рода паноптикум. В этом состоит часть договора осознанно или неосознанно заключённого между пользователями и владельцами крупных платформ. Бесплатное пользование в обмен на данные. Однако владельцы платформ – это не единственные стейкхолдеры, мечтающие получить доступ к данным. Поскольку это огромный властный ресурс, естественно, представители власти тоже в нём заинтересованы. Возрастающая ценность личных данных позволила Шошане Зубофф охарактеризовать современное общество как «капитализм наблюдения».

Переопределение границ между приватным и публичным, интимным и политическим имеет неоднозначную этическую перспективу.

Чепелева Наталья Юрьевна

аспирант, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ А.ШОПЕНГАУЭРА

Этическое учение Шопенгауэра амбивалентно и неоднозначно. Оно предполагает две стратегии нравственного поведения. С одной стороны, Шопенгауэр учит состраданию и добродетели. В ходе рефлексии человек достигает осознания тотального онтологического единства всего мира. Сострадание оказывается проявлением общего инстинкта к выживанию. Устраняя *principio individuationis*, страдающий человек узнает проявления своей воли в других и поэтому готов пожертвовать своими частными интересами. Но такое поведение способствует утверждению воли к жизни, поэтому многие исследователи (Фишер, Картрайт, Кослер) и говорят об оптимистичном характере этики Шопенгауэра, а Чаньшев даже назвал ее «философией надежды». Естественное желание человека любить и быть любимым, обзавестись потомством, получить общественное признание собственной значимости, вести комфортное и безопасное существование, – все эти «вечные» ценности служат утверждению воли к жизни. Любопытно, что такая их интерпретация оказывается актуальной в связи с распространением теории «эгоистичного гена» Докинза. Согласно этой идее, подлинные субъекты эволюции – не единичные человеческие тела, а то, носителем чего они являются, – гены. Ген, как и мировая Воля, бессознателен, и его характеризует жажда жизни. Теория Докинза объясняет феномен альтруизма в том же ключе, в каком его объяснял Шопенгауэр 200 лет назад.

Вторая нравственная стратегия, которая может быть условно названа пессимистичной, способствует отрицанию воли к жизни. В рамках этого подхода добродетель оказывается необходимым, но лишь переходным этапом на пути к резиньяции, которая является конечной целью и сокровенной сущностью всякой добродетели. Эта сторона этического учения Шопенгауэра подразумевает уединение, и даже бегство от общества. Кажется интуитивно очевидным, что первая стратегия, названная Сафрански «философией для мира», работает в массовом обществе, а вторая рассчитана на интеллектуальную и духовную элиту. Однако любопытно, как учение Шопенгауэра о сострадании, вписанное в современную теорию эмпатии, работает в условиях современной социальной изоляции. Мы можем наблюдать, как две стратегии нравственного поведения переплетаются и приобретают новую актуальность в связи с осмыслением современного уединения из чувства сострадания.

Чернядев Даниил Андреевич

обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ МЕЖДУ СУБЪЕКТОМ И СИСТЕМОЙ

Современный интернет является одним из важнейших источников получения информации. Для более молодых возрастных групп интернет является единственным истинным средством получения сведений. В связи с переходом многих СМИ, журналов и других субъектов занимающихся информированием в цифровой среде появилась необходимость регулирования данной деятельности во Всемирной паутине.

Основной проблемой, с которой сталкивается законодательство данного вопроса, что методы, которые предлагаются законом являются устаревшими. Ситуация складывается таким образом, что цифровая среда имеет определенные особенности, кото-

рые не позволяют регулировать её с помощью старых методов, которыми регулируют обычные СМИ.

Другой проблемой становится тот факт, что новые законы, которые направлены не на информационную среду в целом, а именно на интернет, также не адаптированы под особенности нового способа информирования.

Эти две основные проблемы не позволяют на должном уровне регулировать не только распространение новостной информации, но и создание развлекательного контента в виртуальном пространстве, что приводит к появлению многочисленных этических проблем. Затрагивая деятельность СМИ, мы сталкиваемся с такими этическими проблемами как: кризис публичной сферы и развитие постправды, распространение недоброкачественного контента. Данные проблемы связаны с тем, что законодательство не может справиться с теми особенностями которые существуют в цифровом пространстве. Также в данном вопросе, важен тот факт, что в интернете появляются новые виды источников информации. Одним из таких информаторов становится определенные персоны, которые обрастают публикой и начинают распространение своего мнения во Всемирной паутине, воспринимаясь публикой как эксперт или авторитет, но таковым, обычно, информатор не является. Также данный субъект зачастую не несет ответственность за свою деятельность, так как закон не регулирует в должной мере его деятельность. Таким образом мы получаем, что субъект «знающий»; полностью свободен в том, что он говорит, какие источники информации он использует. Поэтому информирующий может поспособствовать распространению недостоверной информации, что, например, приводит к развитию постправды.

Но в данной работе я хотел бы сфокусироваться на создании развлекательного контента в цифровом пространстве, который охватывает разные слои населения. Данные кейсы интересны тем, что в них системой регулирования контента является сама площадка, которая представляется субъектам выкладывать свое творчество. Зачастую фильтрацию производят алгоритмы, которые анализируют выпущенный материал на стоп- слова, наличия экстремистского(и другого нежелательного) контента и других запрещенных материалов.

Но с другой стороны, другие алгоритмы, которые занимаются распространением и продвижением информации, зачастую начинают поднимать в топ тот контент не самого качественного, который качественным назвать сложно. Это происходит из-за того, что контентмейкеры умело обходят центрирование контента, маскируя аморальные составляющие материала. Затем «творцы», зная, как работает алгоритм продвижения, начинают производить манипуляции, чтобы сам алгоритм продвигал их видео. Таким образом, популярность набирает контент, который имеет сомнительный характер.

Основными проблемами данных кейсов становятся, что субъект, который знает уязвимости алгоритмов, может использовать их в своих коммерческих целях, распространяя аморальный контент, и его деятельность не регулируется не на правовом и не на моральном уровне. Вторым фактом является уязвимость алгоритмов площадки, которые и должны предотвращать распространения некачественных материалов.

В итоге мы получаем картину, когда государственная система ни государственная система не может на данный момент предложить должного способа регулирования, ни площадки для размещения контента, как система фильтрации контента, не может защитить пользователей от распространения аморальных материалов. Данные кейсы поднимают вопрос размытия ответственности за распространение информации, так как с одной стороны и субъект ответственен за свой материал, но и с другой стороны и системы обязаны регулировать контент, но реальность такова, что ни контентмей-

керы, ни площадки не ответственными за информацию, размещенную в публичном пространстве, так как не существуют должного законного регулирования данного сегмента информационной среды

Шалагина Гульнара Эдуардовна

кандидат философских наук, доцент

Казанский национальный исследовательский технологический университет
**ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА: ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Практическая философия (этика) получила беспрецедентную значимость в постмодерном обществе в силу того, что темы смыложизненного поиска, счастья, путей достижения добра и избегания зла, путей и способов построения приемлемого общества (корпорации, организации) актуальны в силу текущих практических задач постиндустриальной (высоко модернизированной) экономики. Влияние новой постиндустриальной (высоко модернизированной), информационной, цифровой реальности таково, что сознание и морально-психологическое состояние человека, участника общественного производства в новых условиях стало производительной силой. От любой занятости в условиях «нематериального труда» эпохи постматериализма ожидается креативность, а творить, в силу природы творчества, могут только свободные и счастливые. Поэтому даже экономисты и политики изучают и принимают в расчет традиционные этические темы: смысл жизни, счастье, справедливость, доверие, солидарность, а также призывают к измерению уровня благосостояния общества не только в ВВП, а применяя индекс «общего благополучия». Поскольку культура начинает активно влиять на базис, а духовность участника общественного производства на конечный продукт, практическая философия (этика) из отвлеченного знания об идеальном благе превращается в интеллектуальный инструмент управления инновациями в условиях постиндустриального цифрового мира. Указанная роль практической философии особенно активна в новом направлении философии – философской практике. Это направление ведет свою историю с 1980-х – 1990-х годов XX столетия, а возможно и раньше, с 1960-х годов или даже с 1920-х годов этого же века [1, с. 124 – 125], а может быть еще раньше, начиная с самой первой артикуляции роли философа как правителя, мудрого управляющего в социально-философских концепциях Пифагора и Платона. Философ-практик работает на стыке академической философии и психологического, различного иного персонального и корпоративного консультирования. Вызовом и предметом философской практики, которая не ограничивается запросами частных лиц, является разрешение проблем с помощью философии в различных отраслях народного хозяйства транзитного общества. Результатом применения практической философии (этики) в области философской практики являются концепции корпоративных культур, системный анализ многофакторных организационных рисков и даже артикуляция корпоративных и отраслевых онтологий. Актуальным вопросом является перспектива институционализации философско-практического и практико-философского (этического) прикладного спектра деятельности в условиях либерализации постиндустриальных экономик.

Литература

1. Борисов С. В., Гинзбург Л., Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134.

Шеваренкова Анастасия Владимировна
обучающийся бакалавриата, 2 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОРАЛЬНОМ ВЫБОРЕ ЖУРНАЛИСТА

Кардинальное изменение медийного поля, произошедшее вслед за цифровой революцией, является проблемой не только теоретического, но и практического характера. Беспрецедентные для истории человечества возможность скоростной передачи данных и доступ к глобальной сети более чем 4,5 млрд человек ежедневно, с шансом для каждого из них стать автором собственного контента, привели, с одной стороны, к демократизации информационного поля, а с другой, к увеличению доли непроверенной информации, fake news, несоответствующих этическим нормам материалов.

Вместе с возможностью наиболее эффективно выполнять работу по информационному освещению событий, современный журналист получил постоянных соперников в лице блоггеров, опасность ошибок из-за быстрых и совершенных публично выводов, соблазн отказаться от профессиональной этики ради сенсаций, необходимых для того, чтобы удержаться в конкурентной борьбе. Кроме того, значительно выросли репутационные издержки: СМИ имели под собой «живой капитал», подписчиков, и в эпоху оффлайна, но теперь судьбы изданий куда больше зависят от мнения своих читателей, которые обладают широкой альтернативой выбора. Увеличивает стоимость репутационных издержек и тот факт, что вместе с возможностью стать единственным автором контента, тяжесть ошибки зачастую ложится на конкретного журналиста, если политика редакции не предполагает анонимности, другими словами, произошёл сдвиг с репутационно-корпоративных ценностей, к репутационно-личностным.

Стоит отметить, что, несмотря на всё свое разнообразие, этические кодексы профессиональных журналистов, сходятся в том, что к сфере ответственности журналиста относятся далекоидущие последствия публикаций: стигматизация тех или иных групп, религиозные или национальные распри, изменения (как негативные, так и позитивные) моральных норм в общественном сознании. То есть, журналистика является сферой деятельности, нацеленной на непруденциальные блага. Это обуславливает для неё важность таких понятий, как репутация, доверие, имидж, которые являются инструментарием для достижения поставленных перед журналистом задач.

Несмотря на все специфические сложности работы в условиях новых медиа, нельзя утверждать, что их появление стало непреодолимым препятствием для качественной журналистики. Именно этот факт и подводит нас к главному вопросу: каков мотив журналистов, которые продолжают придерживаться этических профессиональных норм сейчас? Риск репутационных издержек или же глубокое осознание ответственности перед обществом? К настоящему моменту, ответа нет – данная проблема нуждается в дальнейшем исследовании.

Шевченко Александр Анатольевич
доктор философских наук
ведущий научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
МОРАЛЬНАЯ УДАЧА КАК НОРМАТИВНЫЙ ВЫЗОВ

Удачу и случай можно объяснять по-разному – как волю богов, нарушение причинно-следственных зависимостей, распределение вероятностей, выигрыш в природной или социальной лотерее. Философские дискуссии о моральной удаче актуализировали

споры о самом статусе морали как нормативной системы самого высокого уровня [1, 2]. Моральность человека обычно не рассматривается как личная удачливость, мы не объясняем честность, щедрость, порядочность тем, что человеку просто «повезло» или «не повезло» с этими качествами. Поэтому как только мы допускаем удачу и случай в область моральных оценок, под угрозой оказывается вся система моральной нормативности.

С моральной удачей мы имеем дело тогда, когда удача, случай меняют нашу моральную оценку действия или субъекта этого действия. Проблема «моральной удачи» важна потому, что она вскрывает противоречия в наших моральных интуициях. Мы считаем несправедливыми моральные оценки за действия, находящиеся вне контроля человека, за случайные последствия, результат «везения» или «невезения». Одновременно с этим мы не можем, например, одинаково оценивать реально состоявшееся преступление и сорвавшееся в результате удачного стечения обстоятельств.

Для лучшего понимания проблемы перспективным выглядит вариант расширения этической проблематики в сторону эпистемологии. Сходства между моральной и эпистемической удачей (случайность истины и знания) достаточно очевидны, однако эти темы большей частью продолжают обсуждаться независимо друг от друга. Преимуществами такого подхода являются не только близость проблем и типовых решений, но и общее понимание того, как и на каких основаниях должны выстраиваться процедуры обоснования – рационального, морального, эпистемического. В рамках такого общего подхода придется отказаться от «условия контроля», поскольку произвольный, сознательный контроль над эпистемическими установками невозможен. Необходимо исследование как добродетелей, так и пороков (моральных и эпистемических), релевантных в первую очередь для обеспечения соответствующих процессов обоснования. Что касается моральной субъектности, то работа в традиции этики добродетели позволяет ослабить роль факторов удачи и случайности, благодаря переносу акцента с действий и их последствий на более фундаментальные характеристики – характер субъекта и его моральные диспозиции. Такой переход позволяет снизить степень зависимости от удачи, поскольку степень удачи в наших добродетелях и пороках меньше, чем в наших интенциях, действиях и их последствиях. Моральная удача предположительно обладает кумулятивным эффектом: [3, р. 72] – внутренние черты характера ведут к формированию диспозиций в определенных ситуациях, которые, в свою очередь, вызывают соответствующее поведение, которое уже влечет внешние последствия. На каждой стадии добавляются все новые элементы удачи, так что в наименьшей степени удача присутствует в чертах характера, а в наибольшей – в последствиях совершенного действия.

Литература

1. Нагель Т. Моральная удача // Логос. 2008. № 1. С. 174-187.
2. Williams B. Moral Luck // Moral Luck. Daniel Statman (Ed.). N.Y.: State University of N.Y. Press, 1993. P. 35-55.
3. Zagzebsky L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge Univ. Press, 1996.

Шиповалова Лада Владимировна
доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ. ОТ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ПОЗНАНИЯ К
РАСПРЕДЕЛЕННОЙ МОРАЛИ**

РФФИ №18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

Новые технологии, особенно в эпоху после научно-технической революции, существенным образом влияют на общественные практики и их нормы. Это справедливо и для цифровых технологий. Среди их функциональных характеристик исследователи отмечают возрастание скорости, объемов и вариативности в процессах счета, хранения информации, контроля деятельности и обеспечения коммуникации. Важным и отчасти неожиданным оказывается то, что цифровые технологии, предназначенные первоначально для достаточно узкого использования в научных и военных целях, приобретают публичное распространение и, в качестве таковых, определяющим образом воздействуют на деятельность современного человека во всех областях.

Сфера научной коммуникации также оказывается под влиянием цифровых технологий. Значение этого влияния задается именно публичностью цифровых средств коммуникации, а также прозрачностью и открытостью ими обеспечиваемыми. Среди конкретных областей влияния можно отметить следующие: 1) Формализованная научная коммуникация, связанная с публикационной активностью, а также ее использованием в научной политике в контексте управления научными исследованиями. Здесь цифровизация затрагивает как взаимодействие при обмене информацией, так и процедуры рецензирования, определения оригинальности и новизны при оценке научных результатов. 2) Неформальная научная коммуникация, в которой цифровые технологии способствуют преодолению пространственных границ, не требуя непосредственной близости для обмена идеями. 3) Публичная научная коммуникация, где цифра обеспечивает как вовлечение в научное исследование непрофессионалов в процессах гражданской науки, так и прозрачность для публики научных экспертных заключений.

Общий характер происходящих трансформаций в сфере научной коммуникации под влиянием цифровых технологий можно описать, используя концепт распределенного познания (*distributed cognition*). Этот концепт, введенный Э. Хатчинсом, раскрывает такую познавательную ситуацию, в которой когнитивные функции частично передаются техническим устройствам и, таким образом, создается действующая социально-техническая система. Причем, в отличие от понятия расширенного сознания (*extended mind*), введенного в когнитивных науках, распределенное познание предполагает, что центром социально-технической системы, решающей познавательные задачи, может и не быть человеческое сознание. В контексте цифровых технологий можно говорить об уместности дополнительного концепта – распределенной морали. При этом распределенными оказываются уже не когнитивные функции, но ценности или добродетели: эпистемические (объективность, организованный скептицизм, стремление к новизне), а также неэпистемические (честность, прозрачность), также характеризующие процесс познания и его результат. При этом возможны ситуации, когда обеспечение открытости результатов, честности и объективности принятого решения перепоручается технологиям, когда они оказываются неустранимым условием формирующегося в результате научной коммуникации доверия. В докладе будут

представлены этические и эпистемологические проблемы связанные с таким распределением морали в процессах, сопровождающих формализованную научную коммуникацию.

Шкаброва Мария Васильевна

обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА И ТЕХНОЛОГИИ. ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Когда и из чего возникла технология? Сложно воспринимать данное событие локально, учитывая, что одной из черт технологии является принципиальная концептуализация, как об этом пишет В.М. Розин [1]. Опираясь на работу того же автора, можно отметить, что технологический уклад актуализировался еще в древности. В области применения технологий включалось создание вещей и их материальное преобразование как наличных, но данные операции имели сакральный характер. В связи с последним замечанием, В.М. Розин утверждает, что так называемые «древние технологии» не были собственно технологиями, а оказались наделены этим значением в результате набрасывания на них современного концепта.

Тут хотелось бы обратить внимание на то, что мы уже сейчас понимаем технологию не просто как вещественное созидание, а как оперирование смыслами. Это позволяет не только сконструировать целостный технологический уклад, но и придать сущностям, его составляющим, соответствующие ценностные значения. Если смотреть на предмет с этой точки зрения, сакральный характер «квази-технологии» древности, на мой взгляд, с развитием технологий никуда не исчез. Его специфика, пишет В.М. Розин, заключалась в восприятии технических (буквально «искусственных», созданных человеком) объектов как живых существ. От себя хочется добавить: живых существ, с которыми можно вступать в общение. Этот объект способен рассказать нам что-то, раскрыть собственное значение. Именно поэтому он имеет ценность, которая способна влиять на человеческую жизнедеятельность; именно поэтому с ним нужно обращаться в соответствии с авторитетно установленными правилами, по существу своему имеющими этическую природу.

Для более позднего типа технологии, развившегося с появлением индустриального общества и путем внедрения средств машинного производства, оперирование смыслами сохранилось, поменяв направленность. Не сами предметы или верховная трансценденция диктуют нам правила их использования: сам человек совершенно творчески форматирует вещи и наделяет их ценностью, намереваясь придать описанному акту более-менее универсальный характер. Это связывается, прежде всего, с переосмыслением производственности в рамках капиталистического общества.

Так технология формирует новый уклад, одной из черт которого является стандартизация, что понятно ввиду увеличивающегося количества изобретений и их активного внедрения в повседневную жизнь человека. Затронутая возникновением своеобразной специфики устанавливающихся отношений, соответственно реагирует и область морали, например, формированием корпоративной этики, этики отношений продавца/покупателя.

Тут мы вынуждены проигнорировать довольно большой пласт рассуждений дабы перейти к чему-то более современному, иллюстративному и актуальному, а именно – цифровизации. Цифровые технологии вызывают у нас очень много вопросов и искреннего удивления. Каковы причины?

Согласно общепринятому утверждению, в области морали действуют специфические субъекты, которые наделяются теми или иными характеристиками, имеют свои границы активности. Внедрение и распространение цифровых технологий, на мой взгляд, размывают границы этой субъективности и ставят вопрос о ее содержательной трансформации. Иными словами, они делают возможным появление кардинально новой субъективности. Здесь можно было бы сослаться на акторно-сетевую теорию Латура [2]: все вещи принимаются как источники свободы и наделяются своеобразной активностью, которые ограничивают человека в обращении с ними. Нельзя просто использовать вещь, нужно считаться с вещью. Мне видится, упомянутые ограничения могут спровоцировать существенные изменения в системе ценностей современного общества.

Подводя итог, остается только указать на открытость вопроса о содержательной стороне влияния технологий на преобразование общей картины мира, в особенности на находящиеся в ее пределах сферы морали. Что касается моего личного мнения, без кардинальных перемен здесь обойтись не может.

Литература:

1. Розин В. М. Технология как вызов времени (изучение, понятие и типы технологий) // Философия и космология. 2017.;
2. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. №8.

Шова Марина Сергеевна

обучающийся бакалавриата, 2 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЛЖИ В ПОЛИТИКЕ

Ложь в политике относится к числу проблем, которые никогда не исчезнут из поля самых волнующих и обсуждаемых как в общественных дискуссиях, так и в научных исследованиях. Это актуализируется еще и тем, что парадоксальным образом в современном демократическом мире, казалось бы, самом открытом из известных вариантов политического устройства общества, используется почти столько же средств обмана, как в самых замкнутых и несправных системах.

Ложь является одним из самых распространенных явлений человеческих взаимоотношений. В политике она присутствует тоже, но, поскольку политика является связующим звеном всех сфер жизни общества, она воспринимается особенно остро и неоднозначно. Вообще, политические лидеры лгут по двум причинам: во благо себе или во благо других. Неправда во благо себе порицаема, и деятелей, использующих ее, именно по этой причине целесообразно убирать с политической арены, так как они, в большинстве случаев, просто преследуют собственные выгоды во вред всему социуму и государству. Второй же мотив есть как раз то, что способно морально оправдывать применение лжи в области политического.

Так, Дж. Миршаймер и Дж. Арбетнот в своих известных работах «Почему лгут лидеры?» и «Искусство политической лжи» попытались создать классификацию видов лжи. Как у одного, так и у другого рассматривается ложь для устрашения своего народа, а также как средство для его объединения. Четко выделяется, особенно у Миршаймера, ложь по отношению к другим государствам («Блеф в виде угрозы применить военную силу, хотя на самом деле государство не намерено развязывать войну», «Ложь с целью спровоцировать противника на начало военных действий» и др.).

Вводить в заблуждение противника, прежде всего, в лице политических представителей иных стран, намного сложнее, чем своих «подопечных», так как первые все-

гда этого ожидают, а последние надеются на то, что все им сказанное имеет правдивое значение.

Интересное предположение того, почему людям особенно не нравится, когда их обманывают политики, сделала отечественная исследовательница М.

Кукарцева. По ее мнению, дело заключается, прежде всего, в «обманутых ожиданиях», то есть, если они в повседневной жизни позволяют себя обманывать и врут сами, то в политике это происходит без их согласия. Существует еще одно предположение по этому поводу, которое высказывает А.А. Головицкая в своей статье «Ложь в политике: наказать нельзя, поверить»: у населения есть определенный запрос «на ложь, готовность ее воспринимать и необходимость в нее верить». Верить в возможность избрания хорошего лидера и руководителя, который сможет все повернуть в лучшую сторону, достичь блага для всего общества.

Ложь – это, действительно, сложное явление, в отношении которого мыслители и ученые придерживаются одной из противоположных точек зрения: «Уверенность в отрицательном влиянии лжи и необходимости очищения политики от нее» и «Ложь играет важную роль и является неотъемлемой частью политической деятельности». Они представлены в политической философии уже не одно тысячелетие, и, в силу их методологического различия, не предполагают достижение компромисса. Однако этот факт не означает, что исследование данного феномена утрачивает свою перспективность и его изучение становится эвристически бесполезным.

Шпеннгер Любовь Станиславовна
магистр практической философии

ГБДОУ №17 Невского района города Санкт-Петербурга, воспитатель **СТУПЕНИ АУТЕНТИЧНОСТИ: ОТ АΛΗΘΕΙΑ К САМОСТИ**

Концепция аутентичности включает наборы значений, которые охватывают широкий спектр определений: от подлинности и оригинальности [1] до точности и правдивости.[5] Во многих отношениях подлинность включает ожидание некоторого глубокого, правдивого и достоверного контекста, процесса или значения[3,4,6]. В сущностном пространстве значения аутентичность восходит к древнегреческой ἀλήθεια (нескрытое и раскрывающее) – познавательное действие через установку «раскрывая, сохранять связь с нескрытым в выявляющем сказывании».[2] Т.е. мы имеем дело с обозначением вещей, наименованием и приданием им сущностного через выделение известных («непотаянных») свойств. Наблюдаем акт мышления как «внимание сущностному» через «речение».

По мере совершенствования стержневых идей философии ἀλήθεια претерпела значительные изменения, тем самым позволяя проследживать восхождение мышления при параллельном содержательном преобразование понятия. Репрезентация понятия аутентичность от греч. ἀλήθεια через rectitudo в («себя-направлении-в-соответствии-с»), до лат. Veritas и adequate («душевно-умственное, совершающееся внутри человека») по пути внутреннего развития содержания от «нескрытости и непотаянности» как познавательного отношения «вообще» («раскрывающее отношение держится нескрытого и сообразуется с ним») к познавательному отношению, требующему «правильного употребления» (ratio) подразумевает каноны соответствия – конвенциональный аспект, рефлексивность и умственное-душевное усилие.

Рассматривая перспективы изучения подлинности как самости, можно констатировать содержательное многообразие, которое признает одновременное сосуществование более чем одного параллельного проявления аутентичности в любом из ее аспектов. Например, многие интерпретации подлинности предполагают эссенциальный

взгляд на себя, в котором истинная идентичность индивида противопоставляется недостоверности социальной самоидентификации. [3,4] Эта позиция противоречит идее о том, что самосознание является социальным. Вторая группа проблем связана с вопросами о том, способен ли дискурс аутентичности удовлетворительно ответить на вопросы о социальной природе человека и о том, можем ли мы игнорировать социальное измерение человека?

Некоторые интерпретации подчеркивают, что подлинность прямо зависит от «встроенности» человека в социальные практики, потому что именно они позволяют практиковать идентичность и формировать ценностную ориентацию. [6]

Обозначая аутентичность как социальную практику, имеется в виду, что определить кого-то как аутентичную личность зависит от того, признают ли другие его аутентичность. Нет смысла давать обещание быть честным, если нет того, в отношении которого можно было бы его дать и тем более нет смысла это делать, не имея таких оснований в отношении себя.

Бернард Уильямс пишет об этом так: «Мы нужны друг другу, чтобы быть кем угодно», а «быть кем-либо», напрямую зависит от идеала подлинности «быть верным себе». [6]

Представляя аутентичность как практику, которая является не только социальной, но и одной из важных сторон индивидуальной жизни, можно утверждать, что подлинная самость по своей сути затрагивает этические аспекты человеческого существования.

Литература

1. Гиньон Ч. Аутентичность = C. Guignon. Authenticity / пер. Кочнев Р. Л. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 66–74.
2. Хайдеггер М. Парменид / пер. с немецкого Шурбелева А.П. СПб.: Владимир Даль, 2009 г.- 382 стр.
3. Guignon C. Philosophy and Authenticity: Heidegger's Search for a Ground for Philosophizing // Heidegger, Authenticity, and Modernity: Essays in Honor of Hubert L. Dreyfus / Eds.M. A. Wrathall and J. Malpas. Cambridge, MA: The MIT Press. 1. P. 79–102
4. Guignon C. Becoming a Self: The Role of Authenticity in Being and Time // The Existentialists: Critical Essays on Kierkegaard, Nietzsche, Heidegger and Sartre / Ed. C. Guignon. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2004. P. 119–134.
5. Trilling L., Sincerity and Authenticity, Cambridge: Harvard University Press. 1972
6. Williams B. Truth and Truthfulness: An Essay in Genealogy, Princeton: Princeton University Press, 2002.

Штарк Елена Владимировна

старший преподаватель

Красноярский государственный медицинский университет

им. проф. В.Ф.Войно-Ясенецкого

РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (ВОЛОНТЕРСТВА) В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ 2020 Г.: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Весной 2020 г. весь мир столкнулся с неординарной ситуацией, связанной с пандемией вируса COVID-19, объявленной Всемирной организацией здравоохранения. В результате пандемии до сих многие страны продолжают пребывают в состоянии карантина, а где-то ощущаются серьезные негативные последствия, связанные с экономическими и социальными проблемами, вытекающими в массовую безработицу, кризисы системы здравоохранения, недовольством масс действующей политикой многих

государств, которые показали свою несостоятельность в критических условиях, а также серьезным обострением международной политической ситуации в мире. Каждая страна, безусловно, имеет свои особенности борьбы с экономическим кризисом и вирусом, необходимо понимать, что проблема является общей для всего человечества и, лишь объединив усилия, обмениваясь опытом и ресурсами, помогая друг другу, отдельные страны могут надеяться на победу в столь сложной борьбе за выживание, с которой сегодня столкнулся весь мир. Довольно активно, в сложившейся ситуации проявили себя добровольческие организации во всем мире, это и международные организации (Красный крест) и многие некоммерческие организации и фонды, которые осуществляют свою деятельность на федеральном и региональном уровне, а также частные лица, готовые с желанием помогать нуждающимся. Следует отметить, что в том числе, за последние годы со стороны российской общественности и государственной власти, особенно повышенное внимание к некоммерческим организациям и помощи добровольцев возрастает в периоды кризисных ситуаций, в частности 2020 год является ярким подтверждением данной тенденции. Так, например, 30 апреля 2020 Президент Российской Федерации В.В. Путин провёл в режиме видеоконференции встречу с участниками общероссийской акции «Мы вместе» по вопросу поддержки социально ориентированных организаций, по итогам видеоконференции был сформулирован необходимый комплекс мер поддержки НКО на уровне муниципальной и федеральной власти, а также некоммерческих организаций, коммерческих организаций различных форм организации, представителей сферы бизнеса, участвующих в благотворительных, добровольческих и социально значимых проектах. Кроме того, поправки к Основному Закону, принятые 1 июля 2020 г., об обязательной поддержке волонтеров и учет их позиции при определении курса госполитики призваны не просто отдать дань тысячам неравнодушных людей, но стать непоколебимым принципом взаимопомощи граждан в условиях любого кризиса. Также, следует отметить, что в условиях борьбы с короновирусной инфекцией особую роль продолжают играть студенты-медики. На начальных этапах борьбы с эпидемией одними из первых добровольцев выступали будущие врачи, что было особо актуально из-за острой нехватки медицинского персонала, которые встали на защиту здоровья граждан от новой инфекции. Безусловно, позднее принимаются государственные программы, поддерживающие инициативу медицинского добровольчества, но, тем не менее, осознавая высокий уровень ответственности и риски, связанные с работой в изоляции, студенты-медики понимают важность собственного активного участия в борьбе с инфекцией, а также колоссальный опыт, который они приобретают от подобной практики, в результате чего еще в студенчестве нарабатывают бесценный навык для дальнейшей профессиональной деятельности. Например, на протяжении всего периода, находясь в изоляции, студенты, ординаторы, аспиранты Красноярского государственного медицинского университета им. Проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого вместе с основным персоналом больницы оказывают медицинскую помощь больным короновирусной инфекцией и тем, кто ждет подтверждения диагноза, количество добровольцев студентов-медиков постоянно растет (с мая по сентябрь увеличилось в 5 раз, на сентябрь составляет более 1000 человек). Стоит отметить, что все те, кто работают в инфекционных изолированных отделениях, прошли обучение по COVID-19. Хочется надеяться, на позитивное развитие добровольческой инициативы в нашей стране в целом, и что конституционные поправки станут стимулом развития гражданского общества России уже в ближайшем будущем; что мир, находясь под впечатлением от последствий эпидемии, будет благодарен за труд и инициативу тех, кто, не теряя времени, в первую очередь стремился спасти здоровье и жизнь человечества.

Щенина Дарина Алексеевна
обучающийся бакалавриата, 4 курс

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
КУЛЬТУРА ИНФЛЮЕНСЕРОВ: НУЖЕН ЛИ БЛОГЕРАМ ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС?

Сегодня мы живем в культуре инфлюенсеров – людей, обладающих большой лояльной аудиторией, которая доверяет их мнению и на которую инфлюенсер может оказывать то или иное влияние. Автор (блогер) публикует информацию на популярной онлайн-площадке, другие пользователи читают, смотрят, подписываются, оценивают и комментируют его контент. Со временем вокруг личности формируется определенное сообщество, которое прислушивается к транслируемым блогером мыслям.

Блогосфера по праву считается наиболее свободным местом для самовыражения. Волен ли каждый блогер писать в своем блоге/канале/чате все, что угодно? Нужен ли блогером кодекс, который будет регламентировать их творческую деятельность?

Согласно опросу, проведенному британской организацией «YouGov» в 2012 году, 46% опрошенных поддержали идею кодекса, а против высказались всего 4%. 42% респондентов посчитали, что к блогерам должны применяться те же нормы закона, что и к журналистам. Отсюда встают вопросы о необходимости этики блогеров и родстве профессиональной этике журналистов и профессиональной этике блогеров.

Дэн Гиллмор большую часть своей жизни занимался журналистской этикой и он считает, что все кодексы преследуют одну важнейшую цель: добиться доверия (публики, общества, конкретного человека) Исходные основания хорошей журналистики: скрупулезность, точность, честность, открытость и независимость. Если разобраться деятельности журналистов и блогеров, то можно понять, что эти виды деятельности можно считать родственными и, следовательно, указанные выше правила можно применить и к блогерам.

Еще в 2008 году в США задумались над формированием неких этических принципов блогера. Тим О'Рейлли Джимми Уэйлс заявили, что блогосфера нуждается в подобном своде правил для всеобщей безопасности. Итогом коллаборации стали семь правил поведения блогера, которые преследовали следующие цели: 1) создание возможности открытого и честного диалога. 2) создание культуры, которая поощряет как личное самовыражение, так и конструктивный разговор». Эти принципы остаются актуальными и по сей день, но прогресс в блогосфере требует их модернизации и углубления.

2 самых «узких места» с точки зрения этики – сфера рекламы и инфобизнес. Чаще всего, выбирая между доходом и качеством товара/услуги, а также собственной совестью, блогеры выбирают первое.

Публикация у крупного блогера по охватам может достигать десятков тысяч просмотров, что в разы больше, чем у газет или выпусков новостей. При этом рамки морали и нравственности сужаются до взглядов одного человека – блогер руководствуется собственным мнением и интересом аудитории. Мы часто можем наблюдать дезинформацию и фальсификацию со стороны блогера.

Чтобы достичь максимальной популярности, блогеры активно выпускают свои собственные инфопродукты – гайды, курсы, программы, марафоны и др. Но в большинстве случаев эти продукты низкого качества, а иногда и такие, что могут принести вред здоровью физическому и моральному.

На данный момент в практике российского блоггинга нет регламентации деятельности блогеров. Но с каждым днем вопросы ведения блогов, и функционирования на онлайн-площадках становятся все более актуальными и острыми.

Таким образом, вопрос о том, нужен ли российской блогосфере профессиональный этический кодекс или нет, пока остается открытым. Каждый блогер имеет право вести блог так, как ему хочется. Однако не стоит забывать о том, что блог должен вестись согласно моральным и этическим нормам и законам. Мощным рычагом давления на блогера уже сейчас становится его аудитория – она все более требовательная, явные нарушения рамок дозволенного непременно сказываются на бренде блогера и на количестве его читателей. Такие нарушения обходятся блогеру дорого, он старается не совершать их, а совершая, признавать свою неправоту и просить прощения у своей аудитории.

«CONCEPTUALIZING INTEGRITY OF SPORTS: MULTIPLE PRACTICES AND APPROACHES»

РФФИ №20-311-90002

материалы круглого стола

Chia-Ting Sun

Ph.D., Doctoral Candidate

Graduate Institute for Social Research and Cultural Studies,

National Chiao Tung University, Taiwan

TAKING GENE DOPING AS A ROUTE FOR THINKING: ETHICAL DILEMMAS AND CHALLENGES IN THE FIELDS OF CONTEMPORARY SPORTS

The nature of this study is to concern the applied ethics of emerging technologies and the moral issues in contemporary sports fields. The problematic is originated from the review of the Prohibited List which is published by World Anti-Doping Agency (WADA) over the years when I went to the Olympic Studies Centre, Swiss. The emergence of gene doping and the revision of related regulations reflects the increasing influence of genetic technology in the sports fields. But the ethical challenges that it may cause seems have not received universal attention. How do gene doping and gene technology becoming the new reality of sports fields? How do we deal with this new reality? These are the main questions that emerged from it. To preliminary respond to these questions, literature review is used firstly to explore the opportunities and harms that gene doping may bring to us, and then I will discuss the focused topics related to genetic technology in recent sports fields, and how the categories we still not touched yet as a limit for us to know the gene doping. Finally, the documentary analysis is used as research method to analyze the regulation changes of gene doping. The Prohibited List of WADA and the texts which collected from the database of the Olympic Studies Centre are the main materials. This study believes that the emergence of gene doping is under a complicated background including the rapid development of science and technology, the spoiled definition of winning and people's intention of self-transcending. In the era of genetic technology, we are facing the new interaction between technology and mankind. Both the living conditions of human beings and the biotechnology revolution in the sports fields are showing the urgency that to reposition the value of sports and to reconstruct the governance policies and ethical framework in the sports fields. Since there is still a lack of research in this aspect, the potential contribution of this study is to provide a possible route of thinking and understanding.

Emese Ivan

Ph.D., Associate Professor, Associate Dean of College

St John's University

GAME CHANGERS IN SPORT: THE ETHICS OF INNOVATION, CREATIVITY, AND ENTREPRENEURSHIP

Sport is part of the social fabric of society and plays an important role in fostering ethical behavior. This is evident as Austin (2017) states that there are «prominent moral failings that exist in and around sport». Ethics is an important issue in sport and is constantly changing due to technological advances. The ethics of sport changes with new knowledge developed about appropriate codes of conduct. Sport has unique characteristics, which impact the development of entrepreneurship (Ratten 2011). There are differences in sport compared to other sectors due to the role institutions play, which requires a focus more on the context of sport to develop new theories about entrepreneurship. It is clear from the

current rise in research about sports entrepreneurship that more theoretical and practical development are needed. The aim of this paper is to pay attention to the newest developments in sport as a result of creativity, innovation on behalf of participants as well as unintended consequences of disruptions happening in sport external environment – specifically addressed from the perspective of ethical decision making in sport.

The ethics of sport refers to the ways of regulating behaviors and expected conduct in games involving physical or mental activity. This paper describes sport ethics as a distinctive discipline that plays an important role in influencing other sport fields and is entrepreneurial in three main ways. Firstly, through deliberate action about the need for change and innovative thinking about the role of ethics in sport. This means that there can be a purposive approach to integrating entrepreneurship in sport ethics to provide a way to understand future behavior. This involves looking at actions sport entities are taking in terms of being more proactive about future ethical issues. In addition, it helps provide a sense of vision about the role ethics plays in the development of sport. Secondly, there are unplanned or accidental forms of entrepreneurship in sport ethics. This occurs when inadvertently there are changes required in the understanding of ethics in sport due to technology advances. As technology is altering quickly there needs to be societal changes about ethical decision making. This means often sport ethics is reactive instead of proactive about decisions they make in terms of regulations. Thirdly, there are evolutionary forms of entrepreneurship in sport ethics. This means that there are developments about people's perceptions of sport ethics in terms of how it is embedded in society. Some beliefs about ethics in sport are traditional and culturally based that take time to change. However, other values are tied to the way sport is seen in society.

Sanjay Tewari

Ph.D., Professor

Managing Committee Member, Life Insurance Corporation of India;

Faculty Member, Indian Sociological Society

Sanjana Tewari

MA, Ph.D. Candidate

University of Milano Bicocca

FIXING: MENACE TOWARDS INTEGRITY OF THE INDIAN SPORT'S

Sport is a competitive physical movement intended to use, preserve or advance physical capacity and capability and renders entertainment to participants. Progression of sports has marked a new era of providing worldwide entertainment to the audience and the spectators. The content of amusement factor has augmented to such a terrifying degree that now sports has abandoned its factual good value and entered the entertainment field solely. The Indian Premier League is the major illustration of this where wealthy businessmen to top celebrities invest their golden destiny to entertain the audience via cricket. Such a scenario, where millions of rupees are at stake, is the nesting ground for corruption, cheating and betting. In organized sports like cricket, football, basketball etc. match fixing and gambling has become the part and parcel. The aim of this paper is to significantly examine the existing legal framework and concepts related to match-fixing in India and urge imposition of criminal liability on match-fixing by effective legislation specific to this issue. After doing so, this paper provides abundant propositions and recommendations that can be imposed as momentary measures until such a law is made and also after commencement of the same law.

Васильев Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

СПОРТИВНАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ VS. УЗКОЕ ПОНИМАНИЕ INTEGRITY

Integrity (можно перевести как «целостность») сегодня некоторыми спортивными юристами открыто называется как принцип *lex sportiva*, сформировавшийся на основе специфики спорта и отличающийся от фундаментальных и отраслевых принципов права. Тем не менее, понимание содержания integrity далеко от консенсуса. Точнее, определенное согласие спортивных юристов наличествует, но оно отражает вынужденную узость взгляда на данный принцип. Иначе не договориться о том, что представляет собой integrity и для чего может быть она использована в процессе нормативного регулирования спортивных отношений и разрешения вытекающих из них споров. Об integrity вспоминают, когда говорят об антидопинговом регулировании, о противодействии манипулированию результатами соревнований и различным формам коррупции в спорте. Таким образом, integrity выводят от обратного, то есть от определённых нарушений-вызовов особым ценностями спорта, представляющих собой фасад пирамиды управления в спорте. Возможно, здесь мы обнаруживаем следы влияния разницы смыслов в английском языке для рассматриваемого понятия, включая такие как «честность», «чистота», «полнота». Вполне очевидно, что перечисленные нами нарушения не просто негативно влияют на «честность» спорта или его «чистоту», но и представляют собой риск полной элиминации такой составляющей для достижения партикулярных неправовых интересов.

Не имея ничего против вытеснения за пределы спорта общественно опасных проступков, всё же выступим против узкого понимания integrity как обоснования преследования неприемлемого поведения. Представляется, что целостность спорта (именно поэтому мы остановились на таком переводе integrity) заключается в обеспечении справедливости для всех вовлеченных субъектов. Базовый перечень содержания integrity при таком подходе видится следующим: справедливые правила организации и проведения соревнований, способы участия в соревнованиях и достижения результатов, правила посещения болельщиками соревнований и выражения своей связанной со спортом позиции. Перечисление можно продолжить и индивидуализировать в зависимости от вида спорта: справедливость всегда должна отражать не только общее, но и частное. Давайте назовём это уровень обеспечения целостности соревнований – создания её нормативных основ. Но остаются вызовы и спорту, и ситуация объективно вызывает ко второму уровню integrity – защиты спорта как противодействию не только самым «общественно опасным», а в целом – всем проступкам в сфере спорта. Предложенное выделение внутри целостности двух стадий расширяет горизонт её использования в качестве принципа *lex sportiva*, а значит и аргументации в процессе нормотворчества и последующего принятия спортивными инстанциями административных и правоприменительных решений.

Гонашвили Александр Сергеевич

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ ФЭЕР ПЛЭЙ В ФОРМИРОВАНИИ СПОРТИВНЫХ ПРАКТИК

РФФИ №20-311-90002 «Спортивная социализация российской интеллигенции: проблемы, вызовы, противоречия»

Фэер Плэй являлся неотъемлемой частью спортивной философии. Принципы честного спорта были представлены миру впервые ещё Древними Греками, где стадион

для них являлся ареной для честного спортивного состязания. Но в наше время ситуация изменилась. Базовые ценности, философия спорта и реальные ценности спортсменов противоречивы и диалектны. Это связано с тем, что современный спорт как феномен культуры, появившийся в середине XIX века, является продуктом индустриального общества, товарного производства, и понять его генезис в XX веке не возможно вне исторического контекста цивилизации. Вследствие вышесказанного можно сделать вывод, что спорт и спортивное движение, всё больше является продуктам рыночных отношений. Благодаря росту горизонтального и вертикальной социальной мобильности спортсмена в середине XX века престиж спортивной коммерческой деятельности стал быстро расширять свою сферу. В наше время для признания достижений спортсмена необходимы как материальная, так и социальная поддержка, дабы затраты и вознаграждения со стороны государства и/или общества, выступали как форма признания общественной ценности таких достижений. Принципы Фэр Плэя, являются признаками противовеса эгоизма атлетов в спорте. Нравственно-этические признаки Фэр Плэя, являются теми формами проявления спорта, что делает спорт не средством производства и потребления максимума физических возможностей, а делает его частью культурно-духовной ценностей.

Синютин Михаил Владимирович

доктор социологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОТИВОРЕЧИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНТЕГРИТИ СПОРТА КАК ВЫРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В последнее время повышенное внимание приковано к определению интегрита спорта. Этот интерес заметен как на уровне спортивной практики (ассоциации, федерации, организации и пр.), так и на уровне научной литературы (социология, этика, юриспруденция). Общая тенденция состоит в обозначении двух полюсов определения, что можно принять за свидетельство наличия противоречия в теоретическом осмыслении данного явления. Причем дело вовсе не сводится к примирению двух различных мыслительных абстракций. То, что выявлены два различных, противоречащих друг другу определения интегрита спорта следует рассматривать не как показатель ложности одного из них и истинности другого, а как противоречие, вытекающее именно из односторонней абстрактности существующих определений. Следовательно, существующий уровень познания данной проблемы еще не выражает всю полноту конкретных условий и обстоятельств, окружающих явление интегрита спорта. Для того чтобы выйти на более высокий уровень осмысления проблемы надо прийти к пониманию реального противоречия, существующего в спортивной жизнедеятельности современного общества, и объяснить ситуацию с определениями как проявление этого реального социального противоречия. Отчасти к данному выводу подводит опыт социологических усилий по определению сущности спорта.

Противоречивость спорта обнаружил в первой половине XX века еще Хейзинга (Хейзинга 1992: 224), что было поддержано в той или иной степени Кайуа (Кайуа 2007) и Юнгером (Юнгер 2012: 302), а позднее развито Стоуном (Stone 1955) и Гоффманом (Goffman 1961), а совсем недавно Гуттманом (Гуттман 2014). Попытки придать определению спорта более комплексный характер, наиболее успешно представленные в работах Лойа (Loy 1968), привели к потере понимания противоречивости спорта как источника его развития. Данные примеры свидетельствуют об устойчивости попыток

рассмотрения спорта как противоречия, даже при ограниченности самих способов рассмотрения.

Представляется, что в основе развития спорта лежит противоречие состязательности и публичности. Переход атлетической игры из состязательности в публичность определяет воспроизводство спорта как социального явления. В форме состязания спорт как атлетическая игра существует в отношениях участников, в их взаимном признании игрового пространства, регулируемого честностью. В форме публичности спорт регулируется общественными институтами, имеющими единую цель в обеспечении публичного признания и интереса.

Также как для спорта важен переход игры в публичность, для интегрити спорта важно движение регулятора из внутренней формы принципов честности соревнующихся во внешнюю форму публичного признания. Честность участников состязания друг по отношению к другу, формирующая спорт как поединок, не может служить регулятором публичной сферы. Но спорт, развивающийся благодаря переходу поединка в публичность, сталкивается с задачей представить честность на другом социальном уровне в институциональной форме, позволяющей признать победу значимой не только для соревнующихся, но и для публики. Наконец, при анализе современных документов различных спортивных организаций очевидной становится запрос на преобразование и регулирование публичной сферы спорта таким образом, чтобы честность игры не нивелировалась общественными институтами.

Литература

Goffman E. Encounters. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961.

Loy J. The Nature of Sport: A Definitional Effort // *Quest Monograph*, № 10, 1968, pp. 1-15.

Stone G. P. American Sports: Play and Display // *Chicago Review*, № 9, 1955, pp. 83-100.

Гуттман А. Игра, забавы, состязания, спорт // *Логос*, № 3(99), 2014.

Кайуа Р. Игры и люди. М.: 2007.

Хэйзинга Й. *Homo Ludens*. М.: Прогресс, 1992.

Юнгер Ф. Г. Игры. Ключ к их значению. СПб.: Владимир Даль, 2012.

«КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

материалы круглого стола

Ананьева Екатерина Михайловна

кандидат философских наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ WIRKUNGSGESCHICHTE

В ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х.-Г. ГАДАМЕРА: ЕЩЕ РАЗ О ФОРМАЛИЗМЕ В ЭТИКЕ

Этический формализм в контексте гадамеровской герменевтической концепции – полемический тезис. Если параллели между программой обоснования философской герменевтики и этической теории обнаружить не так сложно – продуктивные идеи на этот счет можно отыскать в диссертации «Диалектическая этика Платона» и в полемических выступлениях, рождавшихся в ходе обсуждения «Истины и метода» (например, «О возможности философской этики» 1963 года), то вопрос о формализме в этике, как кажется, может быть затронут Гадамером лишь в исторической перспективе. В самом деле, среди философских портретов (в цикле «Философских встреч») в десятом томе собрания сочинений («Hermeneutik im Rückblick») можно отыскать эссе о Максе Шелере. Упоминание о нем, конечно, не обходится без ссылки на спор о «материальной» и «формальной» этике. Но по первому впечатлению, весь теоретический горизонт, из которого возможно это предложенное Шелером различие, неотъемлемо связан с неокантианскими философскими гипотезами. Если же судить по критическим высказываниям Гадамера против неокантианской программы, обильно представленным и в «Истине и методе», и в работах разных лет, то точки пересечения герменевтического прочтения историзма (концепции «деятельной истории» – Wirkungsgeschichte) и формализма в этике обнаружить не удастся. В своем докладе я попытаюсь обосновать альтернативную гипотезу. Не требует специальных усилий доказательство того тезиса, что истоки многих идей и аргументационных ходов, использованных Гадамером в «Истине и методе», можно отыскать в его ранних философских работах. «Гадамер до Хайдеггера» (как изящно обозначил эту страницу творческой эволюции немецкого мыслителя его биограф Жан Гронден) предоставляет обильный материал для того, чтобы понять этого автора «лучше, чем он сам себя понимал». В докладе предполагается разобрать в заявленном контексте несколько самых ранних печатных публикаций Гадамера. В первой из них – рецензии в «Логосе» 1924 г., посвященной анализу «Метафизики познания» Николая Гартмана, мы обнаруживаем развернутое обсуждение идеи предпосылочности (или свободы от предпосылки) философского познания – с полемикой вокруг гипотезы «Standpunktfreiheit» Гартмана. В следующем опубликованном сочинении («К идее системы в философии», в сборнике к 70-летию П.Наторпа) мы находим очень внятно представленную позицию автора не только по проблеме истины (что хорошо знакомо преданному читателю Гадамера по его работам разных лет), но и – что менее тривиально – по проблеме метода. И хотя в заявленных в обоих работах позициях заметны следы будущего «фирменного» риторического стиля немецкого мыслителя – понятия «Logos» и «уникальность индивидуального» занимают в них почетное место, – но совершенно иначе выглядит тематический горизонт отстаиваемых автором герменевтических идей. Вильгельм Дильтей, верный соратник и вечный оппонент построений Гадамера, представлен в этих ранних работах не в контексте предложенного им различия объяснения и

понимания, естественных и гуманитарных наук, а как автор диссертации об этике Шлейермахера. Более того, Гадамер «до Хайдеггера» не обнаруживает в герменевтических концепциях эпохи раннего немецкого идеализма ничего похожего на «субъективизацию», «психологизацию» и прочие порочные заблуждения «романтической герменевтики», а только лишь свой особый тренд в критике кантовского формализма в этике. Шлейермахер, прочитанный через призму работ Наторпа, получает здесь слово как оппонент кантовской законосообразности воли, предлагающий свою формулу законодательства практического разума, этику как «общую логику действия, взятую со стороны формы, то есть Logos'a», свою формулу индивидуального всеобщего. И представляется, что это присутствующее в ранних работах толкование не исчезает полностью из теоретических построений философской герменевтики, а только присутствует в них как неочевидный контекст

Апресян Рубен Грантович

доктор философских наук, профессор

заведующий сектором этики Института философии Российской академии наук

КОНЦЕПЦИЯ МОРАЛЬНОЙ ИМПЕРАТИВНОСТИ

В ЭТИКЕ ДЖОЗЕФА БАТЛЕРА

РФФИ №18-011-00297/19 «Моральная философия раннего Нового времени: ключевые характеристики, основные идеи и тенденции»

Понимание Дж. Батлером (1692–1752) морали отличает особого рода императивизм: все элементы природы человека выполняют роль регуляторов действий. При этом совесть как высший рефлексивный принцип, а также себялюбие и благожелательность выступают регуляторами по отношению к склонностям. В целом, мораль у Батлера это способность человека к саморегуляции поведения с целью достижения добродетели. Императивность предстает у Батлера как важная составляющая внутреннего опыта человека, который по сути оказывается опытом самосознания.

Моральная способность проявляется в этике Батлера как способность саморегуляции. В отличие от Гоббса или Мандевилля, которые также признавали что мораль – это регуляция поведения, но укореняли в активности тех или иных социальных агентов (в первую очередь государства), Батлер связывал функцию императивности морали с самой личностью – саморегулирующейся, самозакондательствующей и уже в этом смысле автономной. Батлеровский индивид – изначально наделен естественной конституцией, которая задает ему закон и правила его поведения. Но даже данные природой, или заложенные Творцом принципы поведения могут работать при условии сознательного и разумного их осуществления самим моральным агентом, причем в качестве своих собственных, как бы им самим выработанных. Моральная императивность, сколь различно ни интерпретировалась бы ее природа, может быть действенной лишь при условии ее актуализации индивидом, при его намеренном присвоении статуса морального агента.

Батлер проводит свое рассуждение в недвусмысленно определенном нормативно-этическом контексте – это контекст христианских ценностей. Он разъясняет свои исходные «метаэтические» положения на материале частных моральных проблем – страдания, негодования, прощения, самообмана, милосердия, благоговения. В этом смысле его нравственные и этические приоритеты очевидны. Однако говоря о регулятивной активности способностей человека, о его саморегуляции, Батлер не видит необходимости демонстрировать, с помощью собственно каких рефлексивных и этических средств, находящихся в компетенции морального агента, эта регуляция осуществляется.

Многими исследователями Батлер как моральный философ рассматривается в перспективе к Канту. Но именно Кант, также обсуждая мораль во многом на уровне сознания индивида, хорошо показывает, с помощью каких рефлексивных и этических средств индивид мыслит морально. Моральное мышление, как Кант показывает в учении о категорическом императиве, обеспечивается двояко: во-первых, нормативно – в формулировках принципов категорического императива, а, во-вторых, процедурно – посредством описания того, как этими принципами необходимо пользоваться. Причем их использование вменяется моральному агенту. Одним из таких рефлексивных механизмов, по Канту, является так называемый тест на универсализуемость, применяя который, моральный агент может определить, насколько адекватно он осуществляет саморегуляцию, а именно: насколько отбираемые им принципы действия отвечают критериям моральности. Ничего такого у Батлера нет. Как нет и у мыслителей его круга – Шафтсбери и Хатчесона, шире, Рида. Некоторые элементы формализации морального мышления, нормативного и процедурного, встречаются у Юма и Руссо. Только у Канта они были концептуально представлены. Можно допустить, что Батлером предполагаются определенные нормативные инструменты, с помощью которых совесть осуществляет свою контролирующую функцию. И это – принципы себялюбия и благожелательности.

Императивность у Батлера носит интровертированный, или саморефлексивный характер. Она никак не опосредована коммуникативными или социальными связями морального агента. Батлер неоднократно отмечает, что человек – общественное создание, т.е. живущее в обществе и в связи с другими людьми. Такова его природа. Социальность морального агента проявляется в его направленности на других и на общество. Батлер не доводит это положение до понимания значения взаимодействия (на межличностном или социальном уровне) как фактора моральности деятеля, как фактора действительности моральной императивности. Понимания этого (в разных формах легко прочитываемого у Локка, у Шафтсбери, у Хатчесона) у Батлера его нет. Но это так, если ограничиваться его рассуждениями, направленными на раскрытие природы человека и роли совести в ней. Если же обратиться к его пространным рассуждениям о любви к ближнему, возмущении, прощении и сострадании, то возможные выходы в этике Батлера на проблематику социальности могут быть представлены достаточно ясно.

Барташевич Татьяна Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.)

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

Доклад представляет собой изложение результатов продолжающегося научно-теоретического семинара на тему «Моральное сознание: категориальное измерение (на основе анализа русской этической мысли конца XIX – начала XX веков)», организованного исследовательским коллективом в рамках гранта РФФИ «Категориальный строй русской этической мысли» на базе Института философии СПбГУ совместно со студентами 3 курса направления подготовки «Прикладная этика» и 4 курса направления подготовки «Философия».

В задачи научного семинара входило разработать исследовательскую методологию и на основе контекстуального и концептуального анализа трудов представителей русской школы философии права выделить явления морального порядка, которые на

уровне теоретической рефлексии могут быть представлены в качестве нравственных понятий и категорий, выявить предметное поле категорий и объем понятий. Целостный категориальный анализ трудов русских мыслителей рубежа веков, прежде всего, выявление основополагающих концептов, структурирующих предметное поле социальной этики, видится актуальным, значимым для современного развития прикладных этических исследований и теоретических разработок.

Исследовательской базой послужили тексты русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. – Кавелина К.Д., Чичерина Б.Н., Соловьева В.С., Трубецкого Е.Н., Новгородцева П.И., Франка С.Л., Ильина И.А., Алексеева Н.Н. В сочинениях обозначенных представителей русской школы философии права с наибольшей проблемностью и полнотой представлена рефлексия общественной нравственности, соотношения индивидуального и общественно в морали, субъективного и объективного, рассмотрены нравственные механизмы социальных взаимодействий морали.

Основные теоретические итоги научного семинара: русская мысль концептуализировала социально-этическую проблематику в четко выстроенной терминологической системе. Основным терминологическим рядом выступают следующие понятия «социальная этика» (С.Л. Франк), «прикладная этика» (Вл. Соловьев), «нравственный быт», «нравственная жизнь общества», «человеческие союзы» и ряд других понятий. На основе анализа текстов русских философов были выявлены системообразующие концепты, определяющие предметное поле социальной этики: это концепты общественного идеала, этоса права, правосознания, солидарности и свободы, аргументирована их взаимосвязь и взаимообусловленность. Ценностное содержание общественной морали раскрыто через концепты солидарности и свободы, которые рассмотрены в социальном измерении. В качестве системообразующего концепта общественной морали в сочинениях русских мыслителей рубежа XIX-XX веков можно выделить концепт общественного идеала.

Бердаус Светлана Владимировна

кандидат философских наук, младший научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

ЭТИКА Э.ГУССЕРЛЯ: МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЕЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ

РФФИ №20-011-00911 А «Предпосылки формирования феноменологической философии и перспективы феноменологического метода»

Положение этики в начале 20 века можно оценивать как кризисное. Помимо социокультурных факторов, оказывавших влияние на моральное сознание европейского человека, фундаментальным основанием для кризиса этики представляется достигшая высокого уровня сегрегация разума, воли, эмоций, что было отражением нововременной тенденции на идеализацию рациональности и отбрасывание воли и чувств как ненадежной и изменчивой эмпирии. В такой атмосфере вызывают большой интерес те соображения, который Гуссерль высказывает в своих ранних лекциях по этике. Мы видим возвращение к целостной гомогенной структуре, правда, не души, а сознания. За счет идеи гомогенности, Гуссерль находит компромисс в традиционном споре этики разума (Кант) и этики морального чувства (Юм). Включив в сферу интенциональности эмоции как трансцендентальный феномен, Гуссерль намерен установить баланс между рациональным и нерациональным. Идея формальности нашла свое отражение в убежденности Гуссерля, что этике недоставало определенных дисциплинарных рамок, которыми обладала логика: «в этической сфере, в сфере рациональной практики должно быть что-то вроде аналитики, что-то вроде формальной практики, комплекса принципов и законов, которые абстрагируются от «материи» практики и выражают

закономерности в чистой форме, аналогично тому как формально-логические законы поступают относительно знания, абстрагируясь от так называемой материи знания» [1. С. 37]. Гуссерль устанавливает так называемый параллелизм теоретического, практического и аксиологического разума (без идеи автономии, свойственной Канту) и переплетение соотносимых с ними нозтико-ноэматических актов сознания.

Однако может ли эта этическая программа феноменологии дать какие-то практические результаты? Представляется, что ответ будет отрицательным: когда мы сталкиваемся с этикой Гуссерля, мы очень четко видим, что она не выходит за рамки трансцендентальной субъективности, мы тесно зажаты в области абсолютного сознания, из которого очень слабо просматривается доступ к простой человеческой природе, которая собственно и вопрошает философские умы о том, как быть. Таким образом, можно сказать, что этика Гуссерля – это всё та же феноменология, которая простирает свой инструментарий на трансцендентальные феномены эмоционально-волевой сферы.

В то же время в течение трансцендентального периода, а также в более поздних работах Гуссерль говорит о том, что трансцендентальная философия (феноменология) как наука о трансцендентальной субъективности тождественна трансцендентальной психологии. Естественно, трансцендентальный психолог может осуществлять свою деятельность только в рамках процедуры эпохе. В «Кризисе европейских наук» Гуссерль, предвосхищая напрашивающийся вопрос, пишет: «но теперь нам зададут вопрос о том, как чистая психология [имеется в виду трансцендентальная психология – наше прим.], вместе с трансцендентальной субъективностью покинувшая почву мира могла бы послужить психологу в его позитивной работе именно на этой почве» [2. С.427]. Ответ Гуссерля таков: «каждое новое трансцендентальное познание в силу сущностной необходимости обогащает содержание человеческой души. Ведь как трансцендентальное Я я остаюсь тем же самым, которое в мировой сфере есть человеческое Я. То, что было от меня скрыто в сфере человеческого, я раскрываю в трансцендентальном исследовании... <...> все принадлежащее миру имеет свои трансцендентальные корреляты, и с каждым новым их раскрытием у исследователя людей, у психолога, появляются новые определения человека в мире». [2. С. 430]. Другими словами, Гуссерль настаивает на том, что даже практикующий психолог должен работать именно в рамках своей трансцендентальной субъективности, как бы «вводя» душевный мир пациента в качестве «интенционального импликанта» [2. С. 421] в свою интенциональную жизнь.

Такая установка и такая методология на первый взгляд может показаться слабо реализуемой на практике. Однако, такие направления современной психологии как гуманистическая и экзистенциальная своим возникновением и развитием показали, если не полную реализуемость, то как минимум взятие за основной ориентир принципов феноменологической психологии. И главное здесь то, что эти направления психологии использовали такой важный потенциал феноменологии как возможность наложения этического на рациональное, т.е. наметили новый подход к психологическим проблемам человека, а именно, этический.

Литература

1. Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914 (Husserliana, Gesammelte Werke, Bd. 28), hrsg. von U. Melle. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 1988.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д.В. Кузница. СПб.: Наука, 2013. 494 с.

Виноградова Ольга Андреевна
аспирант школы философии,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
стажёр-исследователь ИГИТИ им.А.В.Полетаева,
ассистент кафедры философии и биоэтики Первого МГМУ им.И.М.Сеченова
**МОРАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПЕРВОЕ ПРАВСТВЕННОГО
ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА
В РАБОТАХ НИКОЛЯ ДЕ КОНДОРСЕ**

Доктрину Николя де Кондорсе можно представить в качестве некоей цельной «системы прогресса», в основании которой лежит понятие *perfectibilité* – бесконечное стремление человека и общества к совершенствованию. Реальный прогресс человеческого разума, по мнению философа, имеет под собой три основы – развитую систему публичного бесплатного образования, прогрессивную систему права и постоянно совершенствующиеся науку, технику и искусство. Эти общественные институты в совокупности представляют собой целостную гармоничную систему, которая при должном взаимодействии приведет человеческий род к абсолютному счастью.

Мораль неотделима от совершенствования науки, культуры, образования, права и должна изменить всю социальную организацию общества, поскольку «именно человечество характеризуется прогрессом интеллектуальным и прогрессом моральным».

Говоря об образовании, необходимо прояснить ключевые понятия, которыми оперирует автор в своих работах, – термины *Instruction* и *Éducation*. Кондорсе четко разделяет эти два концепта, для него *Instruction* представляет собой одновременно образование, воспитание, и просвещение, а *Éducation* – только лишь обучение. Поэтому и собственный проект образовательной системы он называет «*projet de l'instruction publique*» – проект народного просвещения, в котором концепция *Instruction* является всеобъемлющей, ведь «государственная школа должна воспитывать, а не навязывать обучение, которое всегда имеет тенденцию к некоторому конформизму»: «...нам представляется философское основание, которое делает возможным различие между *Éducation* (политической концепцией, происходящая из идеи нации) и *Instruction* (первичной философской концепцией): чтобы *Instruction* действительно было таким, оно должно иметь влияние более высокое и более фундаментальное, нежели власть политическая, воплощенная в народном суверенитете, именно из воспитания (*Instruction*) последняя должна черпать свою легитимность».

Целью республиканской образовательной системы Кондорсе является формирование ответственных и разумных граждан, составляющих гражданское общество, в котором господствует просвещенный человеческий разум. Поэтому сама система также базируется на ключевых принципах Просвещения – способности к совершенствованию (*perfectibilité*), рациональности, секуляризме, независимости, истине, равенстве, гласности, свободе и гуманности. Можно сделать вывод, что большинство из них взаимосвязаны, «представляют собой комплекс задач, которые необходимо решить, и обязательства, которые необходимо принять», и в то же время они являются средством выполнения этих задач: «...принцип гуманности выполняет регулирующую и универсализирующую функцию: любовь к человечеству является горизонтом других принципов. Через него они ставят себя на службу общего блага: ... рациональность защищает от скептицизма как догматизма; секуляризм запрещает сектантство; способность к совершенствованию избегает ослепления Золотым веком и стагнации. Принцип гуманности позволяет осмелиться быть свободным».

Но главной задачей образования Кондорсе ставит именно моральное просвещение человечества, ведь «истинный прогресс человечества не исчерпывается накоплением знаний, но предполагает также совершенствование нравов. Мораль должна способствовать автономии субъекта, а нравственный прогресс возможен лишь при совершенствовании нравов как можно большего числа людей».

«Развивать в каждом поколении качества физические, интеллектуальные и моральные, и тем самым способствовать общему и постепенному улучшению человеческого рода – есть последняя цель, к которой должен быть направлен любой социальный институт; таковым должен быть объект образования (Instruction); и это для власти есть обязанность, налагаемая как интересами общества, так и человечества в целом».

Таким образом, целью системы народного образования является формирование просвещенной, разумной и стремящейся к совершенствованию нации, суверенитет которой является основой Республики. И поэтому важно не столько обучать, сколько воспитывать и просвещать, ибо без этого невозможно создать истинно счастливое общество, но лишь «общество тиранов», базирующееся на невежестве, суевериях и предрасудках.

Дорофеев Даниил Юрьевич

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский Горный университет

ВИЗУАЛЬНАЯ ЭТИКА

И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ

РФФИ №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»

Актуализация классических философских проблем и дисциплин есть, возможно, одно из главных условий продуктивного развития современной философии. Начиная с Сократа, этика на протяжении веков предстает важнейшим разделом философии с богатейшей традицией; это делает трудным, но поэтому тем более необходимым ее актуальную проблематизацию в контексте и горизонте философских инноваций самого последнего времени. В дальнейшем мы представим интерпретацию этики в перспективе лично понятой визуальной антропологии и эстетики человеческого образа, что, как кажется, может позволить по-новому взглянуть на традиционные проблемы.

Учитывая, что в Новое Время этика как секуляризованная система ценностной нормативности человеческого существования во многом вытеснила на этом поле христианство, неудивительно, что кантовское понимание добродетели как всеобщей и необходимой формы практического трансцендентального разума получило такое признание, во многом сохраняющее свое влияние до сих пор. Принцип «категорического императива» представил этику как деперсонализированный закон разума, не ограниченный чувственной формой и какими-либо индивидуальными проявлениями. Личность у Канта формировалась, раскрывалась, становилась свободной и возвышалась над природой благодаря подчинению полагаемому трансцендентальным разумом закону.

Приход феноменологии был ответом на очевидный кризис новоевропейской философии, как в ее трансцендентальной, так и позитивистской версиях. В нашей сфере это проявилось в критике этики Канта Максом Шелером, причины которой, в частности, лежали в возвращении к христианским ценностям и их философской актуализации. Созерцаемый феномен пришел на место понятийных конструкций трансцендентального разума, а формируемая в актах «сущностного созерцания» личность представляла не как ноумен, а обретала конкретный эстетический облик, служащий мани-

фестацией ее бытия. Такой подход приводит к увеличению значимости эстетики, не просто как философии красоты и искусства, а как фундаментальной легитимации и актуализации чувственной составляющей воспринимаемого образа, в первую очередь человека. В середине XX века это особенно выразительно представлено в «Феноменологии восприятия» и «Видимом и невидимом» М. Мерло-Понти.

Неудивительно, что эстетика, возвращаясь к коннотациям древнегреческого *aisthesis*'а, в этих условиях могла рассматриваться в качестве новой перспективы развития этики. Объединение этики и эстетики (столь привычное для отечественных кафедр философских факультетов и институтов) позволило по новому понять проблему добродетели, уже в личностной перспективе, через визуальную эстетику образа человека, формируемого определенным способом существования, или «образом жизни». Начало этому подходу было положено в поздних трудах М. Фуко, пересмотревшего классические представления об античности и в частности античной этики, который сделал акцент на принципы «субъективации истины», «эстетики существования», «заботы о себе», «образа человека» и т.п. Этот поворот тем более значим, что французский философ в 60-70 гг. был, во-первых, как близкий структуралисту мыслитель, сторонником явного приоритета нарративного над визуального (что ярче всего выражено у Р. Барта), а во-вторых, закрепился благодаря «Словам и вещам» как главный могильщик философской проблематики человека (концепция «смерти человека»).

Итак, визуализация этики означает эстетическую персонализацию добродетели. Это означает, что добродетель предстает не абстрактным понятием разума, а воплощается в конкретном образе человека, который ее представляет, манифестирует, даже символизирует собой и своей жизнью. Добродетель становится видимой, чувственно воспринимаемой в эстетическом образе конкретного человека, который всей целостностью этого образа (внешность, манера говорить и ходить, держать и вести себя, одеваться и пр.), составляющие которого традиционно относились к феноменальной и субъективной сфере, выступает живым проводником, апологетом и «популяризатором» этических ценностей. Приобщение добродетели продуктивно и реально через ее воплощение в реальном человеке, общение с которым – наиболее верный путь к самосовершенствованию и само-образованию (как процессу формирования своего нового образа); личностные интересубъективные отношения общения здесь намного более продуктивны, чем замкнутый на себе трансцендентальный монизм, а личностью и вовсе нельзя стать вне общения, в том числе визуально-эстетического. И история многократно нам подтверждает это, стоит только обратиться к тому, как воспринимались личности Сократа или Христа, Плотина или святых русских старцев, учителей дзен-буддизма и даосизма их учениками. Ведь непосредственная, личностно фундированная визуальная коммуникация face-to-face с эстетическим образом человека, персонализирующим добродетель, может оказаться для этического образ-ования, самосовершенствования и изменения жизни намного более важной, чем книги и тем более учебники по этике, дистанционные лекции и спецкурсы, а также общения с доцентами и профессорами кафедр.

Карчагин Евгений Владимирович

доктор философских наук, профессор

Волгоградский государственный технический университет

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В «ЛЕВИАФАНЕ» Т.ГОББСА

В «Левиафане» Томаса Гоббса присутствует совмещение двух линий понимания справедливости: как выполнения соглашения и как естественного закона («есть правило разума, запрещающего нам делать что-либо, что пагубно для нашей жизни, из чего сле-

дует, что справедливость есть естественный закон» (Гоббс Т. Левиафан, М: Мысль, 2001. С. 113)). Справедливость кроме того сама «дает жизнь» естественным законам (Там же, с. 250). Это делает весьма возможным, что «Левиафан» Гоббса фактически содержит не одну теорию справедливости. Поскольку в английском языке для обозначения справедливости используются термины «fairness», «justice», «equity», постольку возможно, что Т. Гоббс для обозначения справедливости как «естественного» понятия использует один термин, а для обозначения справедливости как «государственного» понятия берет другой термин. Анализ текста «Левиафана» показал, что хотя термины «justice», «equity» не образуют явного противопоставления и не могут безусловно служить основанием для разделения справедливости на гражданскую и естественную справедливости, тем не менее предпосылки для того разделения имеются.

Исходное восприятие Гоббса справедливости – это ее полисемантический характер. Гоббс утверждает, что разные люди используют разные имена для одних и тех же вещей, и то, что «один человек называет жестокостью, другой называет справедливостью». Тем самым сосуществование нескольких интерпретаций справедливостей в «Левиафане» возможно благодаря наличию у человека в естественном состоянии разума, понятого как носителя вариативной идеи справедливости. Сила суверена кладет этой вариативности пониманий справедливости конец. Единая гражданская справедливость может иметь место только благодаря силе, которая делает реальным выполнение договоров, а именно – благодаря принудительной власти суверена. Тем самым справедливость существует благодаря страху перед силой (властью), заставляющей выполнять свои обещания.

В логическом смысле проблема двойственности справедливости обретает большую сложность в сравнении с лингвистическим аспектом, так как она имеет множество вариантов решения: 1) есть только естественная или только гражданская справедливости; 2) существует и гражданская и естественная справедливости; 3) есть шесть теорий справедливости – две естественных (догражданская и международная, то есть естественное состояние суверенов) и четыре гражданских (локальное государство, возникшее путем договора; локальное государство, возникшее путем завоевания); 4) существует общемировое государство, возникшее путем договора и общемировое государство, возникшее путем завоевания, при этом у каждого будет своя теория справедливости; 5) к названным шести добавляется божественная (эсхатологическая) справедливость Царства Бога в результате Второго пришествия.

Климович Анна Игоревна

кандидат философских наук, доцент

Белорусский государственный медицинский университет

ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВИНЧЕНТИЯ БУЧИНСКОГО

В последней четверти XVIII – начале XIX вв., в отличие от Западной Европы, где представители Общества Иисуса подвергались гонениям, в границах Российской Империи, в том числе и на белорусских землях, иезуитский орден продолжал плодотворно трудиться. Здесь имелась развитая сеть образовательных учреждений (иезуитские коллегии в Полоцке, Несвиже, Орше и др.), оплотом же научных и философских взглядов, своеобразным интеллектуальным центром стала Полоцкая Иезуитская Академия.

Формированию специфического направления философии Полоцкой схоластики предшествовал ряд философских и политических событий – перемещение акцента в европейской схолистике с идеи Фомы Аквинского на идеи Х. Вольфа, распространение благодаря последнему в схематизированном виде идей Лейбница и Декарта, вы-

нужденный отъезд иезуитов из Санкт-Петербурга и др. Одним из наиболее известных и авторитетных представителей Полоцкой неосхоластики был Винцентий Бучинский (Wincenty Buczynski), первоначально получивший образование в стенах академии, а затем занимавший здесь должность канцлера.

Официально утверждается, что первые попытки возродить схоластические идеи в Европе относятся ко второй половине XIX века. Они связаны с произведениями Я. Клейтгена, М. Либераторе и других. Но исследование философских идей В. Бучинского позволяет прийти к выводу, что именно в Полоцке, гораздо раньше – в первой половине XIX века – сформировалась тенденция переосмысления идеи схоластической философии.

Неосхоластическая философия традиционно, и в творчестве В. Бучинского в частности, имеет трехчастную структуру, представленную логикой, метафизикой и этикой. Непосредственно этический аспект представлен третьей части работы «Начала философии», изданной в 1844 в Вене (Institutiones Philosophicae. Pars tertia continens ethicam).

Основанием этики, по мысли В. Бучинского, является природное разделение ума на теоретический и практический. Данное разделение находит затем отображение в философии, разделяя ее на теоретическую и практическую. Именно к направлению практической философии и относится этика, которая, в свою очередь разделяется на общую и прикладную. В. Бучинский отмечал синонимичность терминов этика, практическая философия, естественное право, философия нравов. Практическая философия, разделяясь на общую и прикладную, отождествляется с категориями непосредственно этики и право. Такая дифференциация является необходимой, как утверждает Бучинский, вследствие специфического расчленения всех человеческих действий на честные и бесчестные, а также на справедливые и несправедливые.

Объектом изучения этики, согласно В. Бучинскому являются человеческие действия, как произведенные вследствие как внутреннего побуждения, так и внешнего воздействия, отличительной особенностью при этом является свободное волеизъявление – принцип, восходящий еще к Св. Фоме Аквинскому. Также они могут разделяться на желаемые и императивные. Желаемые в свою очередь могут разделяться на намерение, влечение, симпатию и отказ. Человеческие деяния, связанные с желаемым, обязательно являются осознанными, исходя из аксиомы – нет ничего желаемого, что не было бы осознанным. Соответственно, препятствиями на пути к осуществлению желаемых действий являются принуждение, запугивание, невежество и неосведомленность.

Также человеческие действия разделяются на моральные и заслуживающие порицания. Рассматривая вопрос моральности человеческих действий автор отдельно останавливается на современных ему учениях, вступая в полемику с Кантом и занимая по отношению к последнему оборонительную позицию, отмечая, что ограничителем свободы наших действий является внутренняя мораль. При этом достаточным основанием моральных ограничений выступают Божественные совершенства, действие, внутренне благочестивое, должно соответствовать божественным совершенствам.

Большое значение при рассмотрении этических вопросов уделяет автор категории справедливости. Для передачи смысловых оттенков данного понятия он использует два различных латинских слова – *justicia* и *benevolentia*, что в целом характерно для философии иезуитов Нового Времени.

Кудряшова Валерия Константиновна

аспирант, стажер-исследователь, Факультет гуманитарных наук, Школа философии;

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ В ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ РЕСПОНСИБИЛИЗМЕ

Л.Т.ЗАГЗЕБСКИ

В докладе будут рассмотрены современные дискуссии о роли интеллектуальных и моральных добродетелей в эпистемологии, теоретической и прикладной этике (в контексте теорий гуманитарного образования и академической этики) на примере такого направления добродетельной эпистемологии, как добродетельный респонсибилизм в интерпретации американского философа Л.Т. Загзебски.

Загзебски предлагает теорию морального и интеллектуального экземплиаризма (7, 41), согласно которой добродетели представляют собой некие образцы поведения, влияющие как на образовательные и институциональные практики, так и на личностное развитие каждого отдельного участника академического / образовательного процесса. Загзебски отмечает, что интеллектуальные добродетели являются индивидуальными личностными характеристиками (6, 105-106), которые как непосредственно влияют на все стороны интеллектуальной жизни, так и могут быть совершенствуемы ей; интеллектуальные добродетели (или пороки) всегда содержательны. Согласно автору, в этом заключается также и их концептуальное преимущество в отличие, например, от такого эпистемического концепта как «знание», которое является менее определенным по содержанию. Обладание определенными добродетелями или же упражнением в них становится определяющим в формировании интеллектуальных навыков и компетенций эпистемического и морального агента.

Многие представители добродетельного респонсибилизма в своих концепциях предлагают критическое осмысление подхода Загзебски, указывая на его методологическую несостоятельность в определении «знания» через апелляцию к интеллектуальным добродетелям, что смещает фокус с эпистемической проблематики, на этическую. Аргументы «pro» и «contra» также будут рассмотрены в контексте теории Загзебски, так как нам кажется, что попытка совместить оба дискурса – эпистемический и этический – становится актуальной как раз на примерах кейсов прикладной этики.

В данном контексте представляется интересным обратиться к теории (гуманитарного) образования М.К. Нуссбаум (3), которая во многом комплиментарна основным идеям добродетельного респонсибилизма. Кроме того, ее также близка размышлениям по поводу образования А. Макинтайра, Д. Дьюи и Р. Тагора. Данный акцент помог бы в большей мере осветить важность влияния моральных и интеллектуальных добродетелей в сфере образования: например, показать значимость таких идей как инклюзивность, сочувствие, сопереживание, сотрудничество и взаимовыручка, стремление к истине.

В докладе будут также затронуты основные критические моменты, выдвигаемые против рассматриваемой концепции (например, вопрос нормативности и объективности моральных или интеллектуальных добродетелей), и представлены возможные способы их снятия.

Литература

1. Anscombe, G. E. M. (1958). *Modern Moral Philosophy*. *Philosophy*, No. 124, 1-16.
2. Battaly, H.D. (2019). *The Routledge Handbook of Virtue Epistemology*, Routledge, Taylor & Francis.

3. Nussbaum, M. C. (2011). *Not for Profit: Why Democracy Needs The Humanities*. Princeton and Oxford, Princeton University Press.
4. Sosa, E. (2007). *A Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*, Oxford University Press, Oxford.
5. Sosa, E. (1980). The Raft and the Pyramid: Coherence versus Foundations in the Theory of Knowledge. *Midwest Studies in Philosophy*, Vol. 5, No. 1, 3-25.
6. Zagzebski, L.T. (2017). *Exemplarist Moral Theory*. Oxford, Oxford University Press.
7. Zagzebski, L.T. (2010). *Exemplarist Virtue Theory*. *Metaphilosophy*, Vol. 41, No. 1-2, 41-57.
8. Zagzebski, L.T. (1996). *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*, Cambridge University Press, Cambridge.

Кузнецов Никита Всеволодович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАДИЦИИ ЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

ЛЕНИНГРАДСКОГО/САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Само название XII Международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2020: Философия. Этика, Практика» к 80-летию Института философии (Философского факультета) СПбГУ допускает в выступлении некоторые элементы восторженности и пафосности. Пафос как речевой прием, введенный в риторику Аристотелем, должен вызывать нужные чувства. В данном случае речь пойдет о чувстве благодарности, о чувстве уважения к традиции. А.С. Пушкин когда-то написал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Перефразируя этот хорошо известный тезис можно с уверенностью сказать: «Гордиться славою этической школы Ленинградского/Санкт-Петербургского университета не только можно, но и должно; не уважать оную есть постыдное малодушие». С возвращением этики в 60-ые годы двадцатого века в университетское пространство возрождается интерес к этической мысли. В работах В.Г. Иванова впервые в отечественной этике рассматриваются этические учения древних культур Индии, Китая, Греции, Рима и этические учения средних веков. Теория нравственных ценностей в советской этике связана с именем В.П. Тугаринова. Монография Н. В. Рыбаковой была посвящена изучению структуры моральных отношений. Теоретические вопросы этики анализировались в работах и лекциях Ю. В. Перова. Не потеряла свою актуальности и точка зрения М.С. Кагана, что объединение изучения этических и эстетических ценностей не только правомерно, но и продуктивно, если их динамическое взаимоотношение рассматривается в контексте исторически развивающейся и социально детерминированной культуры. Стоит особо подчеркнуть, что основным направлением исследований была прежде всего разработка проблем категориального строя этики, морального сознания, выявление специфики такого концепта, как этическое сознание, анализ нравственных отношений. Проблема категорий этики занимала одно из ведущих мест в дискуссиях, конференциях, публикациях. Исследование категорий строилось по нескольким направлениям: историко-генетический анализ, выявление категорий в структуре морального и этического сознания, критерии категориальности, разграничение понятий и категорий, обновление категориального ряда, обоснование возможности появления новых категорий. Традиции этической школы Ленинградского/Санкт-Петербургского университета позволяют и будут позволять в будущем сохранять высокий уровень моральной рефлексии, прежде всего в смысловом поле этических категорий. Теорети-

ческие исследования и научные поиски основателей этической школы Ленинградско-го/Санкт-Петербургского университета приобретают особое звучание в наши дни и актуализируются в контексте развития современной прикладной этики.

Махнов Арсений Дмитриевич

Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных, преподаватель
**О ПОНЯТИИ СВОБОДЫ В СВЯЗИ С ФИЛОСОФСТВОВАНИЕМ
Л.ВИТГЕНШТЕЙНА**

Главный вопрос – вопрос о свободе, возникающий в связи с философствованием Л.Витгенштейна. Почему мы должны обращаться к Витгенштейну? Не является ли он случайным и неуместным для нашего вопроса автором? Именно как проясняющий и расширяющий, будучи автором, он не может быть неуместным, а случай здесь это именно случай (место) мысли.

Отношения Витгенштейна к этике как минимум рождают интерес исследователей. Мы же думаем, что есть напряженные отношения между сухими и формальными рассуждениями Витгенштейна и этикой. Во-первых, этика попадает в число того, о чем нельзя говорить (Лекция об этике). Тогда как ряд продолжается эстетикой, Богом, пониманием, любовью – ? основными вопросами философии. Столь тщательное обхождение с этими словами уже показывает пример правильного поведения (поведения, в каждом моменте следующего правИлу). Во-вторых, есть интересная особенность «Логико-философского трактата» в сравнении с иными работами Витгенштейна – они аналогичны системам права (норм) с законодательством и прецедентом. В «Логико-философском трактате» установления (откуда они?) накапливаются, из них делаются выводы, комментарии и к концу у нас выстроенная система, которой теперь необходимо следовать (специально ли повторение пути Платона в Политии и Законах?). Так в России, к примеру, законодатели принимают установления, их начинают применять, толковать, комментировать. Конца нет, но в каждый момент времени мы предполагаем нашу правовую систему системой с определенными правилами. К примеру, в «Философских исследованиях» Витгенштейн не устанавливает общие правила, а рассматривает случаи. Так загадочным образом живет система прецедентного права. Интересно то, что оба подхода необъяснимо регулируют: мы сталкиваемся с затруднениями, когда пытаемся объяснить, как они осуществляют регулирование конкретно. Ведь если все действия урегулированы и для каждого случая (поскольку он может быть) есть норма, то где место для свободы? Тут мы сталкиваемся не с правом, но с инструкцией (указания, наставления тотального характера). Наоборот, если нормы регулируют «в общем», как нормы-принципы (свобода слова, свобода передвижения), то как их применить к конкретному случаю? Ведь нужно понять меру (свободы слова). Как судья будет выводить из словосочетания «свобода слова» «применение» для конкретного спора? В чем смысл слов «свобода слова», к чему они нас отсылают?

Возникает соблазн утверждать, что свободе нет места в философствовании Людвиг Витгенштейна, но так мы откажем в свободе Витгенштейну быть собой. Мы считаем, что этика и свобода составляет основу мысли Витгенштейна. Свободный поступок уже в самих тех применениях языка, которые он разбирает. Этика здесь не то, что можно вывести. О ней нужно молчать, потому что любое говорение бессмысленно (как и удивление существованием мира) – этого не может не быть. Свободный поступок уже в применении слов и словосочетаний. Ведь применение слов не основано на фактах и не выводимо. Этот шаг из невы выводимого в факт-поступок мы назовем свободным, этическим.

Овчинникова Елена Анатольевна
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ГЕНЕЗИС ЭТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

Проблема генезиса этической терминологии актуализируется в современном теоретическом поле этики в связи с формированием междисциплинарных методологических парадигм, прежде всего, в современной исторической науке и лингвистических исследованиях. Данная проблема может рассматриваться с точки зрения формирования предметного поля и объема понятий, смыслового содержания, истории возникновения, бытования и закрепления в языке. В рамках данного доклада представляется значимым определить ряд методологических подходов, сложившихся в современном гуманитарном знании, проанализировать их применимость при анализе этической терминологии русской мысли. Вряд ли возможно выстроить эти подходы по значимости, скорее проанализировать их в контексте целостного взгляда на проблему.

Первое – методологические направления, сложившиеся в современной лингвистической науке (здесь следует упомянуть, например, такие работы, как «Логический анализ языка: Языки этики» / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М. 2000; «Категория оценки и система ценностей в языке и культуре» М.: «Индрик», 2015, работы Анны Вежбицкой, в частности предпринятый исследовательницей анализ русских культурных скрипт и их отражение в языке). Этот подход предполагает включение в поле этических исследований разнообразных текстов русской культуры, от азбуковников и словарей, фольклорных источников до классики русской литературы.

Второе методологическое направление – это историческая методология, связанная с таким исследовательским направлением, как «история понятий», *Begriffsgeschicht* – в немецкой школе, в англосаксонской как *History of Concepts* (см., например: История понятий, история дискурса, история метафор Москва: Новое литературное обозрение, 2010). Как отмечают исследователи, внимание к методологии истории понятий позволяет выявлять базовые понятия и способствовать структуризации предметного поля исследования.

Третье направление может быть представлено как культурологические подходы, применение которых позволяет выявлять историко культурные факторы и доминанты, оказывающие влияние на формирование этических понятий, их возникновение, фиксирование в языке. При этом данные методологические подходы и установки позволяют анализировать этическую терминологию на разных уровнях морального сознания – от обыденного до теоретического уровня, когда термины фиксируются как отвлеченные понятия, содержащие элементы универсальности и всеобщности. Включение методологических подходов современного гуманитарного знания в этический анализ понятийного строя мысли позволит не только представить исторически более полную и содержательную картину генезиса понятий, но и расширить смысловое поле самих понятий, в которых фиксируется структурная целостность и ценностная направленность морального сознания.

Пионткевич Лариса Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

ИДЕЯ МОРАЛИ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

Цель данной статьи в том, чтобы рассмотреть те возможности обогащения моральной теории, которые открываются при изучении правовых учений, принимая во внимание тот факт, что мораль, даже в позитивистских теориях права, рассматривается как существенный фактор, влияющий на формирование правовой реальности. Для этого предлагается сопоставить современные моральные идеи с аналитикой правовой теории исторической школы права, в рамках которой развивались оригинальные интуиции, существенно меняющие вектор исследования как морали, так и права.

Хорошо известно, что на протяжении последних десятилетий в отечественной юриспруденции совершается сложная, напряженная и активно обсуждаемая работа, связанная с поиском нового типа правопонимания. Речь идет о создании теории, синтезирующей исторический опыт и современные достижения юридического знания, и позволившей, наконец, ответить на вопрос, что же такое право. В противостоянии конкурирующих теорий, претендующих на статус основополагающих, на первый план, как и сотни лет назад, выходят позитивистская юриспруденция и естественно-правовая доктрина. С ними вместе обсуждаются психологическая теория, представленная, в основном, учением Л.Н. Петражицкого, социологическая теория (её марксистскую версию представляет теория Сырых В.М.), институалистская теория права, разрабатываемая профессором Четверниным В.А., коммуникативная теория профессора Полякова А.В., либертарно-юридическая концепция Нерсесянца В.С., развиваемая его ученикам и последователями.

Что касается исторической школы права (Густав Гуго (1764-1844), Георг Пухта (1798-1846), Фридрих-Карл Савиньи (1779-1861)), то она, как это ни странно, выпала из современных научных дебатов, и фактически не участвует в процессе формирования нового образа права. Возникает вопрос «почему?», какова причина современной не востребоваемости этого учения, оказавшего, существенное влияние на развитие политико-правовых идей как психологической, так и социологической теорий, а также сыгравшей ключевую роль в формировании русской школы цивилистов, и позволившей, в конечном итоге, русской юридической науке в конце XIX – начале XX вв. занять одно из ведущих мест в мире.

Представляется важным в русле нашего исследования указать на две возможные причины, определившие положение исторической школы права в современном правоведении. Во-первых, следует отметить, что на оценке научного значения исторической школы во многом сказалось теоретическая неопределенность основных понятий, положенных в основу ее теории. Речь идет, прежде всего, о понятии права, субстанцией которого становится мифический и иррациональный в своей основе народный дух. Во-вторых, то новое, что было сказано этой школой об источниках права, в глобализирующемся мире не воспринимается как актуальное и теоретически значимое учение. Действительно, в век победившего либерализма большинством современных правовых теорий в качестве правоустанавливающей объявляется идея прав человека, претензии которой на статус единственно истинной и безусловной основы гражданско-политического бытия абсолютно не совместимы с признанием исторической школы права уникальной неповторимости правовой реальности каждой отдельно взятой национальной культуры.

Приведенный перечень оснований, лишивших историческую школу права возможности влиять на ход современных правовых дискуссий, свидетельствует, на наш взгляд, не столько о слабости ее исходных положений, сколько об особой их оригинальности. Самое общее впечатление, которое складывается после знакомства с текстами этой школы, следующее: этой теории удалось вырваться из плена противостояния и борьбы естественно-правовой и позитивистской теорий. В итоге мораль оказалась отделенной от права. Таким образом с исторической школой права можно связать негативное определение морали: мораль не есть право, и она не имеет никакого отношения к формированию права. В своей основе право и мораль являются концептуально различными институтами.

Ставцева Ольга Ивановна

кандидат философских наук, доцент

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина

РОЛЬ СТЫДА В КОНЦЕПЦИИ МОРАЛИ З.БАУМАНА

Крупный социолог, философ повседневности З. Бауман посвятил некоторую часть своих исследований моральной проблематике. Речь идет о работе Баумана «Актуальность Холокоста» (1989), в которой он развивает концепцию досоциетального источника морали, выявляя экзистенциальный исток морали и морального поведения личности, которым общество может манипулировать. Важную роль в таком понимании морали как отношения к другому (на основе идей Э.Левинаса) играет стыд. Интерпретируя Холокост как неслучайное событие в развитии новоевропейской цивилизации, связанной с рационализацией, Бауман связывает зло с рациональным, просчитывающим поведением человека, неизбежно заставляющем его использовать насилие в качестве средства для достижения цели. Кроме того, рациональное способствует и покорному поведению, но способному бороться со злом и насилием.

Поскольку рациональность как базовая модель отношения человека к миру лежит в основе нашей цивилизации, то опасность повторения актов насилия велика, о чем говорит название этого исследования З.Баумана – «Актуальность Холокоста». Спасительным средством, разрушающим узы рациональности Бауман, считает чувство стыда.

Стыд как деструктивное внутреннее переживание может разрушить рациональное поведение, ведущее к насилию и оправдывающее его. Стыд может изнутри прекратить насилие, расчет как его внутреннюю сущность. Острое чувство стыда разрушает логику рационального отношения к ситуации, возвращает к переживанию соприсутствия другого человека, заставляет думать об ответственности по отношению к нему. Такая, как пишет Бауман, досоциетальная, экзистенциальная основа морали трудно поддается социализации, поэтому общество часто пытается управлять ее с помощью следующих механизмов: социальное производство дистанции, замена моральной ответственности на техническую, технология сегрегации и отдаления. Противоположностью стыда Бауман называет не гордость, потому что можно стыдиться за гордость, и наоборот, гордиться стыдом, а равнодушие, безразличие. Адиофоризирующие действия, т.е. не связанные ни с добром, ни со злом, а безразличные, которые сводятся к набору технических операций, разрушают ответственность за Другого, которая является основой морали, как ее определяет Бауман вслед за Левинасом.

В актуальной культурной ситуации распространения техники и целерационального отношения к практически всем жизненным отношениям экзистенциальная концепция морали Баумана, выдвигающая на первое место ответственность за Другого, стыд за целерациональное отношение к Другому, представляется достаточно актуальной.

Тарковский Владимир Николаевич
кандидат философских наук, доцент

Костромской государственной университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

На XI международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019» предлагалось участникам, как понял автор этих тезисов, почувствовать себя вынужденными заглянуть в будущее. Социальную реальность, как в прошлом, так и в будущем, вероятно, определяют силы его формирующие и соответствующие социально-этические размышления. Если к силам относят политические, экономические, социальные изменения и их последствия, то философское мышление, в отличие от научного знания, которое инициирует формирование этих сил, не имеет характера прогрессирующего процесса. Тезисы автора «Эволюция моральных чувств и понятий» и должны были поднять тему онтологического статуса этих чувств и понятий. Метафизический подход (Платона, Аристотеля, И.Канта) останавливается на «созерцательном моменте». Это, как предполагал автор, ее задача и цель. В дальнейшем отношения между моральными чувствами и понятиями переходят в прагматическую плоскость; Ф. Ницше, как было показано – в эстетику. Американский прагматизм – в политику, экономику и педагогику. Исторический материализм – в социальную революцию.... В чем особенность прагматического подхода в философии и этики в частности?

Д.Дьюи создатель американской версии прагматизма (в отличие, например, от европейской) объединил материалистическую онтологию с бихевиоризмом. В последнем используется только естественнонаучные методы. Отсюда название – инструментализм, но, как кажется, больше подходит – философия лаборантов.

С 50-х годов в США приобретает влияние социальная психология. По мнению специалистов, большую роль на нее оказала миграция «гештальтпсихологов» из Германии. Развившись в русле прагматической философии, она дифференцируется на социобиологические практики и практики когнитивных исследований. Судя по публикационной деятельности сейчас в этой версии прагматизма господствующей силой, стала эволюционная психология. Именно ее подходы реализуются в т. н. прикладной этике. По степени влияния на нее эволюционную психологию сейчас сравнивают с психоанализом.

Основной недостаток обоих направлений – попытка объяснить любое поведение. Как следствие – теории, ставшие результатом лабораторных исследований, часто оказываются далекими от реальности. Такие спонтанные теории являются результатом действия собственных побуждений исследователя, а не рациональных и прагматических соображений. Ранее с подобной проблемой столкнулись в позитивизме, назвав такие законы и теории: «ad hoc».

На основе моральных теорий создаются социальные программы. Множество социальных программ с середины XX века и до сих пор не реализованы, несмотря на огромное вложение материальных и человеческих ресурсов. Например, известно, что в Америке 70 процентов школ использовали программу по борьбе с распространением наркотиков (D.A.R.E.) Когда ее протестировали, стало ясно, что она не только не работает, но и способствует росту потребления алкоголя и табака среди школьников. Существует много других примеров. В России эти и другие социальные программы перенимают либо создают подобные.

Как формируются подобные теории, претендующие на общезначимость можно наглядно представить из статьи Джо Хенриха, Стива Хайне и Ара Норензяна «Самые

странные люди в мире». Логика рассуждения довольно проста. Психология – «самая американская» дисциплина из всех наук. Семьдесят процентов всех цитат взяты из американских публикаций. Эти публикации сравнивают людей из индустриальных обществ и людей из маленьких сообществ. Все они свидетельствуют, что первые отличаются от вторых даже на уровне самых примитивных мироощущений. Индустриальные общества мыслят по-другому. Сами индустриальные общества с точки зрения моральной психологии делаются на западные и незападные.

Третий контраст – это Америка против всего остального Запада. Следующий водораздел уже внутри США между имеющими высшее образование и не имеющими. Авторы статьи делают вывод: «Ученые, изучающие поведение, публикуют обширные статьи о человеческой психологии и поведении, основанные на примерах, взятых исключительно из изучения западного WEIRD-общества (с англ.: западного, образованного, индустриального, богатого, демократического)...».

Отсюда такая требовательность и нетерпимость к другим мнениям и взглядам.

Туманян Тигран Гургенович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКО-ДИДАКТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ

РНФ №17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»

Известно, что социально-философская мысль средневекового ислама разрабатывалась в русле разных интеллектуальных направлений и традиций. Особое место в ней занимает сочинения авторов адабной литературы, составленных в назидательном, этико-дидактическом ключе. Назидательный жанр формировался из пособий по административным делам, «княжских зеркал», а также философской литературы. В качестве практического руководства эти прозаические произведения чаще всего предназначались правителям. Истоки этого достаточно популярного на мусульманском средневековом Востоке жанра восходят к персидским и индийским литературным традициям. В сферу размышлений авторов дидактических произведений входили самые разные вопросы социально-политического, этико-философского, административно-правового и религиозного характера. В назидательной литературе находили свое отражение актуальные вопросы этики и власти, которые оказывали воздействие на политическое воспитание мусульманских правителей. Дидактическая литература, безусловно, влияла на развитие социально-философской мысли мусульманского средневековья.

Дидактическая мысль средневекового мусульманского Востока вызывала и продолжает вызывать интерес у исследователей. Вместе с тем лишь некоторые, наиболее известные произведения этого жанра, нашли должное отражение в трудах отечественных философов и востоковедов. Пожалуй, наиболее изученным произведением назидательного жанра является работа Низама ал-Мулка, известного средневекового автора, написавшего «Сиясет-намэ». Перевод именно этого дидактического сочинения, выполненный более семидесяти лет назад, впервые стал доступен отечественным специалистам в области истории философии, а также широкому кругу читателей. Несколько позже отечественными учеными были сделаны переводы и исследованы и другие работы средневековых авторов назидательной литературы. В частности, были переведены на русский язык «Кабус-Намэ», «Синдбад-Намэ» и др. Эти произведения, излагающие часто в занимательной форме основы «науки об управлении страной»,

представляют собой мудрый источник, главная цель которого – «учить сильных мира сего благоразумию». В числе тех отечественных исследователей, кто плодотворно занимался изучением наследия персидских и арабских прозаиков, авторов дидактических сочинений, столь популярных на мусульманском средневековом Востоке, – В.В. Бартольд, Б.Н. Заходер, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, С.Н. Григорян, Б.Я. Шидфар, А.М. Богоутдинов, М.А. Раджабов, А.А. Игнатенко и др.

Фатиев Никита Игоревич

доктор философских наук, профессор

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ ЛЕЙБНИЦА – ЭТИКО ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

The key point of the problem of evil in relation with the religion was posed by Epicurus. According to Lactantius there were questions he asked:

«God either wishes to take away evils and he cannot, or he can and does not wish to, or he neither wish to nor is able, or he both wishes to and is able...if he both wishes to and is able, which alone is fitting to God, whence therefore, are there evils, and why does he not remove them?». That was the problem of Theodicy, with three parts in it: Omnipotence, Omniscience and Omnibenevolence of God. Let's begin with Omniscience.

From the history of the theology we know the Boethian strategy, which affirms that God enjoys a timeless eternity. But what about human being in this case? According to Ambrose as remark to Origen «If God knows the future beforehand, and it must come to past, prayer is in vain» (1,71).

This concept dates back to Jesuit theologian Luis de Molina of the 16th century. Molina held «middle knowledge» – *scientia media* – that falls between God's knowledge of merely possible and his knowledge of the actual. The objects of middle knowledge are counterfactuals of freedom. If there is middle knowledge – there is no Boethian variant of foreknowledge. So God is in certain about some things, but he can be less certain about the others. The ontological status of CF (counterfactuals of freedom) puts them in possible worlds. So, here is the gift of human freedom, but it must be in consonance with divine nature and sovereignty. So, possible worlds' semantics is used in the problem of evil due to G. Leibniz and A. Plantinga. A. Plantinga supposes that God knows what free moral agents would do in an infinite number of possible worlds. As Leibniz, the creator of possible worlds model, wrote: «The individual concept of Adam or any other moral agent includes all that is ever true to him. So, only God knows any individual concept completely and analytically.» (2,112)

One could imagine possible worlds W , W_1 . All moral agents in W only sometimes freely choose to do the good. All of them in the world W_1 , that is counterpart of W , always freely choose to do the good. The question is – if God of Christian theism is omnipotent, he must actualize W_1 and not W . If, as theists say, God is omnipotent – can he not create any possible world he wants? So, could he bring about a world populated with moral agents who freely choose not to do moral evil? According to Alvin Plantinga, it is a mistaken assumption. God cannot strongly actualize any state of affairs where creatures really choose something.

The idea of Leibniz about the best of all possible worlds is ambiguous. Some questions arise: Best for whom? And of what? The next question is about semantics of good and evil, and a model of possible worlds. How could we define the idea of counterbalance and overbalance of good and evil in any possible world? Is there some sort of measurement and

calculation? These terms are quasi – quantative, so we might have qualitative comparative analysis between them only.

Bibliography

1. Lucas J. R. The freedom of the Will (Oxford: The Clarendon Press, 1970), p.71
2. Leibniz G.W. Theodicy. New Haven: Yale Univ.Press.1952. 405p.

Чумакова Татьяна Витальевна
доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (ДОСЕКУЛЯРНЫЙ ПЕРИОД)

РФФИ №19-011-00766 «Категориальный строй русской этической мысли»

Согласно словарю Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», концепт «радость» относится к априорным (доопытным) концептам. Наполнение этого концепта с XI в. существенно изменилось. Анализируя тексты, переведенные с греческого языка (богослужебные тексты, гимнография, агиография), мы видим постепенно десакрализацию этого концепта, первоначально полностью относящегося к «софийной» группе (концепты, имеющие отношение к «коммуникации» между Богом и человеком: истина, правда, добро, красота). София Премудрость Божия, по христианским представлениям, это персонификация Иисуса Христа, его презентация в этом мире посредством благодати, проявляющееся в мудрости (понимание философии как мудрости, это характерная черта древнерусской философской рефлексии досекулярного периода), добре и красоте. Радость тут выступает в качестве аффекта, который помогает человеку преодолеть (либо изменить направленность от «зла» к «добру») другие «нежелательные» аффекты (уныние, гнев и проч.).

В церковнославянском языке слово «радость» соответствует греческому слову «chará», и достаточно часто встречается в евангельских текстах и посланиях апостольских, в гимнографии, а также в патристике. Неоднократно это слово встречается в тексте древнейшего древнерусского произведения «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона. В «Слове о законе и благодати» «радость» предстает человеческим аналогом божественной «благодати» (греч. Chárisma), это сила, которая благодаря божественной благодати помогает человеку подняться к вершинам божественного, облегчает ему богопознание и дает силы жить «по благодати»: достойно и добродетельно, не ожидая никакой награды за свои добрые дела (ведь радость альтруистична). Рядом с радостью в этих текстах часто упоминание «веселье». Противоположностью радости выступает уныние. В «Слове о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского, автор вкладывает в уста Богородицы слова о том, что радость уходит из мира в момент крестной смерти Христа: «ныне мое чаяние, радости же и веселия, сына и бога, лишена быхъ», и возвращается вместе с его воскресением, превращая плач в радость.

Если мы обратимся к другим источникам («Апостол», «Слова» Кирилла Туровского, «Алфавит духовный» Дмитрия Ростовского, а также к материалам «Национального корпуса русского языка»), то увидим, что концепт «радость» вмещает в себя все смыслы, это и эмоциональные состояния (веселье, ликование), и способность человека к эмпатии (дружелюбие, приветливость), а также радостные события (праздник, свадьба). Радость многолика, она охватывает все сферы человеческой жизни. В текстах позднего средневековья понятие «радость» сближается с представлением об удовольствии и радости. Радость «очеловечивается» (но не утрачивает своего сакрального характера). Противоречие в понимании человеком «видимого» и «невиди-

мого» миром снимается на уровне характерной для восточного христианства целостной картины мира, включающей человека и Вселенную в их приобщении к божественной благодати. В таком состоянии человек обретает душевную гармонию, покой, возвращается к «естественному», райскому состоянию, она полностью преобразует человека, и уже на этой земле он становится «гражданином Небесного Иерусалима», и этот момент подчеркивается в службах святым.

Концепт радость входит в моральное сознание досекулярного периода, определяя отношение человека к сакральному миру, в дальнейшем эти смыслы утрачиваются и переосмысливаются в секулярном сознании, сохраняясь в церковной традиции (например, в современных гимнографических и агиографических текстах).

Шахнович Марианна Михайловна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭПИКУРЕЕЦ ГЕРМАРХ О ЗАПРЕТЕ УБИЙСТВА (ПО ТРАКТАТУ «ПРОТИВ ЭМПЕДОКЛА»)

РФФИ №18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемического дискурса»

Ученник и один из ближайших друзей Эпикура Гермарх из Митилены, ставший в 270 году до н.э. после согласно завещанию своего учителя схолархом Афинского Сада, был известен как автор нескольких полемических произведений. Он написал трактаты «Против Платона», «Против Аристотеля», а также сочинение в 22 книгах «Письма об Эмпедокле» (Diog. Laert. X, 25). От последнего сочинения до нас дошло порядка 20 фрагментов [1], самым большим из которых считается текст в первой книге сочинения «О воздержании» Порфирия (Porph. De abstin. I, 7-12). В нем излагаются суждения эпикурейцев о возникновении в человеческом обществе справедливости, а также происхождение законов о совершении убийств и об искупительных жертвах. Порфирий нигде не называет конкретного имени эпикурейского автора этих суждений, но, так как они связаны с критикой воззрений Эмпедокла, то считается, что речь в этих строчках идет о сочинении Гермарха. О наличии именно у Гермарха сочинения с критикой воззрений Эмпедокла свидетельствует Цицерон (ND I, 33). Кроме того, геркуланские (Pap. Herc. 1077, IV; Pap. Herc. 1077, V) и оксиринхский (P.Oxy. 3318) папирусы определенно указывают, что у Гермарха было полемическое сочинение, направленное против Эмпедокла. Так Филодем в дошедших до нас частях сочинения «О благочестии» трижды упоминает, что Гермарх написал сочинение «Против Эмпедокла». Обратимся к одному из важных понятий, используемому во фрагменте трактата Порфирия, который академическая традиция приписывает Гермарху.

Порфирий указывает: «Что же до последователей Эпикура, то они говорят так, как если бы излагали пространную генеалогию, утверждая при этом, что когда древние законодатели изучали общественную жизнь людей и их поступки друг относительно друга, то провозгласили нечестивым и бесчестным убийство человека. Возможно, некое природное и наличное родство (oikeiōsis) человека с человеком, существующее благодаря подобию формы и души, сделало несподручным убийство таких вот живых существ, отличных от иных, чье убийство было принято» (Porph. De abstin. I, 7, 1) [2]. Таким образом, Гермарх, рассуждая о возникновении морали и происхождении справедливости, использует термин oikeiōsis в качестве одной из причин учреждения законов, регулирующих отношение к убийству человека человеком, а также отношение к убийству животных.

Понятия *oikeiōsis* вызывает большой интерес в контексте полемических приемов, использовавшихся эпикурейцами в критике оппонентов. Это понятие, общий смысл которого – «обоснование целесообразности действий живой «природы»» [3, 163] традиционно считается стоическим. А. А. Столяров полагает, что истоки его остаются не ясными, хотя аналоги можно найти у Платона [3, 371]. А. А. Столяров переводит этот термин как «склонность первичная, природная, природное расположение» [4, 142]. Однако большинство зарубежных изданий переводят этот термин не как «склонность», а как «родство, сродство, сходство» [5], а на английский язык – с использованием слов «kinship» или «akin» «схожий».

Ф. Дирльмейер полагал, что первым предложил обоснование понятия Теофраст [6], а затем уже оно появилось у стоиков и эпикурейцев. М. Поленц и М. Пемброк полагали, что оно было изобретено Зеноном или Хрисиппом [7, 2-47; 8, 147]. В 1988 году Р. Вандер Вард опубликовал статью, в которой доказывал, что термин *oikeiōsis* никак не мог быть почерпнут Гермархом у Хрисиппа, так как, когда Гермарх был уже известным философом и писал свое сочинение «Против Эмпедокла», Хрисипп был еще мальчиком, поэтому термин мог использоваться впервые только ранними стоиками, то есть Зеноном или его ближайшими учениками [9].

Понятие *oikeiōsis* было введено Гермархом для объяснения запрета убийства человека человеком. Стоик Хрисипп, критикуя в своем сочинении «О конечной цели» учение эпикурейцев о стремлении к наслаждению как первом побуждении человека, использовал этот эпикурейский термин в своей теории происхождения морали (Diog. Laert. VII, 85). Подобное «перехватывание» или переинтерпретация понятий — достаточно распространенный прием, использовавшийся стоиками в полемике против эпикуреизма. У Гермарха, в отличие от стоиков, которые понимали *oikeiōsis* исключительно в контексте возникновения индивидуального самосознания и чувства самосохранения, речь идет о социальном значении *oikeiōsis*, которое описывает восприятие людьми друг друга внутри человеческого сообщества и показывает невозможность такого отношения к живым существам вне этого сообщества.

Список литературы:

1. Krohn, K.W.G. *Der Epikureer Hermarchos*. Berlin, 1921
2. Порфирий. Сочинения. Пер. Т. Г. Сидаша. СПб, 2011
3. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М., 1995.
4. Фрагменты ранних стоиков. Том III. Часть 2. Пер. и комм. А.А. Столярова. М., 2010.
5. Longo Auricchio, F. Ermarco. *Frammenti*. La Scuola di Epicuro, vol. 6. Naples, 1988.
6. Dirlmeier, F. *Die Oikeiosis—Lehre Theophrasts*. (Philologus, Supplement, band XXX, Heft 1.) Pp. 100. Leipzig: Dieterich, 1937
7. Pohlenz, M. *Grundfragen der stoischen Philosophie*. Gottingen, 1940.
8. Pembroke, S.G., *Oikeiosis*, in A.A. Long (ed.), *Problems in Stoicism*, Athlone Press, London, 1971, pp.114-149.
9. Vander Waerdt, P.A. *Hermarchus and the Epicurean Genealogy of Morals*//*Transactions of the American Philological Association*, 1988, vol. 118, p. 87-106.

«ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ НЕЙРОНАУК»

РФФИ №20-011-00124 А

материалы круглого стола

Бродский Александр Иосифович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЕДИНСТВО ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ЕДИНЫЕ СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ
РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейро-наук»

В своем докладе автор собирается доказать, что все данные последних десятилетий в области нейрофизиологии, лингвистики, логики, семиотики и антропологии указывают на то, что единая Природа Человека, которую постулировало Просвещение – это не фикция и даже не «абстракция», а вполне опознаваемая (хотя и трудно определяемая) реальность. Человек повсюду одинаков, и его природа не зависит от культуры. Однако в докладе будет сделан акцент не столько на самих этих данных, сколько на вытекающих из них моральных следствиях. В частности, идея существования единой Природы Человека предполагает существование единых стандартов мышления и поведения (этики), которые не зависят от исторического опыта, традиций и верований. Эти стандарты одинаково доступны для всех. Но они неравномерным образом реализовались в различных культурах в силу тех или иных исторических обстоятельств.

Волкова Анна Владимировна

доктор политических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИЗАЙНОВ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ

РНФ №19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»

Цифровизация порождает множество новых связей и смыслов и, концептуально, основывается на таких принципах как разнообразие, полемика. Управление цифровым обществом смещается в сторону социальной координации, когда акцент делается на процессы (а не на структуры), причём его границы устанавливаются и постоянно обсуждаются участниками. Но по мере того как диапазон доступных объективных информационных технологий увеличивается, разрыв с практически реализуемыми технологиями увеличивается за счет существования организационных и институциональных барьеров. Цифровизация Германии характеризуется обострением конфликтов, связанных с проблемами уровня грамотности населения и традиционными противоречиями немецкого общества. Граждан Германии беспокоят экологичность политики цифровизации, потенциальные риски узурпации власти «новыми властными структурами» или «автоматизированными процессами», обеспечение инклюзивности, риск зависимости от определённых продуктов и крупных компаний, и защита персональных данных. В центре внимания — этические проблемы «Интернета вещей» (Internet of Things). Установка сети IoT (Internet of Things) технически достаточно сложна и также имеет порождает ряд конфликтов («smart» технологии интерпретируется и оце-

ниваются очень индивидуально: если повседневные, субъективные действия и потребности удовлетворяются быстрее, то ситуация воспринимается как «smart», подразумевая, что она лучше, чем раньше). Внедрение «умных технологий» не только в жизнь рабочую, актуализирует вопрос о границах личного и создает угрозу вторжения в личное пространство граждан. В дополнение к дискуссии о IoT, интерфейсах, обсуждается вопрос о необходимом для успешного функционирования системы государственного управления количестве данных и аспектах их защиты (сколько информации собирать и как её защищать/хранить/удалять?)

Наличие подобных конфликтов вызывает необходимость обращения и к институциональным возможностям этики. Интересен опыт Дармштадта, в котором, начиная с 2017 г., идет работа по кодификации этических принципов для процесса цифровизации и их внедрению в публичное управление. Консультативный совет по этике и технологиям Дармштадта выполнял за два года сопровождение почти 100 проектов по цифровизации, предоставлял административную и координационную поддержку для сложных случаев. Его институциональный дизайн определяют такие ценности как добровольчество, доверие, открытость.

Совет оценивает и консультирует дармштадтские цифровые проекты в соответствии со следующим принципом: наивысшей целью всех проектов по цифровизации выступает качество повседневной жизни граждан. Она должна стать более приятной, продуктивной и экологически чистой для каждого, при этом обеспечивая достижение ключевых целей сообщества. Базовый этические принципы («Этические рекомендации по развитию Дармштадта в цифровой город»), принятые решением консультативного в 2019 г., воспринимаются разработчиками как предложение для всей Германии (Die Beiräte der Digitalstadt Darmstadt <https://www.digitalstadt-darmstadt.de/digitalstadt-darmstadt/beiraete/>). В их числе: приверженность общему благу, демократический контроль, ответственность и прозрачность, инклюзивность и т.д. Нисколько не умаляя значимость обсуждения вопроса этического аспекта политики цифровизации, следует признать, что данные принципы ориентированы в большей степени на регулирование, а не обеспечение координации. Но это также путь повышения гражданской активности, гражданского сотрудничества и ответственности, способствующий развитию «цифровых способностей». В процессе институционализации цифровых инноваций, когда обмен знаниями и технологиями становится жизненно важным для развития каждой фирмы, отрасли и национальных экономик, а плюрализация делает неэффективным жесткое регулирование, формируется установка на обеспечение координации для управления знаниями и социально-информационными процессами, базирующиеся на этике. Можно говорить о том, что наряду с подтверждением важности регуляторных механизмов цифровизации в Германии наметилось движение в сторону обеспечения долгосрочных, базовых, социальных трансформаций.

Грачева Мария Витальевна

магистр прикладной этики, Санкт-Петербургский государственный университет

ВОСПРИЯТИЕ ЮМОРА, КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

РФФИ № 20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Вопрос о том, что отличает разум человека от разума животных или от некоего возможного разума, созданного искусственно, занимает большое количество ученых, как в нейронауках, ориентированных в большей степени на практику, так и в гуманитарных науках, ориентированных на теоретическое осмысление данного вопроса.

Некоторые ученые полагают, что элементом, отличающим человека от животного, является моральное сознание, возможность делать нравственный выбор. Другие (в их числе такие известные популяризаторы науки, как Франс де Вааль и Марк Бекофф) отстаивают точку зрения о том, что моральное сознание и эмпатия присущи животным в той же степени, что и человеку.

Эта проблема напрямую связана с другим не менее важным вопросом – кого можно считать субъектом морали в принципе.

Существует еще одна сфера, которую со времен античности, свойственно приписывать исключительно человеческому сознанию – это сфера комического. Точнее, способность создавать в коммуникативном поле такой контекстуальный элемент, который будет воспринят как определенная форма игры, следствием которой станет такая физиологическая реакция как смех.

В ситуации взаимодействия на биологическом уровне смех является маркером безопасности ситуации. С точки зрения нейробиологии также существует очень тесная связь игры и смеха, так как игра зависит от смыслового контекста. Франс де Вааль называет смех метасигналом, который помогает понять, что в действии не содержится агрессивного подтекста [Де Вааль Франс, 2020]. Впрочем, человек не становится исключением – совершая определенное действие, при условии, что оно будет подкреплено данным сигналом, или хотя бы приветливым улыбающимся выражением лица, мы даем понять о безопасности наших намерений.

Если говорить о ситуации, в которой смех стал реакцией на комическое, нельзя упускать еще один элемент – наше осмысление комического, не на физиологическом уровне, а рефлексивном. Смех – это невербальный сигнал, за которым стоит еще один элемент осознания ситуации – юмор, который является своеобразным регулятором нашего смеха.

Кроме этого, многие исследователи спорят о том, может ли являться моральным субъектом искусственный интеллект, и каким образом это возможно понять. Человеческий разум способен обучаться, узнавать новое, приобретать навыки. В этом плане, разум человека не отличается от искусственно созданного разума. Например, нейросеть способна обучаться и запоминать новые и новые алгоритмы, и множество возможных ответов на вопросы. Также, она способна запоминать шутки, и формулировать подходящие ироничные ответы на определенные вопросы. Существует множество примеров, когда ученые из совершенно разных стран пытались создать генераторы мемов, шуток, анекдотов (к примеру, программисты из Botnik Studios, которые выкладывали в твиттере шутки, сгенерированные нейросетью на основе выступлений стендап комиков) или нейросети, которые смогут шутить по определенному алгоритму (например, исследователи из университета Эдинбурга, которые создали некое подобие формулы шутки). Тем не менее, пока не создан искусственный интеллект, способный не просто сгенерировать случайную шутку по заданному алгоритму, а создать ее осознанно ради реакции смеха, или воспринять чужую шутку.

В качестве итога хотелось бы отметить следующее. Юмор и моральное сознание тесно связаны. Возможность воспринимать юмор, говорит не только о когнитивных способностях субъекта, но и о его восприимчивости к морали. Таким образом, можно сделать вывод о том, что способность реагировать на шутки и оценивать их субъективно, предполагает задействование схожего механизма сознания, что и при совершении морального выбора.

Литература

1. Бекофф М. Эмоциональная жизнь животных, Изд.: Весь, серия: Язык животных, 2010 – 208 с.

2. Де Вааль Ф. Последнее объятие Мамы Чему нас учат эмоции животных. Издательство: «Альпина нон-фикшн», М., 2020 – 442 с.

3. Кант И. Сочинения в 8-ми томах. Том 5. Критика способности суждений. М.: Чоро, 1994 – 414 с., с.174

Гришинева Анастасия Александровна

директор Центра трансфера технологий инновационно-технологического комплекса
Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

«ЦИФРОВОЙ СЛЕД»

КАК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Цифровой след как набор уникальных действий человека в цифровой среде становится неким показателем новой социальной активности личности. По его набору можно составить представление об интересах и пристрастиях человека, его предпочтениях и устремлениях, набросать социальный портрет индивида. На этом базируются аналитические системы больших данных, предлагая нам интересующий нас контент. Этим пользуются работодатели, изучая претендента на ту или иную значимую должность в компании. С учетом всего этого все более важным становится рассмотрение проблемы благонадежности личности на основе цифрового следа.

Все более активный переход человеческой жизни в цифровую среду ставит вопрос о том, на основе чего мы можем судить о морали человека в цифровой среде? Более того, необходимо отметить, что в условиях трансформации формирования отношения к человеку с учетом данной эпохи цифровизации, мы буквально вынуждены строить наше представление друг о друге по нашему цифровому поведению и оставленным цифровым следам.

Существующая реальность диктует частичный, а далее все более глубокий переход в цифровую среду, что влечет за собой необходимость существования критериев, на основании которых мы можем принимать решение о том, чтобы доверять или не доверять человеку, полагаться на него или нет. Одним из таких оснований является представление о благонадежности человека, которое отражено в цифровом следе.

Благонадежность представляет собой определенное качество личности человека, которое отражает способность других доверять ему на основании совершенных действий, а в существующей реальности – в том числе и на основании его цифрового следа, формирует представление о гарантии «безопасности человека».

Цифровой след является одним из приемлемых показателей благонадежности человека и применяется в различных аспектах жизни: среди работодателей при принятии решения о найме соискателя, скаутинг (проверка, поиск данных о партнерах) при подготовке к деловым встречам и переговорам, общение на сайтах знакомств при поиске партнера. Особенно актуален вопрос изучения цифрового следа сотрудников во время вынужденного (или необходимого) удаленного режима работы. Работодатели пристально взаимодействуют с цифровым следом соискателей и действующих сотрудников: изучают аккаунты в социальных сетях, предлагают пройти психологическое тестирование (иногда в дистанционном формате с выводом результатов на корпоративные платформы компаний). Востребованность цифрового следа растет практически ежедневно, особенно сейчас, когда огромное количество людей совершают различные действия: от работы до заказа еды в цифровом пространстве.

Более того, аналитики утверждают, что накопительный эффект цифрового следа позволит через 15 лет заменить понятие поиска кандидатов на идентификацию конкретного человека.

Однако, необходимо учитывать, что отражение цифрового следа формирует определенные риски для человека. В первую очередь это проблема доверия: можно ли доверять цифровому портрету? Ряд источников уверяют, что это нужно делать это с большой осторожностью, так как человек сознательно формирует свой цифровой портрет, когда он понимает, что от продемонстрированных открытых данных зависит его статус, трудоустройство, реноме и т.д. Затем, всегда остается высокая вероятность того, что в цифровой среде человек старается представить себя лучше, чем он есть на самом деле, продемонстрировать самые «выгодные» стороны своей жизни, оставляя по другую сторону все сведения, которые могли бы негативно отразиться на его репутации, поскольку каждому из нас важно общественное мнение (Дж.Локк).

Таким образом, в цифровом мире формируются свои паттерны двойной морали – расхождение между тем, что реально из себя представляет человек, какие ценности лежат в основе его поведения и тем цифровым портретом, который он создает.

Климович Анна Игоревна

кандидат философских наук, доцент

Цвирко Владислав Иосифович

студент, 4 курс

Белорусский государственный университет

ЭЛЕКТРОННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ КАРТА КАК УДВОЕНИЕ ОБРАЗА ПАЦИЕНТА

Исследователи отмечают, что так называемая «биотехнологическая революция», затронувшая в первую очередь сферу медицины, способствовала переходу капитализма в новую стадию, получившую название биокапитализм [1, с. 27]. основополагающее значение для капитализма имеют понятия дохода и дополнительной стоимости, главенствующей целью капиталистического общества является получение прибыли. Данной цели подчинены такие важные отрасли современной медицины как генетика, трансплантация органов и тканей человека, сфера применения вспомогательных репродуктивных технологий и т.д. Ценности современного биокапитализма стали основанием стремительно развивающейся фармацевтической индустрии. Оправдание биокапитализма связано, на взгляд авторов, с появлением новой редакции прав человека – так называемых соматических прав, когда право на распоряжение собственной телесностью для лица является безусловным.

В данной ситуации возможность получения дохода в медицинской деятельности оказывается напрямую связанной с применением утилитаристского критерия по отношению к пациенту, одновременно наблюдается совмещение элементов автономной (контрактной) и технократической модели, в качестве важной черты последней на современном этапе необходимо рассматривать переход массива данных в сфере здравоохранения на электронные носители.

Диджитализация здравоохранения (цифровизация здравоохранения или цифровое здравоохранение) – это внедрение информационно-коммуникационных технологий в систему здравоохранения [2].

Перевод здравоохранения на электронные носители предполагается рассматривать как объективный фактор, однако, в реальности медицинский работник не может воспринимать данный феномен как целиком и полностью нейтральный. В качестве главной проблемы, препятствующей такому подходу, необходимо отметить то, что электронная карта становится своеобразным двойником личности пациента, однако, речь здесь идет об ограниченном объеме информации, связанном непосредственно с телесностью пациента, электронная медицинская карта включает только физиологическую

и психологическую составляющие, а также предоставляемую пациентам информацию о имеющихся у него рискованных формах поведения. Во-вторых, в современности электронные данные пациента представлены единым унифицированным массивом. Такие единые унифицированные массивы являются уязвимым источником информации о пациенте с технической точки зрения.

Таким образом, электронная документация пациента, в частности электронная медицинская карта представляет собой удвоенный образ пациента, содержащий клиническую информацию и требующий специальных методов шифрования данных, а также выработку особых этических подходов к трактовке таких форм цифровых данных, несоотнесенных с нейтральным документооборотом.

Литература

1. Михель, Д.В. Биокапитализм: новые технологии, новая экономика, новые формы труда и контроля в глобальном мире / Д.В. Михель // Реферативный журнал. «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. – 2019. – №4. – С. 25-46.

2. Концепция развития электронного здравоохранения РБ Дата доступа: 13.09.2020. Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/elektronnnoe-zdravookhranenie/kontseptsiya-elektronnogo-zdravookhraneniya/>

Клюева Наталья Юрьевна

кандидат философских наук, доцент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: АКТУАЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта как научно-практического направления (далее ИИ) и их растущее влияние на общество порождают ряд этических дилемм, и тем самым оказываются предметом дискуссии в рамках моральной философии. Одни сферы развития ИИ представляются вполне нейтральными в этическом плане. Так, например, достижения в области интеллектуальных игр, где уровень ИИ превзошел уровень лучших игроков среди людей, не предполагает сложных морально-этических решений и в большей степени воспринимаются, как прогресс в области науки и технологий. Другие же области применения технологий ИИ порождают ряд этических дилемм. Так, например, применение ИИ в области медицинской диагностики и роботизированной медицины, беспилотный транспорт, автономное вооружение, социальная робототехника и многие другие оказываются иногда даже на этапе разработки с этической точки зрения отнюдь не нейтральной технологией.

Технологии ИИ могут быть проанализированы как «технологии двойного назначения» (Dual-Use Technology), их потенциально злонамеренное использование может приводить к довольно большим рискам для общества, зависящего от технологий. Использование ИИ может приводить к риску дискриминации, новым техникам ограничения свободы ради безопасности, риску вторжения в частную жизнь, способствовать возникновению общества тотального цифрового контроля.

Ряд сфер, где предполагается использование ИИ или уже используется ИИ, требуют не только безупречное выполнение некоторого функционала, но и присутствие живого человека, человеческую эмпатию. «В таких профессиях как врач, военный, судья, полицейский, сотрудник колл-центра и, в том числе сиделка для пожилого человека, люди не должны быть заменены на роботов...», – писал один из пионеров ИИ Дж. Вейценбаум еще в 1976 году. Так, например, в области социальной робототехни-

ки помимо возможности злонамеренного использования ИИ принципиальным оказывается вопрос о возможной угрозе человеческому достоинству.

ИИ не только все лучше решает набор интеллектуальных задач, но и становится все более реалистичным. Одно из направлений, в котором работают ученые и инженеры, благодаря которому машины становятся более «человечными», – эмоциональное программирование. Эмоциональный ИИ – это способность машины распознавать, интерпретировать и воспроизводить человеческие эмоции, такие как радость, грусть, злость, страх, отвращение, удивление и другие. В поле зрения социально-гуманитарной экспертизы инновационных технологий и их влияния на общество часто попадают вопросы о том, что роботы заменят человека в ряде профессий, фактически сегодня речь идет об автоматизации ряда профессий интеллектуального труда. Однако эмоциональное программирование создает конкуренцию человеку и в межличностных отношениях. ИИ, машины, роботы, виртуальная реальность могут вытеснить человека из человеческих взаимоотношений. С развитием робототехники эти риски становятся все ощутимее. На фоне развития этого направления небесспорно появляется дискуссия вокруг вопросов об этичном обращении с роботами.

Самые острые этические дискуссии вызывают сферы применения ИИ, в частности такого подхода в ИИ как нейронные сети с использованием машинного обучения, где машина сможет или уже может принимать моральные решения в полностью автономном режиме. Машинное обучение делает принципы работы ИИ непрозрачными, поведение машины нельзя в полной мере объяснить замыслом программиста, а значит, затруднен вопрос о распределении ответственности. Здесь ключевыми оказывается обсуждения ограничений при создании и использовании технологии автономного летального вооружения (LAW); а также дискуссии вокруг выбора базовых принципов программирования автономного транспорта и возможностей его использования на дорогах общего пользования.

Ковалева Татьяна Викторовна
кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Плащенко Златица Златица
доктор философии, профессор
Comenius University in Bratislava

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИЗМА И ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ, БИО И НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Slovak Research and Development Agency №APVV-18-0103, «Paradigmatic Changes in the Understanding of Universe and Man from Philosophical, Theological, and Physical Perspectives».

Доклад посвящен проблемам трансформации понимания гуманизма и человека в современном обществе, что связано с процессом оцифровки и внедрения в повседневную жизнь новых био и нейротехнологий. Цель – обозначить основные парадигматические рамки гуманизма в контексте различных философских подходов, господствовавших в XX в., и, одновременно, указать на современный естественнонаучный подход к пониманию гуманизма и человека, связанный с процессом оцифровки общественных отношений. В связи с этим можно даже говорить о своеобразном «цифровом гуманизме», как о символическом коде. Авторы также проанализируют гуманизм, как символический код, с точки зрения трех базовых позиций: позиций отношений, цен-

ностей и норм, в рамках которых понимание гуманизма будет ассоциироваться с долгом, свободой и ответственностью.

Цифровизация общества, как новая реальность, несет в себе много рисков и очевидных моральных проблем для общества и требует внимательного анализа и осмысления. В данной связи, возникает необходимость понимания трансформации этических ценностей и поиск традиционных научных подходов для выявления и анализа ценностных регулятивов для обоснования их фундаментальной модальности и интерпретации возможных переходных форм при столкновении современного социального общества с различными цифровыми технологиями нового поколения. Консервативность общества, его стремление к сохранению предыдущего мироустройства вынуждают научное сообщество информировать его о возможных потенциальных проблемах и об их возможных решениях для минимизации его стрессового состояния. Очевидно, что проведение фундаментального научного исследования, включающего в себя теоретический и эмпирический анализ влияния новых цифровых отношений внутри общества через трансформацию этических принципов ведет к новому пониманию значения гуманизма в рамках социально-культурных отношений, возникающих вокруг функционирования и использования цифровых платформ, к формированию новой цифровой метаэтики, к смене коннотаций этических категорий, к выявлению динамических и структурных показателей конфликта между старыми и новыми структурно-этическими регулятивами и управлению ими (прогнозирование, предупреждение и разрешение). Данная проблематика характеризуется высокой степенью актуальности для социо-гуманитарных наук в формировании философской модели цифрового общества, где использование матричной системы выявляет основные противоречия между социальным рейтингованием, различными социальными практиками общества и инструментами, методами цифровизации, которые все больше проникают во все сферы общества, вызывая конфликт своей вне социальной направленностью в стремлении контролировать жизнь и поступки индивидуума и всего общества. В этом отношении значимым аспектом является философский подход к выявлению особенностей цифровой модели общества и интегративное рассмотрение этических принципов и категорий, значимых для его функционирования в цифровом пространстве, на примере трансформации понятия гуманизма, которое является определяющим и многофункциональным, поскольку такие категории, как свобода, ответственность, справедливость приобретают новые черты под влиянием процесса цифровизации.

Кузнецова Марина Борисовна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОРМЫ МЕДИЙНОЙ ОБРАЗНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Медианаука в качестве основного вопроса формулирует следующее: какое сообщение представляет собой каждый новый посредник или медиа и как он трансформирует тем самым ценностные ориентации человека и общества, требуемые варианты социальных отношений, поведения и способы восприятия. К сожалению, ответить на этот вопрос можно только с помощью сравнительного изучения способов записи и трансляции данных различных медиа в историческом и культурном контексте.

Медиальное в этой логике изучения значимых «месседжей», полученных от самих новых медианосителей, представляет собой непосредственность языковых сообщений и интерактивную среду, делающую их возможными и представляющую пространство для образования смыслов.

В мире повседневности везде присутствуют образы. Современность называют эпохой «визуальной культуры», «культуры картинок», где прогрессирует наполнение действительности разными объектами-образами. С появлением цифровых изображений и каналов их распространения (телевидение, Интернет и т.д.) последние стали важным посредником между человеком и миром, значимыми факторами для науки и в целом коммуникации в обществе.

В. Беньямин в знаменитом эссе 1936 г. о влиянии техники на искусство использует идеи Маркса для пересмотра традиционных трактовок искусства. Возможность воспроизводства произведений искусства с помощью техники создает новую ситуацию в культуре. Ритуальные черты искусства (связь искусства с религиозным культом и магией) утрачивают свое значение и искусство основывается уже не на ритуале, а на политике. Кроме того, искусство становится, прежде всего, имеющим выставочную ценность и способностью стать массовым продуктом потребления. Уходит «аура» произведения искусства, и оно вырывается из истории и традиции. Фотография и кино фиксируют события как свидетелей истории и поэтому имеют политическое значение. К тому же, массовизация делает кино (а позже ТВ и Интернет) суперважными политическими факторами влияния. На примере «Цветов зла» Бодлера В. Беньямин фиксирует трансформацию классического искусства с его «аурным» опытом в шоковые переживания общества.

Образ обладает такой чертой как драматизация зрелища, так как медийность предполагает возможность «пересоздания действительности». В тележанрах существуют разные степени соотношения документального и сконструированного. На одной стороне зрелища полностью документализированы, на другой – такие, где происходит конструирование и комбинирование нового из наличных элементов. Такие действия позволяют осуществлять технику тиражирования и передачи информации, о чем также писал В. Беньямин. Отсюда – и представления, особенно характерные для зрителей-киберспортсменов, что события можно отмотать назад и снова повторить. Этот «мягкий» мир, в котором все обратимо, и не требует большой моральной ответственности. Человек общества потребления и постпотребления на фоне образов медиа выбирает и в жизни варианты событий как покупатель выбирает товары в магазине.

Форма фрик-шоу на ТВ, к которой причащают зрителей, полна медийной образности. Это и драматизация, и карнавальность, и зрелищность. На шоу всегда есть артисты, выступающие как мэтры нравственности и адвокаты, которые выступают как артисты. Они ездят на майбахах, демонстрируют роскошь и успех и выводят на первый план не содержание проблемы, а ее карнавальную медийную форму. В итоге серьезные темы превращаются в шоу-развлечения с одноглазыми свидетелями, космическими зелеными человечками и фриками всех мастей. При этом страдают нравственность и закон, даже доходит до дискредитации адвокатской этики.

Во многих ток-шоу возникает конфликт между тайной, стыдливостью и раскрытием всего, что следовало бы скрыть. Как пишет А. Секацкий, исчезает вертикальное измерение человека, человек упрощается, истина сводится к общедоступности, к возможности быть переданной в SMS режиме. Это же происходит и в культуре в целом. Исчезает таинственное, постыдное, все просвещается до конца, наступает эпоха прозрачности, транспарации. Известный медиаисследователь А. Черных видит в откровениях на шоу положительный момент – изживание проблем через их называние, что-то похожее на акт экзорцизма. Однако, многие зрители и пользователи ТВ и Интернета, а также исследователи этих проблем рассматривают такое упрощение как нравственное зло. Существуют множество подобных ценностных конфликтов в сферах медиа и в самой жизни вплоть до призывов к созданию новой этики и новой нормальности, ко-

торы звучат на фоне вытеснения чистой этики прикладными и профессиональными этиками все громче. Противники таких ориентаций говорят о защите предельных рамок этики, о суперважности борьбы за социокультурную нормальность, которая важнее даже экономических успехов. Нельзя позволить дегуманизировать человека, приравнять его к техническим и природным объектам с помощью передовых цифровых технологий.

Ларионов Игорь Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ЭТИКИ

РФФИ №20-011-00124 А «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Стремление тем или иным образом соединить этику как часть философии и естественные науки насчитывает не один век. Его современной формой можно считать тенденцию объединять этику с нейронауками, что происходит во многом под влиянием интереса философии к исследованию мозга во второй половине XX века (напр. Д.Дэвидсон). Опора на данные естественных наук позволяет избежать субъективистских ошибок интроспекции, влияний внешней среды (социума, культуры), на устранение которых была направлена прежняя философская методология.

До определенного момента наиболее обоснованным следует признать исследование т.н. «приобретенной социопатии», дающее эмпирические данные о структуре моральной мотивации человека (А.Дамасио, Antonio Damasio [1]). Люди с поражением префронтальной коры головного мозга теряли способность испытывать определенные эмоции и вести себя приемлемым для общества образом (наиболее знаменитый казус – Ф.Гейдж, Phineas Gage). Но они не теряли способности понимать содержание моральных категорий, норм и ценностей и даже демонстрировали рациональную убежденность в них, которая, однако, не сопровождалась мотивированностью к поступку. Эти исследования подстегнули теоретическую дискуссию о рационализме и эмотивизме в этике.

Появление функциональной магнитно-резонансной томографии, несомненно, перевело исследование на новый эмпирический уровень. Предшествовавшие исследования функционирования психики пытались выявить скрытые аспекты морального поведения. Теперь же они кажутся доступными для непосредственного наблюдения и фиксации.

Настоящий взрыв новых работ вызвало исследование под руководством Д.Грина (Joshua D. Greene [2]): было показано, что в двух версиях знаменитой дилеммы вагонетки испытуемые показывают разную степень эмоциональной вовлеченности, что приводит к различным результатам: они отказываются самостоятельно сталкивать человека с моста, чтобы остановить вагонетку, но хладнокровно соглашаются перевести стрелку, что вызовет смерть одного человека вместо пяти. Тем самым, был сделан вывод, что рациональное применение нравственных принципов к ситуации возможно при условии низкой эмоциональной вовлеченности. Данное объяснение получило название «emotion/cognition dual-process model». Любопытно, что в ее рамках рациональная стратегия принятия решений была отождествлена с утилитаризмом.

Данный подход был неожиданно поддержан таким авторитетом, как Питер Сингер [3]. Он использовал представленную модель как аргумент в пользу:

- рациональной природы морали, то есть против скептицизма и релятивизма;

- утилитаризма, которого сам придерживался, и против интуитивизма, воплощенного, по его представлениям, в деонтологической этике. Д.Грин также полагал, что «деонтологическая этика в значительной степени есть упражнения в конфабуляции (ложных воспоминаниях)» [4].

Однако в указанной работе П. Сингер также поддержал такую важную мысль, как утверждение, что задачей собственно этики, в отличие от естественных наук, остается выведение нормативных принципов. Данный аргумент имеет важнейшее значение.

Во-первых, следует обратить внимание, что исследования работы головного мозга касались не природы морали как таковой, но, по сути, отдельных проблем этики (эмпатия, то есть моральное чувство, эгоизм и т.п.).

Во-вторых, проводя различие между рациональными и эмоциональными реакциями на морально значимые ситуации, данные исследования перевели проблему с содержательного на методологический уровень – какой из двух (или более) естественных источников нашего нравственного поведения мы должны взять в качестве критерия нравственного, и следует ли использовать данные естественных наук в ходе формулировки таких критериев.

Литература

1. Damasio A. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. NY.: Putnam Publishing, 1994.

2. Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., and Cohen J.D. «An FMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment.» // *Science*, 293(5537): 2001. P.2105-2108.

3. Singer P. «Ethics and intuitions» // *Journal of Ethics*. V.9, №3-4 (October 2005). P.350-352.

4. Greene J.D. «The Secret Joke of Kant's Soul» // *Moral Psychology*. Ed. W. Sinnott-Armstrong. Vol.3: *The Neuroscience of Morality: Emotion, Disease, and Development*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. P.35-79.

Мапельман Валентина Михайловна

доктор философских наук, профессор

Московский городской педагогический университет

ПРОРЫВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:

МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС И НРАВСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В современном мире наступили времена неуёмного терминологического творчества. Менее всего оно оказалось связанным с научным исследовательским процессом, периодически сопровождающимся открытиями, обуславливающими необходимость введения в научный оборот новых терминов. Их звучание, смысл и сочетание с действующим понятийным аппаратом в конкретной научной сфере, с системой общенаучных понятий и культурным разговорным языком всегда требовали и требуют большой работы и высокой ответственности учёных. Однако в наши дни требования науки, кажется, мало волнуют не только сторонников терминологических заимствований, но и самих учёных.

Обидно, что это коснулось и философского знания. Нам настойчиво навязывают десятки новых слов в качестве терминов, а мы оперативно начинаем их «приспосабливать» к своим предметным областям, пытаемся этим продемонстрировать, что находимся на «острие» современной актуальной научной проблематики. Однако многое из предлагаемого свидетельствует не столько о своей теоретической необходимости, сколько о комплексах самих инициаторов. Большинство из них имеют аналоги в отечественном языке (нередко более богатые нюансами). Почти каждый «новодел» пред-

ставляет собой не понятие, а образный языковой оборот (или его неуклюжий перевод), что, в свою очередь, является нарушением элементарных логических правил работы с понятиями и определениями.

В последнее время обращает на себя внимание необычайная активность на данном поприще экономического знания, претендующего на универсальность своей терминологии и первостепенность своих интересов для всех сфер материальной и духовной жизни общества, а также исследующих их наук. Так в частности произошло с терминами «инновация», «инновационные технологии» и «прорывные технологии», претендующими на общенаучность.

Инновация – это не сам процесс открытия или изобретения, а уже внедрённая или внедряемая оригинальность, которая должна способствовать повышению эффективности процессов и улучшению качества продукции востребованной рынком. Реализация именно этих трёх условий и делает её инновацией.

Инновационные технологии – это приёмы, методы и средства реализации инноваций (продвижение, подготовка кадров, контроль и т.д.). Для них характерна коммерциализация, ибо цель данных технологий – вытеснение старого продукта (товара, услуги) и внедрение нового, приносящего большую выгоду.

Прорывные технологии – это инновационные технологии, занявшие среди всех аналогичных процессов место общепризнанного лидера, демонстрирующие ранее не достижимые возможности. Продукт прорывных технологий (среди других инновационных технологий) должен иметь максимально широкий спрос и универсальную доступность, при этом быть наиболее выгодным для потребителя.

Конечно, этим терминам можно давать любые произвольные трактовки, их звучание вызывает разнообразные ассоциации, но введены в оборот они были в рамках экономического знания и потому наполнение их принципиально иным содержанием, серьёзно отличающимся от первоисточника, некорректно.

Давая этические оценки «прорывным технологиям», целесообразно отдельно выделять аспекты, характерные для морального сознания и нравственных действий. С точки зрения морали данные процессы сориентированы на пользу, выгоду, удобство, необременительность усилий. Польза, будучи в определённом смысле связанной с благом, реализуется в этом случае в достижении преимуществ, личного успеха и благополучия. А вот нравственный срез проблемы, связанный с выбором «меньшего зла» и, следовательно, сознательным нарушением требований морали, демонстрирует, что данные результаты участник событий считает для себя простительными, допустимыми, терпимыми и возможными для исправления. Любые технологии содержат в себе способность приносить как пользу, так и вред. Однако в этой «дилемме двойного применения» сторонникам прорывных технологий интересен лишь аспект пользы (точнее выгоды, признания лидерства).

Странным образом этические оценки современных технологий и, прежде всего тех, которые касаются деятельности в областях экономики, политики и техники, начали отождествляться с оценками безопасности жизнедеятельности. В частности, многие из них сводятся к обеспечению доступности информации, защите её конфиденциальности и гарантиям доверия к представленным сведениям, препятствию криминальным и агрессивным политическим проявлениям, сохранности здоровья (медицинского, психического, социального).

При этом не обсуждается очевидный, лежащий на поверхности факт – многие проявления аморальности и безнравственности, связанные с разработкой и внедрением новых технологий, в том числе и прорывных, есть результат порочности моральных принципов их заказчиков, идеологов, авторов, разработчиков и пользователей.

Нравственные ориентиры этих людей настроены на «меньшее зло» в первую и главную очередь лично для себя. Прикрытием данной откровенной практики безответственности является бурная деятельность по разработке разного рода моральных кодексов и правил, организации комитетов и комиссий, принятии планов и регламентов, которые они сами готовы бесконечно обсуждать и дорабатывать, но выполнять их не собираются, так как это им не выгодно.

Назаров Владимир Николаевич

доктор философских наук, профессор

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТАНАТОЛОГИИ (К ВОПРОСУ О «ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕ ПОСЛЕСМЕРТИЯ»)

Современные информационные технологии позволяют огромному количеству данных пережить своих реальных (живых) носителей в интернете, что влечет за собой появление новых форм присутствия после смерти. Это способно кардинально изменить наши традиционные представления об этике смерти и нравственно-религиозных нормах похоронного ритуала и этикета и привести к принципиально новым этико-правовые коллизиям и дилеммам, связанным с присутствием «онлайн-мертвецов» и их «цифровых останков». Как следствие этого появляются фирмы, предлагающие создание и обслуживание персональных цифровых двойников, которые переживают своих пользователей и продолжают действовать в интернете, например, в компьютерных играх или различных метареалистических проектах. Это приводит к коммерциализации цифрового послесмертия и возникновению новой отрасли «экономического производства» – «индустрии загробной жизни» (Digital Afterlife Industry, DAI), заинтересованной в максимальном увеличении «производства» цифровых останков.

Цифровая индустрия загробной жизни предлагает четыре вида услуг: 1) по управлению приватной информацией; 2) по обслуживанию посмертных сообщений; 3) онлайн-мемориальные услуги; и 4) услуги по воссозданию личного аккаунта. В глобальной инфосфере делаются лишь первые шаги для создания нормативной базы, обеспечивающей этическое регулирование цифровых останков в коммерческих целях. Одним из начинаний такого рода является исследование Оксфордского интернет-института (OII), в котором изыскиваются регулятивные принципы распоряжения цифровыми останками. Проект исследования был опубликован в журнале «Природа человеческого поведения» под названием «Этические рамки для цифровой индустрии загробной жизни» [1]. Исследование исходит из предпосылки, что онлайн-остатки следует рассматривать как расширение границ человеческого тела, и что к ним следует относиться с той же степенью заботы и уважения, как и живому человеку, а не манипулировать ими для коммерческой выгоды.

В качестве определённого прецедента моральной регуляции в сфере «цифровой этики послесмертия» можно рассматривать «Кодекс профессиональной этики Международного совета музеев» (ICOM), в котором подчеркивается, что с человеческими останками следует обращаться в соответствии с «их нерушимым человеческим достоинством», требующим чтобы цифровые останки рассматривались как «информационные трупы умерших» и считались неотъемлемой ценностью. Поэтому они не должны использоваться исключительно для коммерческой выгоды. В рекомендациях о системе регулирования в документе прописаны четыре возможных органа обслуживания цифровых останков: 1) службы управления информацией, 2) посмертные службы обмена сообщениями, 3) онлайн-мемориальные службы и 4) службы воссоздания, которые используют цифровой отпечаток человека для создания новых сообщений,

воспроизводящих онлайн-поведение умершего. В соответствии с этими службами коммерческие фирмы должны гарантировать потребителям полную информированность о том, как их данные могут использоваться или отображаться в случае их смерти.

Литература

1. Öhman, C., Floridi L. An ethical framework for the digital afterlife industry // *Nature Human Behavior*, 2018, № 2, pp. 318-320. URL: // <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0335-2> (дата обращения: 07.09.2020).

Овчинникова Елена Анатольевна
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейронаук»

Необходимость анализа нравственной культуры современного общества продиктована очевидными процессами трансформации морали (прежде всего, общественной морали, моральных институтов современного общества), попытками декларировать, прежде всего в медийном пространстве, появление «новой этики». Этот сложный процесс моральной динамики современного общества может быть охарактеризован, с одной стороны, расширением сферы влияния морали на общество, которое проявляется, в том числе и в таком явлении, как медийное морализаторство, с другой стороны – вытеснением морали из социокультурного пространства. С целью более целостного анализа современных социально-этических проблем необходимо, на наш взгляд, актуализировать концепт «нравственная культура», который имел широкое распространение в отечественной этике советского периода. Понятие «нравственная культура» присутствует в современном языке морали на разных уровнях – от обыденного употребления, до уровня теоретической рефлексии, однако, как нам представляется, он требует реактуализации и теоретического осмысления в современных социокультурных условиях. Вопрос об определении нравственной культуры, ее структурно образующих элементах, характерных особенностях, может быть предметом отдельных дискуссий. (Здесь следует заметить, что не лишним было бы обратиться к анализу уже существующих теоретических моделей и концепций нравственной культуры). Но первым этапом на пути осмысления проблем нравственной культуры современного общества нам представляется выявление и анализ факторов, оказывающих влияние на ее трансформацию. Среди основных факторов следует выделить экономический (включающий проблемы, связанные с цифровизацией экономики, изменением отношения к труду, ресурсам и др), политический (прежде всего, проблемы идеологии, взаимодействия политических и моральных институтов в современном обществе), фактор права (актуальным в этом аспекте может быть не только проблема правовой нормативности, но и анализ концепта «правосознание» в общественной морали и в пространстве нравственной культуры), социокультурные факторы, оказывающие влияние на формирование ценностных векторов культуры, поведенческих практик, образов через медийное пространство, современное искусство (в этом аспекте особый интерес представляет проблема влияния «новых медиа» на нравственную культуру общества), медийный характер современной культуры может рассматриваться как особый фактор влияния (возможно, его следует выделить особо), фактор науки, ее влияние на моральное сознание общества (воздействие науки можно проанализиро-

вать в тесной связи с современными медиа, это процессы популяризации, «медиатизации» современной науки, нормативным и ценностным трансформациям). Безусловно, выделение данных факторов само по себе не отличается новизной, но, на наш взгляд, задачей этического исследования может быть изучение современного состояния общества, выделение новых тенденций, ценностных доминант, оказывающих влияние на моральную трансформацию нравственной культуры.

Павлова Елена Вячеславовна
обучающийся бакалавриата, 4 курс,

Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РИСКОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

РНФ №19-18-0015 «Риск-рефлексии в современных российских стратегиях управления конфликтом»

Текущие оценки глобальных потерь рабочих мест из-за цифровизации колеблются от 2 миллионов до 2 миллиардов к 2030 году. Но существует большая неопределенность, связанная с ее влиянием на заработную плату и условия труда.

Согласно исследованию Oxford Economics от июня 2019 года [1], количество роботов, использующихся по всему миру, увеличилось втрое за последние 20 лет и возросло до 2,25 млн. Если данная тенденция продолжится, то к 2030 году роботы могут занять более 20 миллионов рабочих мест по всему миру. Только в одном Китае в течение следующих 11 лет будет работать порядка 14 миллионов роботов. В связи с данными процессами автоматизации труда возникает проблема утилизации высвобождающихся трудовых ресурсов. Более того, данные изменения могут привести к повышению уровня конфликтности на почве массовой безработицы.

Процесс цифровой трансформации вносит фундаментальные изменения и в саму рабочую практику. Появляются новые формы взаимодействия между работниками и машинами/роботами и новые типы рабочих мест. Например, в связи с так называемой «уберизацией»- заменой посредников цифровыми платформами- происходит интенсификация рабочего производства, что создает риск для здоровья и безопасности работников. Использование цифровых технологий, вроде искусственного интеллекта, оказывает на работников огромное давление из-за меняющихся стандартов работы и эффективности, в связи с чем, у них увеличивается уровень стресса и тревоги, что приводит к ухудшению как физического, так и психического здоровья и ставит под угрозу безопасность на рабочем месте [2]. Остроту данной проблемы показывает принятие в 2019 году Резолюции о стрессе на работе [3].

Более того, ученые уже сейчас говорят о том, что некоторые роботы могут быть умнее людей. Это поднимает вопрос об авторитете и подчинении: будут ли работники подчиняться роботам? К тому же, возникает множество вопросов: о конфиденциальности; ответственности за действия роботов; статусе роботов; о человеческом достоинстве; изменении общественных ценностей; непричинении вреда роботами, которые только предстоит еще решить [4].

Также, происходит трансформация форм организации труда. Это влечет за собой серьезные изменения в: задачах, выполняемых сотрудниками, и способах их выполнения, уровне автономности работы; сроках производства; требованиях клиентов; взаимоотношениях с коллегами и начальством и границах между работой и личной жизнью. [5]

Литература

1. Report- how robots change the world

[https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2240363/Report%20-](https://cdn2.hubspot.net/hubfs/2240363/Report%20)

Таким образом, на данном этапе созданы предпосылки для повсеместного внедрения принципов устойчивого производства. В этом заинтересованы не только международные организации и национальные правительства, но и бизнес-структуры.

Среди ключевых принципов организации труда, способствующих долгосрочной устойчивости предприятия, Международная финансовая корпорация [3] выделяет необходимость внедрения прозрачной кадровой политики. Это подразумевает обеспечение доступа к информации о правах сотрудников, регулируемых национальным законодательством, а также открытую коммуникацию по вопросам условий труда и найма, в том числе относительно заработной платы и бонусов, рабочего времени, условий организации отдыха и переработок. Особое место отводится возможности формирования организаций работников и созданию механизма продуктивного рассмотрения жалоб для улучшения рабочих условий и повышения эффективности труда. Целью становится реальное отсутствие дискриминации и равные возможности.

Одно из важнейших направлений sustainable production – это поддержка местных сообществ в организации и коллективной деятельности, что повышает доверие не только у местных жителей, но и среди мирового сообщества. Одним из важнейших принципов является контроль за всеми звеньями цепей поставок на предмет этического использования труда местного населения. Например, это инструмент сокращения масштабов нищеты в Африке, способствующий созданию социально и экологически устойчивой международной торговли. Согласно прогнозам, к 2050 году 90% населения субсахарского региона будет находиться в состоянии нищеты. Устойчивое производство направлено на поддержку фермеров и ремесленников, которые социально и экономически маргинализированы. Следование принципам устойчивого производства не только способствует увеличению доходов, но и содействует сотрудничеству и позитивным культурным связям между работниками. Более того, люди, участвующие в цепочке поставок, основанной на вышеперечисленных принципах, повышают ценность своей культуры и идентичности, окружающей среды, а также продукта.

Литература

1. Цели в области устойчивого развития ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
2. Глобальное исследование потребительского спроса. PwC. 2019 г. URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/gcis-2019-ru.pdf>
3. Labor and Working conditions. International Finance Corporation. URL: <https://firstforsustainability.org/risk-management/understanding-environmental-and-social-risk/environmental-and-social-issues/labor-and-working-conditions/>

Перов Вадим Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

«НЕЙРОЭМОЦИИ» И МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР

РФФИ №20-011-00124 «Трансформация нравственной культуры под влиянием нейро-наук»

В контексте данного исследования под «нейроэмоциями» понимается достаточно широкий спектр явлений. В общем виде речь идёт о тех нейрофизиологических процессах, которые прямо или косвенно влияют на настроения и переживания людей, что, в свою очередь, находит выражение в их поведении и поступках. В этическом плане наибольший интерес вызывает явление эмпатии, которое обычно понимается как это способность понимать или чувствовать переживания другого человека посредством своеобразной «подстановки» себя на место другого. Именно эмпатия за-

частую рассматривается как эмоциональная основа так называемого просоциального поведения. Во многих концепциях просоциальное поведение рассматривается (а) поведение, целью которого является стремление принести пользу другим людям или всему обществу; (б) соблюдение существующих в обществе формальных и неформальных правил. В обоих этих смыслах просоциальное поведение интерпретируется или как тождественное морально правильному поведению, или как включающее моральную составляющую в качестве необходимого элемента. Особое внимание при этом уделяется проблеме оснований морального выбора, который в обобщенном виде понимается как выбор именно «эмпатически правильного просоциального поведения».

Несмотря на то, что сходные с эмпатией этически значимые эмоциональные явления (например, «моральные чувства») обсуждаются не первое столетие, происходящее в последнее время бурное развитие нейроисследований дало существенный стимул для их изучения. В качестве основания для правильного морального выбора или способствующего ему обычно рассматриваются (а) различные биологически активные вещества (например, эндорфин, дофамин, серотонин, окситоцин и т.д.), влияющие на функционирование нервной системы, (б) особенности строения и активности самой нервной системы (например, «зеркальные нейроны», деятельность которых во многом обеспечивает эмоциональное заражение). Не отрицая наличие таких нейроэмоциональных факторов на поведение людей, возникают сомнения в их главенствующей роли в отношении поступков, связанных с моральным выбором. К наиболее существенным из них можно отнести следующие.

1) В теоретическом плане следует отметить наличие классической «натуралистической ошибки» и ошибки «проблемы сущего-должного», когда происходит смешение дескриптивных (фактических) и нормативных суждений.

2) Во многих рассуждениях, которые рассматривают нейроэмоции как определяющее основание морального выбора, не проводится различий между видами альтруизма, эгоизма и т.д., в связи с чем, даже не ставится вопрос о нейроэмоциональных основаниях выбора между ними. Например, какие нейроэмоции позволяют сделать моральный выбор между реципрокным, групповым, кумовским (непотизм) и моральным видами альтруизма? Ведь не каждый из них является безусловно моральным в любых ситуациях. Можно ли утверждать, что есть специальные нейроэмоции, позволяющие сделать выбор в пользу эффективного альтруизма?

3) Вызывает сомнение присутствующая безусловно морально положительная оценка просоциального поведения. Такая позиция не учитывает тех случаев, когда морально правильным оказывается стремление изменить существующий нормативный порядок. Более того, такой вид просоциального поведения как конформизм не всегда является морально положительным поведением.

4) Акцент на нейроэмоциональной составляющей морального поведения не учитывает, что во многих случаях моральный выбор должен быть сделан в пользу беспристрастного, то есть эмоционально нейтрального поведения.

Данные обстоятельства дают основания полагать, что нейроэмоции, оказывая влияние на поведение и поступки, тем не менее, не могут рассматриваться в качестве определяющего основания морального выбора.

«МОРАЛЬНАЯ НОРМАТИВНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСАХ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА»

РФФИ №19-011-00234

материалы круглого стола

Артемов Вячеслав Михайлович

доктор философских наук, профессор

Московский государственный юридический университет им. О.Е.Кутафина
НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ЗАЩИТЫ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

РФФИ №18-29-16081 «Трансформация концептуальных основ подготовки юристов для сферы бизнеса в условиях цифровой экономики»

На фоне технологического прогресса, связанного сегодня в основном с цифровизацией, наблюдается регресс человеческого в человеке, что наиболее опасно на уровне профессий. Практика цифровизации превращает людей в неодушевленные предметы, зачастую интересующие аналитиков и владельцев соответствующих технологий лишь в связи с возможными выгодами рыночного типа. Это проявилось в условиях пандемии, когда были отключены даже социальные карты. А ведь можно было бы ограничиться призывом к их владельцам, например, ветеранам труда по мере возможности не пользоваться общественным транспортом. Копеечная же экономия обернулась очередной обидой для множества людей, которые менее всего заслуживают такого узко статистического подхода к себе. Налицо весьма грубый способ защиты здоровья, поэтому актуализируется этико-философская экспертиза происходящего.

Вместе с тем, цифровизация позволяет наблюдать, «кто есть кто», оценивать деловые качества людей, за которыми стоят либо нравственные, либо безнравственные личностные черты. В условиях новых вызовов обществом востребованы именно первые. Нравственность ведёт к добру, а противоположное множит зло. Если мы хотим порядка в обществе, то без нравственной философии и этики, включая профессиональную, в принципе не обойтись. Весьма важной видится линия на сохранение здоровья людей.

Применительно к биобезопасности качественные изменения должны проявиться в высокой профессиональной подготовленности врачей и медицинского персонала, в их человеческом отношении к своему делу и реально уважаемым ими пациентам. Наряду с современными технологиями необходимо подлинно человеческое отношение к людям и их заботам. Проявления равнодушия, безразличия, показной, но бесполезной активности зачастую ранит людей.

Вышперечисленные негативные моменты противоречат известному положению о социальной сущности человека. Должное его существование возможно лишь в соответствующих условиях. Имеющийся опыт переживания пандемического периода заставляет сделать вывод о преимущественно мифическом происхождении концепции глобализация. Налицо раздробленность, локальность усилий, ведущих либо к успехам, – либо к потерям. Качество помощи людям, как оказалось, напрямую связано с уровнем социальной справедливости. Китай и Россия в этом смысле в целом оказались на терпимом уровне, что не в последнюю связано с нравственными скрепами. Право действует достаточно эффективно только тогда, когда опирается именно на последние.

Если в момент зарождения права нравственность выступала в качестве основного фактора его формирования и развития, то в условиях правового «пира» сама нравственность зачастую превращается в элементарный этикет. Попытки всё свести к сугубо правовым механизмам, забыв, к примеру, о силе коллектива, зачастую приводят к обратным результатам. Ведь именно в здоровом учебном или профессиональном коллективе в полной мере проявляет себя настоящий человек как ответственная личность и гражданин.

Регулярные же «сливы» персональной информации очень удобны для разного рода информационных манипуляций, ведущих не к сплочению, а к разобщению людей в обществе. Конечно, в подобной ситуации нужны правовые нормы и санкции, но без воспроизводства и усиления нравственности, то есть культивирования и актуализации человеческого в человеке никак не обойтись. Требуются нравственная философия и этика, включая профессиональную. В этой связи применительно к университетскому пространству вызывает беспокойство фактическое вытеснение последней специальными дисциплинами. Игнорирование главного, по существу, ведёт к имитации в профессии, что может и должно быть отторгнуто самим обществом, нуждающимся в мощном нравственном факторе развития, совершенствования, защиты здоровья и самой жизни людей. В этой связи на первый план выходят прикладные проблемы этики, особенно биоэтика.

Артёмов Георгий Петрович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ И ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

РФФИ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

Доклад посвящен исследованию соотношения имеющихся в профессиональных этических кодексах нормативных предписаний и их ценностного обоснования с реальными ценностными приоритетами профессиональных сообществ. В качестве примера в ней рассматриваются тексты этических кодексов инженеров, врачей, адвокатов и полицейских. В этих кодексах выявляются требования к поведению представителей соответствующих профессий, а также ценностные обоснования необходимости выполнения этих требований. Эти требования и обоснования сравниваются с ценностными приоритетами представителей соответствующих профессиональных сообществ, установленными на основе анализа данных Европейского социального исследования. В соответствии с концепцией М. Рокича, ценности рассматриваются как устойчивые убеждения людей в приоритетности одних жизненных целей перед другими, противоположными жизненными целями. Для определения ценностных приоритетов представителей профессиональных сообществ используется авторская модификация методики изучения ценностей, разработанной

Ш. Шварцем. Сравнительный анализ нормативно-ценностных структур этических кодексов и ценностных приоритетов рассматриваемых профессиональных сообществ позволил выявить степень их соответствия друг другу и определить возможности нарушения правил профессионального поведения, обусловленные одновременной ориентацией на противостоящие друг другу жизненные цели. У представителей всех рассматриваемых профессиональных сообществ обнаружены сопоставимые уровни ориентации на личный успех и помощь окружающим, независимость от других людей

и учет мнения других людей, подчинение окружающих и равенство возможностей для всех. Эти ценности в модели

Ш. Шварца относятся к противоположным мотивационным типам: достижение и доброта, самостоятельность и конформность, власть и универсализм. Учет двойственности ценностных ориентаций представителей конкретных профессиональных сообществ позволит повысить эффективность применения этических кодексов в процессе их доработки.

Дорохина Римма Викторовна

кандидат философских наук, доцент

Воронежский государственный технический университет

ОБЛИК ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ

В образовательный процесс цифровизация ворвалась так стремительно и внезапно, что можно говорить о нравственном и психологическом шоке в академическом сообществе. Как оказалось научно-педагогическое сообщество вкуче с обучающимися в целом, не были готовы в полной мере к новой форме обучения. В своем большинстве вузы были либо частично готовы, либо вовсе и не начинали работать над формированием цифровой среды в университете. Можно говорить о единичных университетах, где не только была создана цифровая среда, но и на платформе которой успешно шло обучение. Это ВШЭ, МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, НИТУ «МИСиС», МФТИ, Университет ИТМО, УрФУ, которые в итоге всем университетам страны предоставили на безвозмездной основе свои курсы. И первая проблема, с которой столкнулись университеты – отсутствие проработанных и записанных онлайн-курсов. Вторая проблема – это незнание цифрового этикета, который в условиях появления все новых технических новинок и форм переговоров с невероятной быстротой формируется, подстраиваясь под современные реалии, но помимо новых правил оставляет старые.

Особую озабоченность вызывают онлайн-лекции. В частности, внешний облик преподавателя и студента, который по большому счету отражает внутренние установки и поведение во время трансляции. В академическом сообществе было недостаточно времени, чтобы понять, как следует готовиться к лекциям и проводить их онлайн.

Другая не менее важная этикетная ситуация, вызывающая негодование и критику – это форма одежды, либо ее частичное отсутствие, а также весь внешний облик. На работу и учебу мы все ходим соответствующе одетыми. Любая одежда, помимо праздничной, пляжной и спортивной настраивает на рабочее состояние. Корнел Уэст – американский философ, богослов, литературный критик считает свой костюм «воинскими доспехами — он помогает ему встречать «пули и стрельы», неизбежные в его работе». Он говорит: «Когда я надеваю «униформу», у меня поднимается настроение, ведь мне надо всегда быть готовым вступить в бой и сражаться». Это разъясняется студентам, на вопросы «почему нельзя ходить в университет в сланцах, шортах и трико?». Отсутствие знаний этикета в данном случае ни каким образом не может компенсировать «тяга к знаниям» получаемая любым путем. С одной стороны понятно, что обучение из дома расслабляет, где студенты и преподаватели оказываются виртуальными и скорее всего здесь в подобном поведении можно провести аналогию с социальными сетями и компьютерными играми. Когда мы пролистываем ленту новостей, видим друзей, знакомых их увлечения, либо играем в онлайн-игры, где за каждым персонажем стоит реальный человек мы не задумываемся в какое время это делаем и где. По большому счету, дистанционное обучение этими студентами восприни-

мается как подобие виртуальной игры с той лишь разницей, что известен персонаж. Слабое оправдание отсутствию воспитания. Такое поведение можно расценить как неуважение в первую очередь к себе, потом преподавателю, одноклассникам и предмету. С другой стороны, эти же студенты на пары ходят в одежде! И ведут себя соответственно своей роли.

Какие проблемы вскрылись благодаря дистанционному обучению помимо методики преподавания, ценностных подходов и мотивации? Это внешний облик студентов и преподавателей, демонстрирующий отношение к себе, окружающим, знание моральных норм, этикетных правил и желанию следовать им. В настоящее время академическое сообщество испытывает острую необходимость в новых знаниях цифрового этикета.

Зимбули Андрей Евгеньевич

доктор философских наук, профессор

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

ПАЦИЕНТ ЕЩЁ ЖИВ?

ПРЕПОДАВАНИЕ ЭТИКИ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КАК ПРОБЛЕМА

У кого как, а лично у меня заявленная тема вызывает целую гамму переживаний, в основном негативных: недоумение, обиду, горечь, плюс стремление понять, что же сам я в этой сфере делал неверно. Ведь было бы в крайней степени непорядочно только вздыхать, ворчать и обвинять в происходящем всех, кого угодно, кроме себя. Я обычно стараюсь не уходить от ответа. Даже в развале Советского Союза, полагаю, есть доля моей атомарной вины. Я жил в радужных представлениях о том, что все народы – братья, и что избранная мною профессиональная сфера-этика самым благоприятным образом способствует воцарению мира, творчества, всеобщего взаимопонимания. Эти радужные представления изрядно поугихли, когда уже в двухтысячных я из самых лучших побуждений разослал в столичные университеты всех бывших советских республик бандероли с кратким обращением. В упаковках лежали только-только изданные книги по этике профессора В.Г.Иванова плюс мои лекции по этике. В кратком письменном обращении к коллегам высказывалась надежда на то, что мы будем поддерживать деловые контакты. НИ ОДНОГО ОТВЕТА НЕ ПРИШЛО... Не исключая, что если бы бандероли и краткое обращение были подписаны не мною, а профессором Ивановым, акция прошла бы на ура. Но я-то был далёк от подобных подтекстов, и как раз надеялся порадовать тогда ещё живого-энергичного учителя, действуя совершенно по своему почину, и даже не посоветовавшись с ним... Так или иначе – относительно профессиональной сплочённости многонациональной семьи этиков у меня набиралось всё больше сомнений. Избави Бог, я далёк от духа всеотрицания – и даже самому из года в год доводится вполне активно участвовать во множестве МЕЖДУнародных конференций. Но согласимся: конференции конференциями, а общие дела, взаимная открытость, совместное творчество – это нечто совсем другое.

В том числе – общим делом могло бы стать дружное совершенствование преподавания этики. Насколько могу с нынешнего моего скромного локуса видеть – здесь ещё, как говорится, и конь не валялся. Представим себе: арифметику перестали бы преподавать школьникам на том основании, что все в ней специалисты, и без особо выделенных арифметиков всё кругом измеряют, складывают-вычитают, умножают-считают. Физкультурник, трудовик, химик, учителя истории и литературы как бы покрывают предметную область арифметики. А стало быть – можно сэкономить. И всем кругом хорошо. Ученикам – меньше напрягаться. Бухгалтерии – меньше дробить скромные ресурсы учебного заведения. За одно-два практические занятия можно по-

знакомить детишек со счётными возможностями гаджетов – и далее уже не заморачиваться мыслями про арифметику, всякими методическими разработками, переподготовкой узких специалистов. И ведь очень похоже, что ИМЕННО ТАКАЯ СИТУАЦИЯ складывается в системе образования вокруг этики. Тогда как здесь очень нужна выработка национальной стратегии этического просвещения. А ещё лучше – НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ стратегии. Нисколько не сомневаюсь, что как преподаватели арифметики, физики, химии, физкультуры, ботаники, пения, так и преподаватели этики, работающие в разных регионах мира, способны друг друга многими вопросами озадачить, многими наблюдениями обогатить. Мне даже очень странно, почему это ещё до сих пор не возникли реально работающие международные организации заинтересованных преподавателей самых разных дисциплин. Нынешнее интернет-пространство предоставляет для такого взаимопользозного общения прекрасные возможности. Нужно б только, чтобы это общение не оказалось затянуто ни в бюрократическую паутину, ни в политические игры. И, конечно же, не в гонку за наживой.

Из положения «хуже некуда» перспективы видятся только светлые!

Кулакова Татьяна Александровна

доктор политических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

ПУБЛИЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

РФФИ №18-011-0075 «Исследование гражданского участия в публичном управлении в условиях формирования цифрового правительства»

Реализация программы цифровизации системы государственного управления и создания государства-платформы в России ставит перед разработчиками системы и исполнителями массу задач, решение которых требует не только целеустремленности и настойчивости, но и формирования новых навыков и компетенций технического и гуманитарного характера.

Эффективная коммуникация и горизонтальные взаимодействия становятся условием формирования компетенций наряду с развитием эмоционального интеллекта у членов коллективов. В управленческой науке описаны и в современной управленческой практике используются такие методологии как Agile и Lean Management, которые появились в высокотехнологичных компаниях и системах государственного управления различных стран. Инструментом повышения эффективности коммуникационных взаимодействий является вовлечение всех участников в обсуждения, проясняющие понимание целей, задач и потенциальных решений на основе обсуждаемой информации, что снимает вертикальные барьеры, устанавливаемые карьерными позициями в организации. Требование к разработчикам цифровых государственных услуг идти от запросов потребителя, показывая и доказывая ценность, выгоду и удобство пользования сервисами, становится фактором серьезных изменений системы государственного управления в логике сервисной модели, что, в свою очередь, требует глубоких преобразований управленческой культуры. Под управленческой культурой в данном случае подразумеваются стили и формы общения, сопровождающие процессы принятия решений и разрешения конфликтов в повседневном взаимодействии при разработке решений, гибкости процессов отбора и оценки решений. Избегание ответственности, неспособность к поиску компромиссов как определенные штампы управления, свойственные иерархичным структурам, должны заменяться иными моделями поведения (способностью к принятию ответственности, вовлеченности в командную работу, умению находить компромиссы и т.п.). Восприятие участниками цифровой

трансформации публичных ценностей, заложенных концепциями публичной политики и сервисной модели государственного управления, в которых гражданин государства рассматривается как клиент государственной системы управления, ориентирует людей, занятых разработкой цифровых инструментов управления, служить интересам граждан. Изменение природы государства не ослабляет его способности к формированию определенного набора публичных ценностей, не навязывая обществу свои приоритеты, но вовлекая его в публичную сферу, где только и возможно выработать согласованный отбор ценностей общества. А.В. Волкова выделяет публичные ценности, которые активно обсуждаются при поддержке государства: «гражданственность», «ответственность» и «доверие». Автор отмечает, что гражданственность в настоящее время «понимается в контексте межчеловеческих отношений и публичных ценностей», ответственность рассматривается условием гражданственности, «поскольку трактуется как мотивация личности и результат внешних требований», предъявляемых со стороны государства, вместе с тем она может пониматься как принятие личностью своей зависимости от публичных целей и ценностей; доверие выражает готовность сотрудничать и обмениваться значимой информацией» (Волкова А.В. Публичные ценности и система государственного управления в России. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2013. – 383с. Стр.42.). Именно публичные ценности гражданственности, ответственности и доверия значимы во внедрении новых культурных моделей поведения у создателей цифровых технологий в системе государственного управления: подчинение деятельности государственных служащих результатам, а не процессам, взаимоуважение в коллективе/команде, уважение к получателям услуг. На наш взгляд, этика служения как результат целенаправленной работы руководителей цифровой трансформации государственной системы управления может получить подкрепление за счет более активного использования механизмов мотивации и стимулирования к восприятию ценностей нового типа при аттестации работников, выстраивания системы поощрений и продвижения по служебной лестнице, обучения и тренингов.

Ларионов Игорь Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

**«РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЭТИЧНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА» МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ США И
ПРОБЛЕМА ДВОЙНОГО ЭФФЕКТА**

РФФИ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

«31 октября 2019 г. Министерство обороны США опубликовало «Рекомендации по этичному использованию искусственного интеллекта»:

https://media.defense.gov/2019/Oct/31/2002204458/-1/-1/0/DIB_AI_PRINCIPLES_PRIMARY_DOCUMENT.PDF

Дата обращения 25.07.2020.

Одна из целей разработки «Рекомендаций» – лидирование США в «военной этике» и в вопросах безопасности использования искусственного интеллекта.

Стремление к техническому совершенству должно обязательно включать в себя постоянное обсуждение проблем ответственного использования рождающейся на наших глазах техники (стр.3-4). Ведь само общество поддерживает продолжение работок искусственного интеллекта, несмотря на все «но и если», на временную неопределенность, которая их сопровождает.

Искусственный интеллект (artificial intelligence) определяется как «всё разнообразие техник и технологий обработки информации, используемые для достижения целенаправленной задачи, а также средства принятия решения при выполнении данной задачи» («a variety of information processing techniques and technologies used to perform a goal-oriented task and the means to reason in the pursuit of that task»). Если в системе есть компонент с искусственным интеллектом, она будет считаться системой искусственного интеллекта (AI system). Вся эта терминология (и, значит, сами принципы использования) относится как к боевому оружию, так и к любым используемым в Пентагоне программам (apply to both combat and non-combat systems).

Итак, Министерство обороны США декларирует (стр.6 документа), что использование им систем искусственного интеллекта является:

- ответственным (responsible)
- беспристрастным (equitable)
- отслеживаемым (traceable)
- надежным (reliable)
- управляемым (governable)

Отдельно отмечают важную вещь: систему с искусственным интеллектом нельзя по умолчанию считать автономной (AI is not the same thing as autonomy). Американские военные осознают, что на существующем уровне развития технологий задача создания робота, свободно принимающего решения, не может быть не только решена, но даже поставлена. Он будет оставаться инструментом. Искусственный интеллект сам по себе не является ни положительным, ни отрицательным («AI is neither inherently positive nor negative»). Таким образом, этические принципы могут относиться только к людям (американским военным, а также гражданским служащим Минобороны США) и должны быть направлены на недопущение при использовании искусственного интеллекта:

1. злого умысла,
2. неосторожности и халатности.

В «Рекомендациях» Пентагон оставил место для решения проблемы двойного эффекта («Double Effect»). «Военная этика» предполагает, что вопрос о том, может ли война вообще быть допустима, нравственно оправданна, справедлива, уже положительно решен. Рассматриваемые же этические принципы применения искусственного интеллекта относятся к более узкой области. Минобороны США декларирует, что их системы искусственного интеллекта принципиально управляемы. То есть, существуют средства остановки их действия, если машина начала наносить ненамеренный («unintended») ущерб или приводит к незапланированной («unintended») эскалации конфликта. В противном случае, – если разрушительный эффект запланирован (и оправдан с позиции «военной этики»), вмешательства не требуется. Тем самым, через использование систем искусственного интеллекта решение проблемы двойного эффекта достигается через стратегию «умной войны» («smart war»), то есть высокотехнологичной войны, при которой объектом агрессии не станут гражданские лица и постройки.

Мелешко Елена Дмитриевна

доктор философских наук, профессор

заведующий кафедрой философии и культурологии

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЭТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аксиологию трансгуманизма, основанную на идее кардинального усовершенствования природы человека, с целью достижения высшего уровня его интеллектуальных и психологических возможностей, принято рассматривать в плане унификации и стандартизации образования, в рамках единого рынка образовательных услуг, глобального образовательного пространства на основе цифровых информационных технологий и геномной инженерии. Такого рода подход подвергается во многом справедливой критике [1]. Однако при этом не учитываются или игнорируются некоторые ценностные факторы, которые обладают позитивным потенциалом для духовно-нравственного развития личности, определяя новую парадигму этики образования.

Как известно, в мире образования все шире используются инструменты обучения с применением ИТ – онлайн-курсы, симуляторы, тренажеры, игровые онлайн-миры. Позитивный момент здесь в том, что это дает возможность не просто усваивать необходимые знания, но и развивает умение активно работать с информацией, воспринимать ее как динамический процесс, которым можно манипулировать и управлять. Такой подход позволяет входить в продуктивные состояния сознания, способствующие лучшей концентрации и решению сложных аналитических задач. Идеалом здесь является состояние «спонтанности сознания» [2], связанное с возможностью обретения многомерности личности, преодоления личностной ограниченности, в силу чего человек полностью включается в созидательный процесс, не испытывая при этом негативных эмоций по поводу возможного успеха или провала. Например, в арсенале такой педагогической профессии как «Разработчик инструментов обучения состояниям сознания» (которая согласно «Сколковскому атласу профессий будущего» должна появиться после 2020 года), прописана компетенция обучения продуктивным состояниям сознания: концентрации, релаксации и осознанности (вплоть до обучения технике осознанных сновидений).

Важным ценностным компонентом «трансгуманистического» образования является виртуальное расширение образовательного топоса. Новые информационные технологии трансформируют пространственные границы образовательной среды. Расстояние больше не играет роли – знания можно получать из любой точки мира, будь то цифровые библиотечные ресурсы или лекционные курсы престижных образовательных заведений.

Особенно важное ценностное значение будут иметь при этом игровые модели образования, конструируемые на основе новых информационных технологий в их комбинации с виртуальным топосом и спонтанностью сознания. Любые знания имеют свой пространственный, географический исток, и в игровых модуляциях можно будет соотносить тот или иной вид знания с его виртуальным топосом. В этом плане ИТ позволяют, например, изучать философию Аристотеля в ее исконно перипатетическом духе, т.е. моделируя прогулки учителя с учениками во время чтения лекций в портике рядом с храмом Аполлона Ликейского.

Литература

1. См., например, Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М.: Книжный мир, 2018.

2. См.: Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989.

Назарова Юлия Владимировна

доктор философских наук, профессор

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Современные профессиональные ценности могут быть осмыслены и обоснованы как с позиции классической философии ценностей, так и с точки зрения неклассического подхода к философии ценностей. В парадигме классической аксиологии, ценности отличаются полнотой, целостностью, постоянством, рациональностью, что позволяет формировать системы ценностей, строить иерархии ценностей. В парадигме неклассической культуры ценности ситуативны, непостоянны, плюралистичны, эмоциональны, интуитивны, они часто трансформируются, что предполагает частые конфликты ценностей. Эта ситуация является естественным следствием современных культурных трансформаций [2, 111; 1, 4].

В то же время, по словам В.К. Шохина, человек не только существует в мире ценностей, но и является творцом уникальных ценностей, что впервые показал И. Кант [3]. Таким образом, создания новых ценностей и переосмысления существующих невозможно избежать. В современном мире наиболее очевиден процесс трансформации ценностей профессиональной этики, обладающих следующими особенностями: 1) приоритет той или иной ценности определяется спецификой профессии; 2) ценности лежат в основе нравственных принципов и правил профессиональной этики, в конечном счете институализируясь в профессиональных этических кодексах; 3) профессиональный этический кодекс может меняться или обновляться, если происходит трансформация ценностей профессиональной этики.

Под трансформацией ценностей имеется в виду: а) изменение приоритетных ценностей в профессии; б) появление специфических профессиональных ценностей; в) противостояние профессиональных ценностей и ценностей классической аксиологии.

Структура ценностей профессиональной этики чаще всего включает: а) исторически сложившиеся традиционные ценности профессии, характерные для определенной профессиональной культуры; б) ценности, обусловленные традиционными представлениями о содержании блага в его отношении к добру и злу; в) ценности, соответствующие текущим целям и задачам профессионального сообщества. Таким образом, системы ценностей профессиональной этики могут сочетать элементы как классической, так и неклассической аксиологии.

Анализ иностранной литературы по теме ценностей профессиональной этики показал, что на процесс трансформации ценностей влияют: а) исторически сложившиеся культурные модели поведения в рамках конкретной профессиональной группы [6]; б) представления профессионального сообщества о целесообразности ценностей по отношению к конкретной профессиональной деятельности [4; 7]; в) представления о подходящем поведении в конкретной ситуации (ситуативный характер ценностей) [5].

Можно предположить, что в сфере профессиональной этики трансформации ценностей будут происходить все чаще, что связано с новыми нравственными требованиями к профессиональной деятельности на фоне цифровизации и развития новых технологий, появлением новых профессий и отмиранием старых, что может повлечь за собой потенциальные конфликты ценностей и появление так называемых оппози-

ционных ценностей, поэтому философская рефлексия по поводу ценностей профессиональной этики будет только расширяться.

Литература

1. Кушнаренко, Я. В. Обоснование аксиологии в контексте неклассической рациональности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Яна Владимировна Кушнаренко; [Том. гос. ун-т]. – Томск, 2004. – 19 с.
2. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 1998. – 292 с.
3. Шохин, В.К. Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты //Альфа и Омега, 1998. №3 (17). С. 295-315.
4. Dwivedi, O. P., Gow, J. I. (1999) From Bureaucracy to Public Management: The Administrative Culture of the Government of Canada. –Peterborough: Broadview Press; Toronto: Institute of Public Administration of Canada. – 192 p.
5. Gow, J. I. (2005) A Practical Basis for Public Service Ethics. The annual conference of the Canadian Political Science: Association Western University. – London-Ontario. Retrieved May 15, 2013 from <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf>
6. Louis C. Gawthrop (2009) Foundations of Public Administration. Article. Public Service, Ethics, and Democracy PAR (c) ASPA. Public Service, Ethics, and Democracy. Retrieved May 1, 2013 from <http://faculty.cbpp.uaa.alaska.edu/afgjp/PADM601%20Fall%202009/FPA-Ethics-Article.pdf>.
7. Simon, H. A. Administrative Behaviour. (2nd ed.). – New York, NY: Macmillan, 1957. – 259 p.

Перов Вадим Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНЫХ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИКАХ

РФФИ №19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

В настоящее время существование профессиональных этик и соответствующих документов в виде профессиональных этических кодексов мало у кого вызывает удивление. Тем не менее, отношение к ним далеко не всегда однозначное. Кратко, имеющиеся позиции можно сгруппировать следующим образом: (1) в большинстве случаев этические кодексы содержательно повторяют или общепринятые моральные нормы, или положения законодательства, то их роль может быть сведена не более чем к своеобразной «памятке»; (2) они очень важны, поскольку конкретизируют моральные нормы в рамках профессиональных практик и могут быть использованы при решении возникающих в них специфических моральных проблем; (3) профессиональная этика вообще не является этикой. При этом можно говорить о разных обоснованиях последнего утверждения: (3.1) «вне-этичность» профессиональных этик в силу того, что профессиональная деятельность есть, в том числе, социальная технология, а кодекс профессиональной этики это дополнительный инструмент управления ею; (3.2) «аморальность» некоторых аспектов ряда профессий, что подразумевает не только допустимость, но и необходимость совершения действий, идущих вразрез с общепринятыми моральными нормами. В связи с этим возникает проблема возможности морально оправданных нормативных исклю-

чений в профессиональных этиках (следует отметить, что конкретизация в п.2 иногда так же является нормативным исключением).

Рассматривая в общетеоретическом плане проблему исключения (отклонения) из моральных правил, следует констатировать, что это очень распространенное явление. Этический ригоризм и в качестве теоретической концепции, и как практики нравственного поведения а) крайне редкое явление; б) всегда допускает явные или скрытые смысловые интерпретации, которые по факту оказываются «особыми» обстоятельствами, допускающими и морально оправдывающие исключения. В связи с этим, можно утверждать, что моральные исключения являются необходимой частью существования нравственности. Для анализа этой проблемы нужно рассмотреть два вопроса: а) об исключении из чего идёт речь? б) есть критерии морального оправдания этих исключений? Ответ на первый вопрос очевиден: исключение из моральных норм. Поступать морально правильно – это поступать в соответствии с моральными правилами (нормами), то есть не просто желаемое, а морально должное поведение. И любое нарушение есть или (а) аморальное поведение, (б) морально оправданное исключение.

Моральные нормы обладают в качестве одной их характеристик свойством универсальности (обобщённость формулировок, общадресованность (к любому человеку), беспристрастность, обязательность для всех и т.д.). В связи с этим, (а) минимальное обязательное требование:

исключение из существующих моральных норм является морально правильным, когда оно может рассматриваться в качестве универсализируемой моральной нормы; (б) дополнительное обязательное требование: «исключающая» моральная норма должна быть «весомей», чем та, из которой осуществляется исключение. В контексте профессиональной деятельности речь идет о появлении «особых» (исключительных) норм профессиональных этик, которые предполагают определение адресности (субъекта поведения и персонализация должностования), а так же границы «универсальной» применимости нормы в рамках зафиксированных особых условий осуществления профессиональной деятельности. Только в случае соответствия указанным критериям можно говорить о морально оправданных исключениях, а не о моральных нарушениях.

Протанская Елена Сергеевна

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

КУЛЬТУРА И ЭТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Тезис А.Швейцера об упадке культуры вне её этического обоснования также как и его «этика благоговения перед жизнью» особенно актуальны сегодня, когда отчетливо обнажилась связь ценности жизни, здоровья людей и их профессионального поведения, в конечном счете – морали и экономики. Экономика, как отметил еще П.Козловски, не освобождается от морали и не находится вне культуры, но регулируется и управляется не только экономическими законами. Культура как цивилизационный уровень государства, нации и корпоративная культура больших и малых производств как показатель системы профессионализма в экономике взаимосвязаны, их развитие не лишено кризисных ситуаций, появления не существовавших ранее моральных проблем.

В противоречивом развитии современного мира, одним из позитивных показателей изменений является отказ от патернализма как принципа взаимоотношений в любой сфере, когда кто-либо берет на себя право решать за другого, делать за него вы-

бор, что наблюдается сегодня – в медицине, образовании, правовых, семейных отношениях и отражает основной вектор («постматериалистического», Р.Инглхарт) общества к реализации потенциала каждого человека. На смену патернализму, вертикали соподчинения приходит кофигуративность горизонтальных связей, префигуративность (М.Мид) культуры, признающей технологическую компетентность новых поколений. На мир «цифровой эпохи» влияют «высочки» – С.Джобс, Б.Гейтс, популярные блогеры, владельцы и программисты соцсетей, открытия и прорывы совершаются на стыке дисциплин. Уход государства от ключевой роли патерна, расширение поля прав и свобод личности и бизнеса требует создания специальных институтов (уполномоченных по правам, ФАС и др.) и затрат на них, но это цена свободы, которую общество платит за возможности умерить аппетиты рынка. Информационное общество, создавая единое пространство информации, объединяет, повышает роль личности, создает шанс воздействия каждого на социум. В экономике и культуре информация определяет приоритеты инновационного развития, успешность бизнес-стратегий, основанных на PR-акциях, программах лояльности, благотворительных, формирующих доверие потребителей и партнеров. Однако, ценность информации повышает риски её искажения, краж, хакерских атак, дезинформирования, суггестивных практик, фейков, становящихся причиной конфликтов в экономических, политических и социальных отношениях. Глобальная сеть делает общество уязвимым перед возможностью глобальных энергетических или программных сбоев, создает ряд психологических проблем, зависимостей, угроз эмоционального плана, актуализирует коммуникативную компетентность, умение находить компромиссы, налаживать контакты. Информированное (осведомленное) согласие как принцип, пришедший из медицины, распространившийся во всех профессиональных контактах производителей товаров и услуг и их потребителей – фактически диалог, обеспечивающий безопасность и права обеих сторон.

Глобализация порождает неоднозначные процессы в экономике и профессиональной этике, создает не только мощь производств и корпораций, но и имидж их всемогущества, подчас безнаказанности и высокомерия у менеджмента и сотрудников, опирающихся на подчиненность и пиетет потребителей, что объясняет популярность движения «антиглобалистов». Успешность и развитие бизнесу обеспечивает моральный климат компаний, отсутствие жесткости отношений. Вклад бизнеса определяет не только уровень продаж, но и уровень его культуры и образованности, степень ответственности перед обществом. В мире возрастает значение общечеловеческих ценностей, именно они обеспечивают взаимопонимание и успешность развития. Это в первую очередь безопасность для жизни и здоровья (не нанесение вреда!), право на информацию, закрытость информации о личном, а также недискриминация, бережное отношение к природе и её ресурсам, чистота и прозрачность бизнеса, противодействие коррупции, ответственность за партнерские обязательства, коллегиальность, точность, оперативность, качество, доброжелательность, стремление к бесконфликтности, позитивный настрой.

«ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ»

Секция проводится совместно с общественной организацией
«Голоса за животных», Санкт-Петербург

Gary Steiner

Professor of Philosophy
Bucknell University, USA

CAN KANT'S VIEWS ON ANIMALS BE REHABILITATED?

I once had a conversation with a well-known Kant scholar in the United States who told me, «you know, I love to study Kant because he's right about everything!» This sense that Kant is «right about everything» has exercised its influence on virtually every aspect of Kant's thought, even on his notorious views about nonhuman animals. Kant's best-known pronouncement about the moral status of nonhuman animals is his assertion that nonhuman animals are mere «things» [Sachen], in contrast with autonomous rational agents, which he classifies as «persons.» [1] To be a thing in this sense is to possess merely instrumental value, the sort of value that a hammer has in virtue of its utility in driving nails. Nonhuman animals, in other words, have no more moral worth than a hammer--precisely because neither a nonhuman animal nor a hammer possess any direct moral worth whatsoever.

Devoted Kant scholars have not left Kant in this situation but have made some energetic attempts to save him from the verdict that his views about nonhuman animals are somehow less than enlightened. After all, Kant is clear that we should not gratuitously inflict pain on nonhuman animals, and he even goes so far as to suggest that we should feel «gratitude» toward a field animal that has served us well [2]. The influential Kant scholar Christine Korsgaard has recently attempted to draw inspiration from Kant in the endeavor to secure direct moral status for nonhuman animals, whereas Kant insists that nonhuman animals have merely «indirect» moral worth--which for Kant means that the only reason not to inflict gratuitous harm on nonhuman animals is that indifference to the fortunes of nonhuman animals makes us more inclined to be indifferent to the fortunes of our fellow human beings. Korsgaard seizes upon Kant's notion of an end-in-itself and detaches it from rational self-awareness. She maintains that «the value of a life is, first and foremost, its value for the creature himself or herself.» [3] On this basis, Korsgaard makes a case for including nonhuman animals as members of the moral community [4]. To the extent that nonhuman animals possess direct moral worth, Korsgaard concludes, we ought to discontinue a number of practices that historically have been considered perfectly acceptable, such as classifying domesticated animals legally as property [5]. Korsgaard presents other possible implications of her argument in somewhat tentative terms, including those for the practice of meat eating [6].

I cannot help but wonder whether any attempt to rehabilitate Kant on the moral status of nonhuman animals is destined to failure: After all, Kant proclaimed the human being «the titular lord of nature» [betitelter Herr der Natur] and classified nonhuman animals (domesticated ones, at any rate) to possess the exact same moral worth as fertile fields and crops such as potatoes [7]. Given the deeply anthropocentric prejudices on which Kant built his cosmopolitanism, it strikes me that we would do better to look elsewhere for inspiration in the effort to give full recognition to the moral status of nonhuman animals.

References

1. Immanuel Kant, *Grundlagen der Metaphysik der Moral*, Ak. 4:428.
2. Kant, *Die Metaphysik der Moral*, Ak. 6:443.

3. Christine Korsgaard, *Fellow Creatures: Our Obligations to the Other Animals* (Oxford: Oxford University Press, 2018), p. 65. See also p. 168: Valuing is inherent in a sentient creature's relation to itself.
4. Korsgaard, *Fellow Creatures*, pp. 51, 148.
5. Korsgaard, *Fellow Creatures*, p. 227.
6. Korsgaard, *Fellow Creatures*, pp. 207, 210-11.
7. Immanuel Kant, *Kritik der Urteilskraft*, Ak. 5:431; *Die Metaphysik der Moral*, Ak. 6:345.

Держивицкий Евгений Викторович
кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

МОСТ ДЛЯ БЕЛОЧЕК ИЛИ КОГДА ЖЕ ЛЮДЯМ СТАНЕТ ХОРОШО

В 2012 году над автострадой близ Гааги был открыт экодук для безопасного перехода белок. Всего в Нидерландах построены сотни тоннелей, мостов и виадуков для животных. Их сооружение закладывается в проект строительства автострад в обязательном порядке, и каждый из них стоит от двух до восьми миллионов евро. Этот обошелся сравнительно дешево, всего в 144 000 евро. Установленные на нем камеры зафиксировали, что за первый год его услугами воспользовались две белки, а всего за последующие шесть лет – одиннадцать. И хотя официальные власти выразили разочарование подобной популярностью этого безопасного перехода, они в то же время выразили надежду, что он будет содействовать предотвращению инбридинга среди грызунов и росту их популяции в будущем.

Однако этот факт не привел к сокращению бюджета на строительство новых сооружений, на которые с 2005 года было выделено 250 млн. евро. Он не привел также к общественной критике или призывам отказаться от программы с целью найти более эффективное применение деньгам, бережное отношение к которым является одной из черт голландского национального характера. Это можно было бы объяснить тем, что для благополучного общества финансирование подобных проектов являются «проблемой класса люкс», осознание которой достигается при условии достижения такой точки развития социума, когда каждому его члену наконец-то стало «хорошо», и теперь настал черед подумать о благе наших меньших братьев. Но дело в том, что первые экодюки начали строиться сначала во Франции, а затем в остальных странах Европы еще в 50-е годы XX столетия, причем не только в Нидерландах, которые на сегодняшний день стали лидером по их количеству и протяженности, но и в Германии. Нетрудно предположить, что в странах, активно вовлеченных во Вторую мировую войну, через десяток лет после ее окончания уровень благополучия был далек от желаемого. Скорее можно было бы ожидать обратной реакции, выраженной упреком, который слышат от своих соотечественников российские активисты, помогающие животным: «у нас людям плохо, а вы животным помогаете».

С сожалением приходится констатировать, что подобные высказывания весьма характерны для представителей российского общества, независимо от места их проживания и материального благополучия – исключением, хотя и то не всегда, является только высокий уровень образования. Помимо очевидной предпосылки, что наиболее достойным получателем помощи говорящий считает самого себя или, по меньшей мере, что именно он достаточно компетентен в определении того, каким приоритетом в расходовании времени, сил и средств обязан руководствоваться защитник животных, он исходит из того, что может существовать математически выверяемый уровень, при котором людям наконец-то «стало хорошо». Европейцы 50-х годов, видимо,

полагали, что проект подлинно гуманного сообщества не может подразумевать только людей, что он должен распространяться на всех его представителей, даже если они не принадлежат к нашему виду. Однако умеренность в потреблении материальных благ или сомнение в истинности своего суждения не являются отличительной чертой современного российского общества. Ни первый в стране экодук под Переславлем-Залесским, строительство которого ожидалось в 2013 году, ни правовые нормы, изменяющие отношение к окружающей среде и ее представителям в лучшую сторону, ни существенные сдвиги в формировании общественного мнения по этому вопросу так и не стали реальностью российской жизни. Напротив, за последние годы мы видим примеры прямо противоположного движения общества, которое назвать его «развитием» не представляется возможным.

Некоторый оптимизм в изменении этой ситуации внушает рост, хотя и удручающе медленный, числа движений, активисты которых стремятся оказывать действенную помощь животным и пропагандировать полезность для нравственного воспитания общества своей деятельности. Реципиентами их идей оказываются, как правило, молодежь, но каналом их передачи остается только Интернет, а аудитория ограничена относительно крупными и благополучными городами. Государственная политика, школьные программы, наконец, мировоззрение популярных персон никакого положительного вклада сюда не вносят. Поэтому единственный ответ на вопрос «когда же людям станет хорошо» только один – никогда. При условии, конечно, именно такой постановки вопроса и при таком уровне развития бытовой и мировоззренческой культуры. Первые природоохранные законы в США начали воплощаться в жизнь в середине XIX века – за сто лет до того, как президент Джонсон провозгласил программу «война с бедностью». Какие бы политические и экономические катаклизмы ни происходили в американской истории, их реализация не сворачивалась, ибо простые истины, что всё живое имеет право на жизнь и что мы несем ответственность за благополучие тех, кому мы своей деятельностью приносим неудобства, и кто может пострадать по нашей вине, далеко не всегда являются результатом познавательной деятельности индивида. На уровне социума они должны систематически воспитываться всеми институтами социализации, прежде всего, через образование и просвещение, понимаемого не в его школьной ипостаси, а максимально широко.

Матанцева Анастасия Денисовна

студент, 4 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

КАК ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ ОТРАЖАЕТСЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ?

В последние годы прослеживается явная эволюция отношения людей к другим животным. Разумеется, это не может не отражаться в языке – системе, наиболее остро реагирующей на любые изменения в социуме.

Внимание к необходимости защиты животных увеличивается с каждым годом, и связанные с данной темой понятия активно закрепляются в нашей лексике. Из последних новостей об этом наиболее ярко свидетельствует тот факт, что слова «веган», «веганизм», «веганский» и «веганство» были добавлены в орфографический словарь русского языка.

Кроме того, наблюдается тенденция к переосмыслению определённых устойчивых выражений, которые можно расценить как оскорбительные по отношению к некоторым видам. К сожалению, в языке закрепилось сравнение людей с другими животными на основании негативных качеств. Часто можно услышать следующие фразы: «толстая, как

корова», «упрямый, как осёл», «глупая, как курица» и т.д. Всё это – не что иное, как проявление дискриминации, которое для многих воспринимается как норма.

Жан Бодрийяр так писал о положении животных в современном ему обществе: «Мы выдворяем их... в состояние... радикальной отделённости от нас, расовой исключённости в силу узко понимаемой нами человечности» [Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. М.: Добросвет, 2000. С. 124]. С течением времени, однако, благодаря обращению внимания общественности на проблему спесицизма отношение к животным кардинально меняется, и люди стараются избавляться от зооморфизмов с уничижительной коннотацией.

Кроме того, в последние годы мы наблюдаем активную замену понятий, связанных с мнимым превосходством человека над другими видами. Отдельное внимание стоит обратить на выражение «братья наши меньшие», о котором писал Генри Бестон в книге «Домик на краю земли»: «Животные — не меньшие братья наши и не бедные родственники; они — иные народы, вместе с нами угодившие в сеть жизни, в сеть времени...» Мы видим, что в современном обществе выражение «братья наши меньшие» всё чаще заменяется на нейтральное словосочетание «соседи по планете».

Данная тенденция касается многих других языковых явлений. Например, всё более употребительным становится слово «компаньон» вместо «питомец», а также «опекун» вместо «хозяин», поскольку, по мнению многих носителей языка, устаревшие понятия намекают на восприятие животных как собственности.

Исходя из вышеперечисленных примеров, мы можем сделать вывод о том, что в современном обществе действительно происходит активная тенденция к переосмыслению роли животных в жизни человека. Проблема спесицизма в последнее время получила широкую огласку, благодаря чему движение в сторону более уважительного отношения к разным видам прослеживается уже на лексическом уровне.

Рахманинова Мария Дмитриевна
доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
**ОТ ТЕХНИКИ МОДЕРНА К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ТЕХНИКИ:
ЖИВОТНОЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Концепция технического процесса исторически стала одной из магистральных и определяющих траекторий всего проекта модерна. Образ техники как освободительной инфраструктуры, призванной обеспечить человеку беспрецедентный контроль над миром природы, нашёл выражение в фатальной бэконовской формуле «Знание – сила» и на несколько веков стал доминирующим в европейском сознании, редуционистски связавшем интеллект с властью. Настаивая, вслед за рекомендациями Декарта, на принципиальной методологической фрагментарности, европейское знание не только само структурировало себя механистически и фрагментарно, но и сообщало механистически фрагментаризированный облик окружающему миру – во всём многообразии поставляемых им объектов рассмотрения и исследования.

В существенной степени этому содействовала старая метафизика – безусловно, трансформировавшаяся в результате секуляризации европейского мира, но долгое время не сдававшая своих структурных эпистемологических позиций (одним из первых на них всерьёз обрушился М. Штирнер, обличая Фейербаха за сохранение теологической иерархии в мире, якобы освобождённом от Бога). В картине мира, выстроенной на стыке секуляризированной метафизики и механистической фрагментарности все элементы реальности оказались, во-первых, извлечёнными из контекстов и словно повисшими в воздухе энциклопедической страницы, во-вторых, оторванными друг от

друга и утратившими друг с другом свойственные им связи, и, в-третьих, отстроены от инерций платоновских эйдосов, как бы предшествующих им и определяющих их сущность. Это привело к множеству схожих – преимущественно разрушительных – последствий для разных регионов сущего.

Животное, помещённое в эту перспективу, утратило шанс быть видимым холистично, за пределами простого вещественного наличия-перед-человеком, и надолго оказалось обречённым, во-первых, на положение бездумного и бесчувственного механизма, а, во-вторых, на парадоксальное расщепление на метафизические тела, каждое из которых при этом максимально отстояло от его конкретной реальности и свойств. Это расщепление отчётливо прослеживается в повседневном словоупотреблении, чисто лексически регистрирующем различные ипостаси одного и того же животного («говядина», «коровка», «корова», «крупнорогатый скот» и др.). Мультиинструментализация животного в контексте пищевой, социализирующей (образы животных для детей), культурной, сельскохозяйственной и иных регистров парадоксально протекает по сценарию формирования «двух тел короля», исследуемых Канторовичем, то есть по протоколу классической метафизики. При этом, классический современный подход к технике оказался лишён какого-либо выхода из этой оптики.

Однако катастрофы, вызревшие в недрах проекта модерна и ознаменовавшие его конец, сообщили импульс тотальному переосмыслению не только концепции прогресса, но и феномена техники. Одним из самых радикальных и перспективных на сегодняшний день представляется проект по снятию классического антагонизма между природой и техникой (например, стратегия так называемого Интернета животных – см. А. Пшера «Интернет животных», 2017), полагающий технику оптимальным медиумом между природой и человеком: призванный вывести животное из пространства предубеждённых и инструментализирующих метафизических абстракций в положение конкретного вида и даже существа, видимого в своей самости и с учётом присущих ему способов присутствия в мире, этот проект направлен на повышение прозрачности природы благодаря «понимающему» наблюдению за ней. Обеспечивая зримость реальных и конкретных процессов, техника, переориентированная, таким образом, с сверхпроизводства на рефлексивное наблюдение, способна сообщить человеку знание, освобождающее его от метафизического вчитывания в животное как инструментализирующих коннотаций, так и фольклорного ужаса, и вообще любого унифицирующего взгляда (построенного на незнании конкретного). Переосмысленная таким образом, техника впервые обретает потенциал применения за пределами власти (см. М. Рахманинова «Власть и тело», 2020; параграф «Тело животного»), и высвобождается из тесных рамок прогрессистской оптики, обречённой на деструктивный синтез фрагментирующего полагания объекта и ветхой схоластики, не позволяющей проявиться конкретному сквозь толщи полагаемых абстракций.

Сычев Андрей Анатольевич

доктор философских наук, профессор

Фофанова Катерина Владиславовна

доктор социологических наук, профессор

Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖИВОТНЫМ

РФФИ №19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии»

Признание за кем-либо моральной значимости и наделение его соответствующими этой значимости правами базируется на идее справедливости, которая до недавних

пор ограничивалась человеческим сообществом, да и в самом этом сообществе не всегда прилагалась ко всем индивидам и социальным группам. Аксель Хоннет демонстрирует, что моральный прогресс основан на борьбе таких групп за признание, предполагающей формирование сострадательного отношения к ним, затем наделение их равными правами и, наконец, полное социальное признание, выражающееся в участии этих групп в принятии решений, касающихся их жизни. Пределы признания сегодня расширились до такой степени, что фактически (по меньшей мере, на уровне формального признания прав) охватили все человечество и проходят по границе между человеком и животным.

Традиционные теории справедливости, основанные на идее договора, по-видимому, не способны преодолеть этот видовой барьер, поскольку животные не признаются равноправными сторонами социального договора. По крайней мере, Джон Ролз, автор самой влиятельной на сегодняшний день теории справедливости, отказывает животным в такой возможности. Признавая, что жестокое отношение к животным недопустимо, он все же склонен полагать, что такое отношение должно основываться на сострадательности, а не на справедливости, требующей признания равенства и обязывающих к действию прав.

Таким образом, на пути построения теории справедливости применительно к животным существует множество сложнопреодолимых барьеров. Животные не обладают сознанием и рациональностью, не способны договариваться о взаимовыгодных условиях «социоприродного договора» и бороться за признание. Следовательно, они могут рассчитывать только на нашу сострадательность, которая, как известно, похвальна, но никого ни к чему не обязывает.

Этот вывод очевидно сомнителен. Отфрид Хёффе отмечает, что человек несет полную ответственность за одомашненных животных, которых он сделал от себя полностью зависимыми. Что касается диких животных, то и здесь у человека имеются несомненные обязательства, по крайней мере, по отношению к тем из них, жизненное пространство которых сокращается по мере экспансии цивилизации (а по мере глобализации экологической проблемы это происходит повсеместно). В этом аспекте компенсация ущерба будет справедливым и морально обязывающим действием, а не проявлением снисходительной сострадательности.

Существуют попытки трансформировать контрактную теорию справедливости для включения в нее животных. Так, некоторые люди (например, с повреждением мозга) также не обладают сознанием и рациональностью, что не является основанием для выведения их из «морального круга». Социальный договор можно также интерпретировать как сугубо мыслительный эксперимент: тогда можно представить, что за «заванесом неведения» его участники не знают не только о своем социальном положении или классовой принадлежности, но и в виде. Наконец, борьбу за признание могут вести не только эксплуатируемые группы, но и их полномочные представители (например, защитники животных).

Более радикальным вариантом выглядит отказ от договорной теории справедливости, при этом наиболее перспективным путем решения проблемы представляется функциональная теория Марты Нуссбаум, которая предполагает рассматривать животных как самостоятельных субъектов, имеющих право на достойную жизнь и процветание. В этом контексте справедливыми являются действия, обеспечивающие полную реализацию животными возможностей для подобной жизни. Теория Нуссбаум представляет достаточно стройную систему идей, которые могут использоваться в качестве основания для морального и правового нормотворчества в сфере отношений человека и животных.

**Моральная экспертология:
Проблемы методологии этической экспертизы в сфере культуры.
Коллективная монография.**
Под ред. А.И. Бродского и Е.А. Овчинниковой.
СПб.: «Реноме», 2020. — 224 с.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ

В рамках работы секции «Профессиональная этика: новая реальность»

Зародившаяся в сфере биомедицинских исследований этическая экспертиза в настоящее время активно применяется по отношению к другим сферам общественной жизни: бизнесу, образованию, искусству, средствам массовых коммуникаций и т. п. Однако, чем шире применяется этическая экспертиза, тем очевиднее становятся связанные с ней проблемы и противоречия. Возможна ли здесь какая-либо методология? На каких основаниях должны выноситься нравственные оценки культурных событий? Кто может быть экспертом? Каким образом должны быть «внедрены в жизнь» решения подобной экспертизы? На все эти вопросы пока не нашлось четких и вразумительных ответов. А это приводит к тому, что результаты этических экспертиз, как правило, оказываются полностью зависимыми от бытующих в обществе «нравственных стереотипов», обычно противоречивых и костных, а также от идеологических ориентаций экспертов. Конечно, авторы монографии не претендуют дать однозначные решения поставленных проблем, однако надеются наметить некоторые пути дальнейших исследований.

Книга рассчитана как на специалистов в области этики и социальной философии, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами

РФФИ №8-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 *Agostino Cera*. Beyond the Imperative Responsibility. Ethics in the Anthropocene
- 5 *Daljeet Dhanju, Jatinder Kumar Sharma*. Rights of the Unborn Vs Rights of the Mother: Considerations for and Against Abortion
- 5 *Alexandru Dragomir*. On the Physical Possibility of Supra-Personal Moral Status – are we Justified to Believe it?
- 6 *Jane Gatley*. Moral Education Through the Philosophical Canon
- 7 *William Hahn*. Ambiguities of Inference and Implication: The Aristotelian Syllogism Between Logic and the Theory of Argument
- 7 *Lucia Heldáková*. Curriculum of Ethical Education in Slovakia (Problems and Prospects)
- 8 *Leszek Kopciuch*. Does Creativity Have a Moral Side?
- 8 *Nicola Liberati*. Fashion and Smart Textile: A Phenomenological and Postphenomenological Perspective
- 9 *Dmytro Mykhailov*. AI in Medical Diagnosis: Mapping the Field of Ethical Issues
- 10 *Michail Pantoulas, Vasiliki Vergouli, Panagiotis Thanassas*. Aristotle's Concept of Truth and the Epistemological Premises of the Nichomachean Ethics
- 11 *Emmanuel Picavet, Gilles Campagnolo*. Ethics and the Challenges of Economic Philosophy
- 12 *Markus Tschoegl*. Indignation as a Threat to Moral Discourse
- 12 *William Tullius*. Person in Community, Repentance and Historical Meaning: From an Individual to a Social Ethics in Stein's Early Phenomenological Treatises
- 13 *Matthew Turyn*. The Need for Epistemic First-Person Authority
- 14 *Mohsen Shiravand*. Conceptual Analysis of “Good” from the Perspective of Holy Quran
- 15 *Lubov Vladyková*. Ecological Ethics: Articulation of the Relation between Human Beings and other Living Entities
- 15 *Авдеева И.А.* Может ли ответственность быть корпоративной?
- 16 *Алейников А.В.* Асимметрия риск-рефлексивных практик: реальные опасности и торговля угрозами
- 17 *Баранов А.Е.* Агональность в бизнес-литературе
- 18 *Барбашина Э.В.* Медицинский нарратив и некоторые сложности его реализации
- 19 *Барташевич Т.Ю.* Перспективы институционализации этической экспертизы
- 20 *Беляева Е.В.* Моральный субъект этики ответственности
- 21 *Богомаз А.В.* Прогнозирование направлений социального регулирования искусственного интеллекта и робототехники: право и этика
- 22 *Борисов С.В.* Интеллектуальные добродетели или о ценности рациональности
- 23 *Буцукина М.В.* Парадоксальность морального сознания в философии Николая Бердяева
- 24 *Бытдаева А.Х.* Этические аспекты учения о личности в философии права П.И.Новгородцева
- 26 *Васьльева Н.С.* Что юриспруденция может сказать о праве? Проект реформы юриспруденции Альфа Росса
- 27 *Веселова С.Б.* Свободное действие, превращающее моральный закон в парадокс (Частный случай фрактальной логики)
- 29 *Вишневецкая А.А.* Актуальные проблемы нейроэтики

- 30 *Власова Н.В.* Трансформация европейской идентичности в условиях глобальных угроз
- 31 *Воробьева М.В.* Воспитывая гражданина: к вопросу о формах работы с населением в публичных парковых пространствах Свердловска/Екатеринбурга
- 32 *Гагаев А.А., Гагаев П.А.* Проблема природы математического зла
- 33 *Гайворонская С.А.* Эстетическая категория этики хакера, или оптимизация «я» посредством `int main() {int i = 0; i++; i--; return i;}`
- 35 *Гарвардт А.Э.* Феномен социальной ценности и этика социальных модернизаций
- 36 *Гарвардт М.А.* Этические аспекты выбора образовательной политики государства в условиях пандемии
- 37 *Глебова С.В., Глобина А.К.* «Я могу чем-нибудь ЕЩЁ Вам помочь?» О проблеме гиперэтичности делового дискурса
- 38 *Глобина А.К.* Self-life matter?
- 39 *Головков В.В.* Три вопроса создания этичного искусственного интеллекта
- 40 *Джабраилов Р.И.* Последнее танго в Париже: этика де Местра и хаос множества
- 41 *Дробышева А.В.* К исследованию нравственной культуры поколений в современной России
- 42 *Еременко Т.В.* О структурно-содержательном наполнении информационно-справочного модуля «Академическая этика студента» в ЭИОС современного вуза
- 43 *Жадунова Н.В.* Реализация этических принципов в стратегиях развития личности (на примере студенческой молодежи)
- 44 *Зайцев П.Л.* Аксиосфера домашнего фитнеса в период самоизоляции: тюремный след
- 45 *Захарова А.А.* Медиация ровесников как инструмент трансформации ценностных установок школьников
- 46 *Зеленкина А.А.* Этическое лидерство и корпоративная культура, проблема результативности и успеха
- 47 *Зубковская А.А.* Проблема происхождения “моральных религий” в современном эволюционном религиоведении
- 49 *Каньшева О.А.* Этические ценности дизайнера
- 49 *Коваль Е.А.* Социальное воображаемое: Иппокрена или омут для нормотворчества?
- 50 *Козин Т.В.* Неореспубликанская критика Исайи Берлина
- 51 *Кондуров В.Е., Тимошина Е.В.* «Тирания ценностей» в конституционном и наднациональном правосудии
- 53 *Костина О.В.* Нравственное измерение опыта в медийную эпоху
- 53 *Краева В.Д.* Этические проблемы культуры отмены
- 55 *Куцев А.А.* Феномен гражданской религии и этические аспекты её существования
- 56 *Лисанюк Е.Н.* Обоснование и убеждение в делиберативной аргументации
- 57 *Марина М.В.* Актуальные проблемы этики современного музея в глобальном и национальном контекстах
- 58 *Мартынова М.Д.* Цифровая гигиена в рамках парадигмы стратегий нравственного развития личности в условиях глокализации

-
- 60 *Масланов Е.В.* Негумбольдтовские зоны обмена как пространства социогуманитарной экспертизы
- 61 *Мачкарина О.Д.* Общество будущего: новое «видение добра»
- 62 *Мишаткина Т.В.* Экстремальная этика в экстремальных ситуациях
- 63 *Мухутдинов О.М.* «Моя свобода начинается там, где начинается свобода другого»
- 64 *Неаполитанский М.С.* Этическая составляющая постгуманистического концепта и её проявления в контексте новейших технологий
- 65 *Оводова С.Н.* Этика метамодернизма и деколониализма
- 66 *Овчинникова Е.А.* Ценности и оценка в этической экспертизе
- 67 *Ольшанская Т.Д.* Концепты «честь» и «справедливость» в контексте омерты
- 68 *Перова Н.В.* Моральные риски либеральной евгеники
- 69 *Петрушихина А.К.* Человек и Вселенная: преобразование природы на основе нравственности и радио. Проблематизация идей К.Э.Циолковского
- 70 *Поденков А.О.* Истоки ответственности как осознанная позиция. Портрет ответственного человека
- 71 *Положенцев А.М.* Проблема исследования убийства: моральные аспекты рефлексии
- 72 *Полякова Н.В.* Ватикан в условиях COVID-19: новые этические вызовы и перспективы
- 73 *Прокофьев А.В.* Обоснование особых дозволений и обязанностей: подходы и трудности
- 74 *Пронских В.С.* Проблемы современной ядерной энергетики: этический анализ
- 75 *Прянчиков Н.О.* Когнитивная свобода как расширение права на свободу мысли в свете современной нейроэтики
- 76 *Разин А.В.* Новые технологии и новое общество
- 77 *Робин И.Л.* Актуальность этико-конфликтологической интерпретации феномена массовых протестов: к постановке проблемы
- 78 *Рыбакова Д.П.* Этнические стереотипы: анализ влияния в медиа-пространстве
- 79 *Саввина О.В.* Евгенические практики в рамках рыночной экономики
- 80 *Севастьянова А.Д.* Сексуальная мораль и право
- 81 *Серегин Б.В.* Этика спорта как прикладная этика в условиях формирования цифрового общества
- 83 *Синюкова Н.А.* Эволюция практик этической экспертизы в клинической медицине
- 84 *Скрипник А.П.* Понятие умеренного этического конструктивизма
- 85 *Соловьёва В.М.* Этические аспекты современного медиаобразования
- 86 *Старовойтова С.* Ethnic Mobility as a Mean to Create a More Homogeneous Society
- 87 *Стрежнева К.О.* Проблема свободы воли в современной нейроэтике
- 88 *Сунами А.Н.* Этические факторы манифестации риск-рефлексий
- 89 *Сычев А.А.* Ориентиры морального нормотворчества
- 90 *Тимофеева А.В.* Конец человеческой исключительности в оптике научного искусства
- 91 *Углева А.В.* Интеллектуальная ответственность и эпистемологический теизм
- 92 *Федорова К.А.* Этическая мысль русского символизма

- 93 *Хамидов А.А.* Аргумент к незнанию в презумптивной аргументации
- 95 *Храмцова П.Е.* Концепт «Насилие» в хип-хоп музыке
- 95 *Цуркан Е.Г.* Этические измерения «приватной публичности» и «публичной приватности»
- 97 *Чепелева Н.Ю.* Перспективы этического учения А.Шопенгауэра
- 97 *Чернядев Д.А.* Проблема распределения ответственности за распространение информации в интернете между субъектом и системой
- 99 *Шалагина Г.Э.* Практическая философия в обществе постмодерна: вызовы и перспективы
- 100 *Шеваренкова А.В.* Нравственные приоритеты в моральном выборе журналиста
- 100 *Шевченко А.А.* Моральная удача как нормативный вызов
- 102 *Шитовалова Л.В.* Проблемы научной коммуникации в эпоху цифровых технологий. От распределенного познания к распределенной морали
- 103 *Шкаброва М.В.* Этика и технологии. Проблема субъекта в контексте внедрения цифровых технологий
- 104 *Шова М.С.* Проблема лжи в политике
- 105 *Шпеннгер Л.С.* Ступени аутентичности: от *αλήθεια* к самости
- 106 *Штарк Е.В.* Реалии современной действительности добровольчества (волонтерства) в условиях пандемии 2020 г.: опыт и перспективы развития
- 108 *Щенина Д.А.* Культура инфлюенсеров: нужен ли блогерам этический кодекс?

CONCEPTUALIZING INTEGRITY OF SPORTS: MULTIPLE PRACTICES AND APPROACHES

Материалы круглого стола

- 110 *Chia-Ting Sun.* Taking Gene Doping as a Route for Thinking: Ethical Dilemmas and Challenges in the Fields of Contemporary Sports
- 110 *Emese Ivan.* Game Changers in Sport: The Ethics of Innovation, Creativity, and Entrepreneurship
- 111 *Sanjay Tewari, Sanjana Tewari.* Fixing: Menace towards Integrity of the Indian Sport's
- 112 *Васильев И.А.* Спортивная юриспруденция vs. узкое понимание integrity
- 112 *Гонашвили А.С.* Роль Фэр Плэй в формировании спортивных практик
- 113 *Синютин М.В.* Противоречие в определении интегрита спорта как выражение реального социального противоречия: к постановке вопроса

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Материалы круглого стола

- 115 *Ананьева Е.М.* Этическое измерение Wirkungsgeschichte в герменевтике Х.-Г.Гадамера: еще раз о формализме в этике
- 116 *Апресян Р.Г.* Концепция моральной императивности в этике Джозефа Батлера
- 117 *Барташевич Т.Ю.* Нравственные категории в трудах представителей русской школы философии права (на рубеже XIX-XX вв.)
- 118 *Бердаус С.В.* Этика Э.Гуссерля: между психологией и феноменологией
- 120 *Виноградова О.А.* Моральное образование как условие нравственного прогресса человеческого разума в работах Николя де Кондорсе

- 121 *Дорофеев Д.Ю.* Визуальная этика и эстетическая персонализация добродетели
- 122 *Карчагин Е.В.* Идея справедливости в «Левифане» Т.Гоббса
- 123 *Климович А.И.* Этические взгляды Винченция Бучинского
- 125 *Кудряшова В.К.* Соотношение моральных и интеллектуальных добродетелей в добродетельном респонсibiliзме Л.Т.Загзебски
- 126 *Кузнецов Н.В.* Традиции этической школы Ленинградского/Санкт-Петербургского университета
- 127 *Махнов А.Д.* О понятии свободы в связи с философствованием Л.Витгенштейна
- 128 *Овчинникова Е.А.* Генезис этической терминологии русской мысли
- 129 *Пионткевич Л.Ю.* Идея морали в свете исторической школы права
- 130 *Ставцева О.И.* Роль стыда в концепции морали З.Баумана
- 131 *Тарковский В.Н.* Некоторые проблемы формирования современной теоретической этики
- 132 *Туманян Т.Г.* Этико-дидактическое наследие средневекового мусульманского Востока и отечественная историко-философская традиция
- 133 *Фатиев Н.И.* Возможные миры Лейбница - этико-теологический аспект семантической модели
- 134 *Чумакова Т.В.* Концепт «радость» в русской этической мысли (досекулярный период)
- 135 *Шахнович М.М.* Эпикурец Гермарх о запрете убийства (по трактату «Против Эмпедокла»)

ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ НЕЙРОНАУК

Материалы круглого стола

- 137 *Бродский А.И.* Единство Природы человека и единые стандарты поведения
- 137 *Волкова А.В.* Этические основания институциональных дизайнов внедрения цифрового публичного управления: опыт Германии
- 138 *Грacheва М.В.* Восприятие юмора, как одна из характеристик морального сознания
- 140 *Гришинева А.А.* «Цифровой след» как подтверждение благонадежности человека
- 141 *Климович А.И., Цвирко В.И.* Электронная медицинская карта как удвоение образа пациента
- 142 *Клюева Н.Ю.* Технологии искусственного интеллекта: актуальные этические дискуссии
- 143 *Ковалева Т.В., Плащенкова З.* Трансформация гуманизма и человека в контексте влияния цифровизации, био-и нейротехнологий
- 144 *Кузнецова М.Б.* Формы медийной образности и ценностных конфликтов в цифровом пространстве
- 146 *Ларионов И.Ю.* К вопросу о нейрофизиологических основаниях этики
- 147 *Мапельман В.М.* Прорывные технологии: моральный статус и нравственные особенности
- 149 *Назаров В.Н.* Этические вызовы цифровой танатологии (К вопросу о «цифровой этике послесмертия»)
- 150 *Овчинникова Е.А.* Факторы формирования нравственной культуры современного общества

- 151 *Павлова Е.В.* Этический дискурс рисков цифровой трансформации
 152 *Павлова Е.В., Потапова П.А.* Принципы sustainable production в сфере организации труда
 153 *Перов В.Ю.* «Нейроэмоции» и моральный выбор

МОРАЛЬНАЯ НОРМАТИВНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСАХ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы круглого стола

- 155 *Артёмов В.М.* Нравственность как основа защиты здоровья людей в условиях новых вызовов и цифровизации
 156 *Артёмов Г.П.* Нормативно-ценностная структура профессиональных этических кодексов и ценностные приоритеты профессиональных сообществ
 157 *Дорохина Р.В.* Облик преподавателя и студента в дистанционном обучении
 158 *Зимбули А.Е.* Пациент ещё жив? Преподавание этики как деятельность и как проблема
 159 *Кулакова Т.А.* Публичные ценности и цифровизация государственного управления в России
 160 *Ларионов И.Ю.* «Рекомендации по этичному использованию искусственного интеллекта» Министерства обороны США и проблема двойного эффекта
 162 *Мелешко Е.Д.* Трансгуманистические ценности в этике образования
 163 *Назарова Ю.В.* Трансформация нравственных ценностей в контексте профессиональной этики
 164 *Перов В.Ю.* Проблема нормативных исключений в профессиональных этиках
 165 *Протанская Е.С.* Культура и этика профессиональной деятельности постматериалистического общества

ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ

Материалы секции

Совместно с общественной организацией «Голоса за животных», Санкт-Петербург

- 167 *Gary Steiner* Can Kant's Views on Animals be Rehabilitated?
 168 *Держивицкий Е.В.* Мост для белочек или когда же людям станет хорошо
 169 *Матанцева А.Д.* Как отношение к животным отражается в современном дискурсе?
 170 *Рахманинова М.Д.* От техники модерна к переосмыслению техники: животное в современном мире
 171 *Сычев А.А., Фофанова К.В.* Справедливость по отношению к животным

173 МОРАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ:

Проблемы методологии этической экспертизы в сфере культуры. Коллективная монография. Под ред. А.И. Бродского и Е.А. Овчинниковой. СПб.: «Реноме», 2020. — 224 с.

Презентация книги

Научное издание

**ХII международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2020.
Философия. Этика. Практика.»**

Санкт-петербургский Государственный Университет,
19-21 ноября 2020 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов,
к.филос.н., доц. Е.А.Овчинникова

Издание печатается в авторской редакции.

ISBN 978-5-85263-226-5

9 785852 632265

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 64-2
тел.: +7(812) 642-43-44, e-mail: info@sborka.spb.ru